

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А. А. ПОТЕБНИ

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ

НИТКОВА
ДУМКА

КИЕВ 1964

В книге рассматриваются современные отношения балтийских и славянских языков с точки зрения территориального распространения ряда явлений, главным образом, семантического и синтаксического характера, которые объединяют или, напротив, разъединяют названные языки. В последнем случае для сопоставления привлекаются данные других индоевропейских, а также неиндоевропейских языков.

*Печатается по постановлению ученого совета
Института языковедения им. А. А. Потебни
Академии наук Украинской ССР*

Анатолий Павлович Непокупный
АРЕАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИИ

Редактор *Н. С. Васильева*
Художественный редактор *В. А. Коломийчук*
Оформление художника *Е. В. Чурия*

Технический редактор *О. А. Кадашевич*
Корректоры *О. А. Дитель, В. А. Зипа*

БФ 05048. Зак. № 1515. Изд. № 90. Тираж 1000. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. физ. листов 10,5+3 вкл. Услови. печ. листов 11,4. Учетно-изд. листов 10,95. Подписано к печати 3.XII 1964 г. Цена 82 коп. Т. п. 1964, поз. 110.

Издательство «Наукова думка». Киев, Репина, 3.
Львовская типография № 14 Государственного комитета Совета Министров УССР по прессе. Львов, Стефаника, 11.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«...Когда, для того чтобы исследовать, будут объединяться..., тогда будут стараться печатать малейшие замечания, как мало они ни были бы новы, и прибавлять: «остального я не знаю».

(Э. Галуа, Предисловие к «Двум мемуарам по чистому анализу»).

Проблема балто-славянских языковых отношений — одна из основных в славистике и индоевропейском языкознании вообще — в той или иной форме существует в науке с самого начала сравнительно-исторического языкознания. Центральный вопрос в этой проблеме — «существовало ли балто-славянское языковое и этническое единство и как следует его понимать?»¹ — является предметом дискуссии, которая ведется вот уже свыше полувека. Однако, поскольку спорящие стороны обычно занимают диаметрально противоположные позиции, то и к участникам дискуссии, и к ее результатам в значительной степени можно отнести слова Р. Декарта: «Я не замечал, чтобы благодаря диспутам, практикуемым в школах, открывали какую-либо истину, неведомую раньше, ибо в погоне за победой каждый больше старается отстоять правдоподобность своих положений, чем взвесить доводы за и против; недаром те, которые долгое время были хорошими адвокатами, не становятся потом благодаря этому лучшими судьями»².

Для изучения вопроса о балто-славянских языковых отношениях и объяснения многочисленных общих черт в этих языках как унаследованных из единого источника в прошлом или же возникших в результате параллельного развития (дилемма, которая разделяет участников дискуссии на сторонников и противников балто-славянского языкового единства) необходимо прежде всего привлечь и ареально сопоставить богатый диалектный материал современных балтийских и славянских языков. Представленная таким образом картина современных отношений языков этих двух родственных групп в ареальной проекции может и должна служить отправным пунктом для различного рода исторических изысканий в поисковой проблеме балто-славянского языкового единства.

---

¹ См. «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)», М., 1958, стр. 152 и др.

² Р. Декарт, Рассуждение о методе, часть VI, «Избранные произведения», Госполитиздат, М., 1950, стр. 310.

В данной работе как раз и делается попытка на примере конкретных явлений рассмотреть некоторые общие вопросы ареальных взаимоотношений балтийских и славянских языков. Источниками для исследования, кроме уже опубликованных, послужили экспедиционные записи автора в Литве, а также результаты специальной диалектологической анкеты, различные диалектные материалы, хранящиеся в ряде научных центров Советского Союза и зарубежных славянских стран.

Поскольку логика предмета нередко отражается в истории его развития, следует сказать о том, что данная работа является результатом начатого летом 1957 г. изучения русского говора д. Федоришки Биржайского р-на Литовской ССР, который заинтересовал автора прежде всего со стороны литовско-русского языкового взаимодействия³. Попытка объяснить некоторые явления в этом островном говоре русского языка вывела автора в более широкую область балтийских и славянских диалектов вообще, а в ряде случаев — и за ее пределы, на территории других языков. В итоге всего первоначально основная и второстепенная задачи поменялись местами и возник замысел книги⁴, реализация которого представлена в настоящем издании.

В процессе работы автор не раз ощущал то объединяющее начало, которое несет в себе наука. Оно выражалось в поддержке многих и многих научных работников, каждый из которых внес в эту книгу и частицу своего труда: «нет исследования, которое бы требовало большего числа сотрудников, чем диалектологическое исследование»⁵. Такими сотрудниками автора (в особенности при сборе материала) были В. Дамбе и Ю. М. Паршута (Рига), А. Видугирис и С. Крягжде (Вильнюс), Р. В. Кравчук (Киев—Минск), а также Н. А. Грицак (Ужгород), З. Тополинська (Варшава), М. Карась (Краков), Б. Зимова (Прага), П. Ивич (Нови-Сад), И. Виппель (Берлин) и другие. Им — названным и неназванным — и посвящается эта книга.

---

³ См. А. П. Непокупный, Кілька випадків впливу литовської мови на синтаксис російських говірок Литовської РСР (Прийменникові та безприйменникові конструкції), «Науковий щорічник КДУ за 1957 рік», К., 1958, стр. 137—140.

⁴ См. А. П. Непокупный, О трех аспектах в изучении современных балто-славянских языковых отношений (на примере конструкций с творительным инструментальным), сб. «Программа и тезисы межвузовской диалектологической конференции по изучению русских говоров в прибалтийских республиках (1—3 февраля 1962 г.)», Вильнюс, 1962, стр. 8—9.

⁵ Высказывание Ш. Бруно (приводится по статье: W. Doroszewski, Przedmiot i metody dialektologii, е го же, сб. «Studia i szkice językoznawcze», Warszawa, 1962, стр. 427).

О ТРЕХ АСПЕКТАХ
В ИЗУЧЕНИИ АРЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

«...Принцип территориальности (размещение) выражает не сущность изучаемых предметов, а методологическую специфику в подходе к изучению их».

(В. А. Анучин, Теоретические проблемы географии).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ
БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

*1. Общеязыковедческий характер
балто-славянской языковой проблематики*

Сложность основного вопроса дискуссии о характере взаимоотношений балтийских и славянских языков — образуют ли они генетическое или же конвергентное единство — не представляет собой специфически балто-славянского свойства, а является отражением теоретических трудностей языкознания вообще, в котором разграничение случаев изначального и приобретенного языкового родства не относится к числу решенных задач: «Изначальное тождество» (*l'identité initial*), которое устанавливает сравнительная грамматика, является не более чем некоторым состоянием конвергентного развития»¹.

Говоря о трудностях такого рода, В. Пизани в статье «Лингвистическое родство» писал, что «когда существует родство между двумя лингвистическими группами с ограничением числа элементов, которые могут быть сравними, между тем как для всех других элементов имеются родственники, которых нельзя признать из-за отсутствия документации», то единственное решение в этом случае сможет дать только документация, которая и позволит сказать, «является ли родство, о котором идет речь, близким в сравнении с другим или нет»². Ср. соответствующее

---

¹ R. Jakobson, Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues, его же, сб. «Selected writings, I, Phonological studies», 's-Gravenhage, 1962, стр. 236.

² V. Pisani, Parenté linguistique, его же, сб. «Saggi di linguistica storica», Torino, 1959, стр. 39—40.

высказывание Э. Бенвениста: «...говорить о различии между общим историческим происхождением (*filiation*) и типологическим сродством (*affinité*) можно только на основе наших современных наблюдений. Если же группировка по типологическому сродству установилась в доисторический период, то с исторической точки зрения она покажется нам признаком генетического родства»³.

Все эти мнения, которые могут быть полностью отнесены и к балто-славянской языковой проблеме, затрагивают основу принципиальных расхождений в ее понимании и трактовке.

2. Ареальное сравнение

2. 0. *Общие замечания.* Ответ на вопрос о характере балто-славянских языковых отношений является вместе с тем не только далекой теоретической целью, но, строго говоря, практически необходим (пусть даже только в форме рабочей гипотезы) уже в самом начале исследования, поскольку от этого, в принципе, зависит выбор того или иного метода. Ср.: «сходства между языками с н а ч а л а (разрядка наша. — А. Н.) должны быть оценены как результат общего происхождения, межъязыкового влияния или конвергенции»⁴. Однако в нашем случае это является скорее з а д а ч е й, чем у с л о в и е м исследования, и при нерешенности вопроса об общей теоретической посылке — родстве или сродством следует объяснять большое сходство между названными языками — наилучшими методами сравнения будут, очевидно, те, которые не требуют однозначного ответа на поставленный вопрос.

В этом смысле ареальное сравнение, понимаемое достаточно широко как в отношении генетических, так и типологических явлений, имеет преимущество перед генетическим, которое обязательно предполагает родство языков. В частности, это хорошо сказывается в тех случаях, когда те или иные особенности балтийских и славянских языков, специфические для них в генетическом аспекте, т. е. при сопоставлении с другими индоевропейскими языками, с одной стороны, находят аналогию в прибалтийско-финских языках, а с другой — и в самой балто-славянской области распространены не в одинаковой мере. Так, в отношении родительного падежа при отрицании как одного из «наиболее значительных балто-славянских синтаксических соот-

³ Э. Бенвенист, Классификация языков, сб. «Новое в лингвистике», III, Изд-во иностр. лит., М., 1958, стр. 49—50.

⁴ J. H. Greenberg, *Essays in linguistics*, Chicago, 1957, стр. 68.

ветствий»⁵ следует учесть, что, во-первых, аналогичное явление — партитив в отрицательных по структуре предложениях — выделяет и прибалтийско-финские языки среди финно-угорских⁶ а во-вторых, эта особенность, например, свойственна «только одной (восточной) части территории Латвии, между тем как и в других частях родительный или вовсе не известен, или употребляется реже»⁷.

2. 1. *Ареал, ареальный (термины и понятия)*. Термин «ареал» в его общенаучном употреблении обозначает область распространения (ср. лат. *ārea* — площадь, область распространения). Соответствующее значение имеет и прилагательное «ареальный», т. е. относящийся к ареалу. Однако, если воспользоваться выражением античных ученых, в языкознании эти термины нередко употребляются не столько «от природы», сколько «по установлению» — и в чисто пространственное понятие, каким, в сущности, является ареал, пытаются вместить и вопрос о его происхождении. Так, по определению Б. В. Горнунга, «термин «ареал» (франц. *aîre*), введенный в лингвистику Жильероном, означает распространение данного языкового факта в данную эпоху на определенной территории (в пределах группы говоров одного диалекта, группы диалектов одного языка или группы говоров родственных языков); у М. Бартоли — иногда даже с выходом изоглоссы за границы языковой семьи, т. е. с исключением в один ареал языков, неродственных между собой»⁸. С другой стороны, М. Эмено в статье «Индия как лингвистический ареал» употребляет этот термин в смысле «языкового союза» Н. С. Трубецкого⁹.

Очевидно, «ареал» употребляется в двух значениях: узком — ареал явления и широком — ареал диалекта, языка или группы языков. Каждое из этих понятий имеет свое внутреннее деление. Так, ареал языка может быть прерывным. В этом случае

⁵ P. Tross, O baltoslovanských vztazích v oblasti syntaxe, сб. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků», Olomouc—Praha, 1957, стр. 125.

⁶ K. Kont, Lause eitavast sisust sõltuv objekt läänemeresoome keeltes, «Emakeele seltsi aastaraamat», IV, 1958, Tallinn, 1959, стр. 243—244.

⁷ М. Лепика, Падеж дополнения при отрицании в латышском языке (автореферат канд. дисс.), Рига, 1958, стр. 4.

⁸ Б. В. Горнунг, Примечание к переводу: В. Пизани, Общее и индоевропейское языкознание, сб. «Общее и индоевропейское языкознание», Изд-во иностр. лит., М., 1956, стр. 112.

⁹ М. В. Емешеау, India as a linguistic area, «Language», XXXII, 1, 1956, стр. 16. Ср. замечание У. Вайнрайха: «Конвергентный ареал» (convergence areal) является, быть может, ...более специфически полнозначным, чем «лингвистический ареал» М. Эмено (U. Weinreich, On the compatibility of genetic relationship and convergent development, «Word», XIV, 2-3, 1958, стр. 379).

для каждого из его непрерывных субареалов предложен термин «район языка» (*region of the language*)¹⁰, что представляется весьма необходимым ввиду существования языковых островов¹¹. С другой стороны, понятие ареала явления оказывается еще более дифференцированным в зависимости от различных сторон языка (ареал фонологический, семантический и т. п.).

В связи с этим, нет необходимости включать в общее значение термина и указание на характер происхождения ареала: это самостоятельный вопрос, относящийся уже к интерпретации ареала. В частности, ареальную классификацию языков нельзя сводить только к случаям их взаимного влияния, как это делает Дж. Гринберг¹². То же самое относится и к употреблению термина «ареальный», в частности, в выражении «ареальная лингвистика», которым, как пишет М. Эмено, «завладела раньше других итальянская неолингвистическая школа в ином значении»¹³ (иное — по отношению к трактовке ареала у М. Эмено. — *А. Н.*). Однако термин «ареальная лингвистика» употребляется в настоящее время не только в «неолингвистическом» значении, т. е. как распространение принципов и методов лингвистической географии применительно к индоевропейской языковой общности на изучение диалектов индоевропейского языка, но и (как синоним «лингвистической географии») по отношению к одному языку¹⁴, а также — что важно и в смысле «лингвистического ареала» М. Эмено — к территориальным группам языков независимо от наличия или отсутствия родства между ними¹⁵. В этих же общих значениях употребляются термины «ареал» и «ареальный» и в данной работе.

3. Проблемы общеславянского и балканского лингвистических атласов и ареальные отношения балтийских и славянских языков

3. 0. Постановка вопроса. Ареальные отношения двух языков или двух групп языков, очевидно, лучше всего можно было

¹⁰ I. Duеn, *Language distribution and migration theory*, «Language», XXXII, 4, 1956, стр. 614.

¹¹ Ср. «рост числа районов того или иного языка может происходить путем миграции самих его носителей или же носителей другого языка, благодаря чему полностью отделяется часть прежде непрерывного ареала данного языка» (I. Duеn, указ. соч., стр. 614).

¹² J. H. Greenberg, указ. соч., стр. 67.

¹³ M. V. Emenеаu, указ. соч., стр. 16.

¹⁴ См. W. S. Avis, «Crocus bag»: a problem in areal linguistics, «American speech», XXX, 1, 1955, стр. 5—16.

¹⁵ См. B. A. Serebrennikov, *The history of languages and areal linguistics*, «Proceedings of the Eighth international congress of linguists», Oslo, 1956, стр. 423—425.

бы представить в виде специального атласа, в данном случае — атласа балтийских и славянских языков, или балто-славянского лингвистического атласа (сокращенно: БСЛА). Этот вопрос, если не в плане практической реализации, то, во всяком случае, в теоретическом аспекте приобретает особую актуальность в связи с проблемами общеславянского (ОЛА) и балканского (БЛА) лингвистических атласов.

По своей проблематике БСЛА как атлас двух близких между собой групп языков должен стоять между общеславянским лингвистическим атласом как атласом одной группы языков — с одной стороны, и балканским лингвистическим атласом как атласом языкового союза нескольких языковых групп (или языков) — с другой, точно так же, как между проблематикой языкового союза и языкового родства находится комплекс вопросов балто-славянских языковых отношений. Вот почему обсуждение проблем, связанных с общеславянским и балканским лингвистическими атласами, имеет самое непосредственное отношение к теории БСЛА, в данном случае к ареальным аспектам балто-славянских языковых отношений. Особо следует остановиться на двух вопросах: о включении территории неславянских (в особенности балтийских) языков в область общеславянского лингвистического атласа (общий языковой ареал) и о характере вопросника (частные ареалы языковых явлений).

3. 1. *Общий языковой ареал.* Балтийским языкам, несмотря на их близость к славянским, было уделено наименьшее внимание при обсуждении вопроса о включении неславянских территорий в область общеславянского лингвистического атласа. Вместе с тем уже одно распространение славянской программы и на территорию балтийских языков могло бы дать определенный вариант балто-славянского лингвистического атласа. Об этом можно судить хотя бы потому, что, за исключением вопросов по морфологии, вопросник общеславянского атласа в большей или меньшей степени применим даже к говорам румынского языка¹⁶ — тем более он должен подходить для балтийских языков.

Разумеется, создание балто-славянского атласа не может входить в прямые задачи общеславянского лингвистического атласа, и сам вопрос о неславянских территориях находится на периферии его основных проблем. Однако то обстоятельство, что инициаторы ОЛА не имели четкой позиции в отношении

---

¹⁶ E. Petrovici, E. Vrabie, *In legătură cu atlasul lingvistic slav, «Romanoslavica», VII, Dialectologie, București, 1963, стр. 187—193.*

балтийских языков¹⁷, отчасти может свидетельствовать о состоянии разработки балто-славянских языковых отношений на уровне диалектов и тем самым говорить в пользу актуальности таких исследований.

Несомненно, что вопрос о включении неславянских языковых территорий в область ОЛА в значительной степени определяется пониманием основной цели атласа — генетической или типологической. Однако и в том и в другом случае нельзя обойтись без участия балтийских языков.

3. 2. Ареалы языковых явлений.

3. 2. 0. Предварительные замечания. Более кардинальной задачей в подготовке общеславянского атласа и вместе с тем ответственным шагом в разработке проблемы ареальных взаимоотношений балтийских и славянских языков является вопрос о том, что должно быть взято для сравнения.

«Мы не можем говорить, что сравниваем и классифицируем языки, — пишет Е. Вестфаль, — поскольку мы раздробили исследование языков на изучение фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса, лексики и т. д. До сих пор еще единой науки лингвистики не существует, и потому, если мы говорим о родстве двух языков, мы обычно подразумеваем нечто более специфическое, например, фонетическое родство, морфологическое, лексическое и др.»¹⁸

В соответствии с этим и общие ареалы языков можно изучать только через ареалы определенных явлений. При сравнении нескольких языков больший интерес, очевидно, должны представлять явления, которые занимают больший ареал (что обуславливает возможность самого сравнения). Это, в свою

¹⁷ См. обсуждение доклада Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна о принципах общеславянского лингвистического атласа на IV Международном съезде славистов (сентябрь 1958 г.), в частности, выступление Вяч. Вс. Иванова («IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, II, Проблемы славянского языкознания», Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 371) и заключительное слово Р. И. Аванесова (там же, стр. 385). Ср. также мнение З. Штибера (Z. d. Stieber, O projekcie ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego, сб. «Славянская филология», I, Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 130). С поддержкой идеи участия балтийской территории в ОЛА выступил также В. Н. Топоров (1961) (К вопросу о балто-славянских языковых отношениях, сб. «Актуальные проблемы славяноведения», КСИС, 33-34, Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 217). В статье Р. И. Аванесова (1962) уже говорится, что «атлас мог бы охватить румынскую и венгерскую территории в Центральной Европе, возможно, латышскую и литовскую на северо-западе» (К вопросу об общеславянском лингвистическом атласе, «Slavia», XXXI, 4, 1962, стр. 504).

¹⁸ Е. Вестфаль, О языковом родстве, сб. «Африканское языкознание», Изд-во иностр. лит., М., 1963, стр. 366.

очередь, ставит закономерный вопрос о взаимозависимости между характером языкового явления и относительной величиной его ареала.

3. 2. 1. Семантические ареалы. Среди высказываний по вопросу о семантических явлениях, которым по одному мнению придается большее¹⁹, по другому — меньшее значение²⁰, для нас особенно важным представляется то, что, как считает Чехословацкая диалектологическая комиссия, ономаσιологический подход (т. е. от понятия к слову. — А. Н.) не только «обнаруживает лексическую дифференциацию славянской языковой территории, взаимоотношения отдельных ее частей», но и «отношение к окружающему неславянскому миру»²¹. В этом отношении проблематика общеславянского лингвистического атласа идет в сторону задач атласа балканского языкового союза и тем самым совпадает с теоретическими вопросами БСЛА.

Действительно, интенсивная семантическая программа считается отличительной особенностью атласа языкового союза, в частности балканского, поскольку в нем (атласе) «большое место должно было бы быть уделено картографированию соотносительных грамматических моделей, соотносительных семантических явлений, представленных в словах различной материальной оболочки»²². На такое же отличие указывает и Н. И. Толстой: «Картографирование типов конфигурации набора семантических единиц и их отношений... позволяет, отвлекаясь от материальной манифестации семем, построить довольно полную «лексическую» программу для атласов языковых союзов и, в первую очередь, конечно, балканского.

¹⁹ W. Romianowska, ответ на вопрос № 27: «Как Вы относитесь к вопросу о возможности построения лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом? Каково должно быть построение такого атласа?», «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)», Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 248.

²⁰ Р. И. Аванесов, К вопросу об общеславянском лингвистическом атласе..., стр. 510. Интересно отметить, что это различие во взглядах объясняется принадлежностью к различным диалектологическим школам. Ср. ответ Диалектологического отделения Института чешского языка, где говорится о «большой диспропорции между словарным и грамматическим материалом» в восточнославянских диалектологических анкетах, «ориентированных преимущественно на грамматику», и в польских вопросниках, «ориентированных преимущественно на словарь» («Сборник ответов...», вопрос № 27, стр. 237).

²¹ Об общеславянском лингвистическом атласе (анкета), ответ на вопрос № 8: «Какого характера должны быть вопросники по лексике и семантике? Какова их взаимосвязь? Какой должна быть «хронологическая направленность» вопросов? Какие лексические заимствования можно внести в вопросник?», ВЯ, 1961, 5, стр. 65.

²² С. Б. Бернштейн, Карпатский диалектологический атлас, ВЯ, 1963, 4, стр. 73.

Оно выявит изоморфизм семантики ряда разноязычных балканских диалектов и начертит, надо полагать, ряд любопытных изоглосс. Поэтому балканский атлас по самой природе материала (соответствий между балканскими языками) окажется более «структурным», чем славянские национальные атласы и общеславянский атлас»²³.

Очевидно, по этой же причине БСЛА в «структурном» отношении также был бы промежуточным между общеславянским и балканским. Во всяком случае семантические явления должны занять одно из центральных мест в изучении ареальных взаимоотношений балтийских и славянских языков.

3. 2. 2. Синтаксические ареалы. Синтаксические явления характеризуются крупными ареалами, и потому, чем больше исследуемая территория, тем больше вероятность обнаружить ареальные противопоставления в особенностях синтаксиса. В этом заключается решающее преимущество в синтаксических возможностях общеславянского атласа над атласами отдельных славянских языков²⁴, и можно надеяться, что расширение территории ОЛА за счет хотя бы частичного включения балтийского языкового ареала только увеличило бы эти возможности. Такое территориальное расширение тем более оправдано, что, по мнению некоторых ученых, «в области синтаксических проблем, видимо, необходимо отказаться от всяких попыток освещения эволюции языков и главное внимание сосредоточить на выявлении синтаксических типов и схем (моделей)»²⁵.

Вместе с тем не вызывает сомнения то, что синтаксические вопросы так же, как и семантические, должны составлять специфическую черту атласов языковых союзов. Ср., например, высказывание В. Порцига о синтаксисе романо-германского языкового союза в северо-западной части Европы²⁶.

²³ Н. И. Толстой, ответ на вопрос: «До каква степен лингвистичната география допринася да се установи структурата на диалекта?», сб. «Славянска филология», I, Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание, София, 1963, стр. 334.

²⁴ Об общеславянском лингвистическом атласе (анкета), ответы Чехословацкой диалектологической комиссии и Я. Бауэра на вопрос № 9: «Какого характера должен быть вопросник по синтаксису? Нужно ли типологическое обследование синтаксиса?», ВЯ, 1961, 6, стр. 65 и 67.

²⁵ Ответ М. Карася на вопрос № 9..., стр. 69.

²⁶ См. Р. Якобсон, К характеристике евразийского языкового союза, его же, сб. «Selected writings», I, стр. 145. К этому примеру можно добавить также указание на распространение индоевропейских синтаксических конструкций в финно-угорских языках Европы, что даже вызвало мнение о финском языке как таком, который в финно-угорской форме выражает балтоскандинавское содержание (Z. Rysiewicz, *Językoznawstwo porównawcze a badanie języków żywych*, его же, сб. «Studia językoznawcze», Wrocław, 1956, стр. 335).

Таким образом, и в отношении синтаксических явлений теоретические вопросы балто-славянского лингвистического атласа и — во всяком случае — изучения ареальных взаимоотношений балтийских и славянских языков также стоят между проблематикой атласа группы родственных языков и атласа языкового союза.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ТРИ АСПЕКТА АРЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

0. Общая модель балто-славянских языковых отношений

0. 1. Таблица и ее интерпретация. Для представления общей модели отношений между двумя группами языков — балтийской и славянской — можно воспользоваться дополненным вариантом так называемой четырехклеточной таблицы, применяемой в различных, в том числе и лингвистических, исследованиях статистического характера для измерения соотношения между двумя системами данных.

Таблица 1

ОБЩАЯ МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ
БАЛТИЙСКИМИ И СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

α	В (славянские)	не-В (неславянские)
А (балтийские)	a	b
не-А (небалтийские)	c	d

Специально следует остановиться на значениях дополнительно введенной нами в таблицу пятой величины α . На первый взгляд может показаться, что α выражает одно единственное значение — пересечение всех четырех классов одновременно. Однако логически это невозможно, так как в этом случае α отражало бы свойства, например, А и не-А, что недопустимо в силу действия закона непротиворечия теории классов²⁷. Анало-

²⁷ Г. Клаус, Введение в формальную логику, Изд-во иностр. лит., М., 1960, стр. 211.

гичным образом отводится как несостоятельное и предположение о том, что α может отражать сочетание трех классов, поскольку в этом случае в тройку непременно попал хотя бы один класс вместе со своим дополнением, что недопустимо. Остается единственно возможное: α отражает пересечение двух классов. Число возможных сочетаний $C_4^2=6$, однако два из них — класс и его дополнение (А и не-А и В и не-В) исключаются в силу названного выше закона, так что остается четыре (a, b, c, d) значения α , т. е. $\alpha = a$ или b или c или d .

Принципиально важным является вопрос об интерпретации величины d в таблицах такого рода.

Так, А. Эллегард считает, что d «означает неопределенность явлений, которые предположительно могут встретиться в чело-веческом языке, однако не обнаруживаются в двух рассматриваемых языках»²⁸. По поводу этой же величины d Дж. Хердан пишет: «Родство... основывается на словах, не только общих обоим или свойственных тому или иному языку, но и принадлежащих к некоторому более крупному целому (a larger whole). Это более крупное целое является, как я называю, миром речи (the universe of discourse), который в рассматриваемом случае является совокупностью индоевропейских корней, установленных до сих пор»²⁹.

Задача интерпретации величины d ставит серьезный вопрос о той предметной области, в которой определено значение «неславянские», поскольку основным в данной работе является отношение балтийских языков к славянским (а) с учетом их связей с неславянскими языками (b).

В заключение можно сказать, что из четырех типов общности явлений a, b, c, d для нас наиболее необходимыми оказываются общности типа a и b, которые с добавлением к ним α и представляют собой необходимый оптимальный вариант балто-славянских языковых отношений.

0. 2. *Терминология.* В лингвистической интерпретации под значением α мы понимаем такие отношения балтийских и славянских языков, когда язык одной стороны выступает на территории другой в виде острова. В соответствии с этим при обсуждении других уровней ареальных отношений нам кажется практически удобным использовать и последующие географические термины соответствующего ряда — континент

²⁸ A. Ellegård, Statistical measurement of linguistic relationship, «Language», XXXV, 2, 1959, стр. 139.

²⁹ G. Herdan, Mathematics of genealogical relationship between languages, сб. «Preprints of papers for the Ninth international congress of linguists», august 27—31, 1962, Cambridge, Mass., стр. 127—128.

для обозначения всей территории балтийских и славянских языков и субконтинент — для называния отдельных частей континента — балтийской и славянской³⁰. Наконец, третьей ступени ареального изучения балто-славянских языковых отношений можно дать название межконтинентальный ареал³¹.

Итак, ареальные отношения балтийских и славянских языков можно рассматривать в трех аспектах: островном (α), континентальном (а) и межконтинентальном (b).

1. Острова

1. 1. Языковой остров как пересечение языковых ареалов. Схематическое представление отношений балтийских и славянских языков наглядно показывает, сколь многообразны могут быть явления, возникающие вследствие островного положения одного языка на территории другого. Это объясняется тем, что островной ареал, если он оказывается двуязычным, фактически представляет собой пересечение двух более крупных, субконтинентальных языковых ареалов, и поскольку каждый из них, в свою очередь, может еще содержать и элементы третьего, межконтинентального уровня, то последний тем самым находит свое отражение и в двуязычном ареале острова. Особое место в изучении таких отношений принадлежит двуязычию как определенному виду сравнения языков.

Необходимо различать сравнение как исследовательский метод, которым пользуется лингвист, и сравнение как в значительной степени подсознательное явление, происходящее в голове билингвала. Из этих двух видов сравнения первый не

³⁰ Ср. высказывание А. Кребера: «Есть риск в двусмысленности двойных групп: один раз они являются кельтским и итальянским, в другой раз — единым (unit) кельто-италийским. Аналогично обстоит дело с балто-славянским... Это подобно тому, как если бы мы сравнивали одновидовую семью растений с двувидовой. Deskриптивно мы могли бы трактовать последнюю иногда как два вида, а иногда как единую семью в зависимости от подобающей случаю ситуации. Однако таксономически и статистически каждый вид как отдельная единица должен быть независимым» (A. L. Kroeber, *Statistics, Indo-European, and taxonomy*, «Language», XXXVI, 1960, 1, стр. 9).

³¹ Нам неизвестен географический термин, которым назывался бы третий член триады «остров — континент».

В какой-то степени термин «межконтинентальный ареал» может быть оправдан аналогией в зоогеографии, где различие фаун частей земного шара привело к необходимости выделить зоогеографические области, как, например, Голарктическую область, в состав которой входят Европа, Северная Африка, большая часть Азии, а также Северная Америка (см. «Вопросы зоогеографии», Госгеографиздат, 1959, стр. 69).

имеет ограничений в отношении размеров ареала — остров, континент или же межконтинентальный ареал, — тогда как второй, который возникает вследствие дву- или многоязычия, не может быть повсюду одинаково возможным: реальность его падает в направлении от островного ареала к межконтинентальному.

Таким образом, объектом изучения островных отношений балтийских и славянских языков является, если можно так выразиться, сравнительная грамматика в действии, что имеет особенно важное значение в плане постановки новых вопросов уже для научного сравнения этих языков.

По выражению У. Вайнрайха, «в речи интерференция подобна песку, переносимому рекой; в языке — это осадочный песок, отложившийся на дне озера»³². «Изучение стабилизированных заимствованных элементов в языке проще, потому что они могут быть выявлены путем повторного исследования информатора... Наблюдения интерференции в акте речи намного более случайны»³³.

Применительно к балто-славянским языковым отношениям об этом писал П. Арумаа: «Наши говоры важны как пограничная область, где славянское влияние имеет возможность проявиться особенно отчетливо. Кто хочет заниматься славизмами, вошедшими в литовский язык, тот с особым вниманием должен рассматривать эти «таможенные пункты», где славянский элемент еще на наших глазах вливается в народный язык»³⁴. Таким же испытательным ареалом, «пробной площадкой» (если воспользоваться термином экспериментальной геоботаники) можно назвать и русские купишкенские говоры Литвы.

1. 2. *Русские купишкенские говоры Литвы.* На северо-востоке Литовской ССР в верховьях рек Апащи, Пивесы и Левены, ориентировочно в пределах четырехугольника Папилис—Панделис—Купишкис—Вабальникас разбросано несколько деревень с русским населением: Федоришки, Калнагаляй, Богданцы, Чеховщизна, Нарбуты и Апащя, говоры которых удобно называть купишкенскими³⁵.

³² U. Weinreich, *Languages in contact*, Neu York, 1953, стр. 11.

³³ Там же, стр. 12.

³⁴ P. Aruma, *Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend. Mit grammatischen Anmerkungen*, Dorpat, 1930, стр. 4.

³⁵ Термин «купишкенские» заимствован из литовской диалектологии (другое название говоров дадининков). В этом термине выражен чисто географический признак — от названия *kuřiškėnas* «житель округа с центром в г. Купишкис» (см. карту № 1). Этим же термином мы будем пользоваться для обозначения окружающих говоров литовского языка.

За исключением д. Апащи, возникшей уже в начале нашего столетия, все названные деревни, из которых наиболее крупной является д. Федоришки (свыше 40 дворов), известны уже в середине прошлого столетия³⁶. Жители деревень называют себя русскими, старообрядцами, которые, по их словам, «при гонении сюда попавши». Однако среди жителей не сохранилось преданий о том, откуда переселились предки. Некоторые источники в общем указывают, что старообрядцы бывшей Ковенской губернии (к которой относились по дореволюционному административному делению перечисленные населенные пункты, см. выше) «еще при царе Алексее Михайловиче после Никоновского собора переселились... из пограничных с Литвою русских областей, преимущественно же из нынешней Псковской губернии»³⁷.

Большинство носителей русских купишкенских говоров владеет литовским языком, в особенности молодежь и мужское население. При пересказе русскими бесед с литовцами слова последних часто передаются по-литовски. Литовское влияние сказывается во многих областях жизни этих деревень, в том числе оно проникает в качестве неотъемлемого элемента и в устное творчество, в частности в пословицы и поговорки: ср. «по-русски дрúски, по-литовски соль», «áчу, как умрешь, тогда поплачу» (лит. *druska* «соль», *ačiu* «спасибо»).

Тем более это влияние сказывается в речи носителей купишкенских говоров, и хотя его результаты различны от индивидуума к индивидууму, все же можно выделить некоторые черты, которые имеют более общий характер. Например, сравнительное словосочетание *как и*.

Словосочетание типа *kaip ir* («как и») само по себе не представляет специфического явления ни для балтийских, ни для славянских языков. К. Сандфельд, говоря об общих балканских чертах, которые встречаются также и в других языках, в качестве примера указывает на чрезвычайно частое употребление вместе со словом «как» союза «и», ссылаясь при этом также на итальянский и французский³⁸. Однако в русских купишкенских говорах словосочетание «как и» употребляется не в значении литературного «как и» (такой характер, кстати, носят приведенные К. Сандфельдом примеры), а в смысле «как»

³⁶ См., например, П. И. Корецкий, О раскольниках в Ковенской губернии, «Памятная книга Ковенской губернии на 1863 г.», Ковно, 1863, стр. 27 и др.

³⁷ Уфнярский, Военное обозрение Ковенской губернии, «Материалы для военной географии и военной статистики...», СПб., 1863, стр. 259.

³⁸ Кг. S a n d f e l d, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris, 1930, стр. 10.

(«такой же, как» и «в качестве»), например: «Как и Саргис (кликча собаки) — такой волк большины. Ана/как и баба/скажет што». В отношении к окружающим говорам литовского языка эта черта не является изолированной³⁹, так что русские говоры названного района представляют вполне однородную (в типологическом смысле) часть купишкенского ареала и могут служить объектом для его изучения в целом.

Точно так же общим для всего купишкенского (литовского и русского) ареала является употребление *toks* (такой) в значении «один», «некоторый»⁴⁰.

В отличие от предыдущего примера в отношении этой семантической особенности нам известно, что она существует в славянских языках (например в польском). Однако это еще не означает, что в первом случае мы имеем дело с заимствованием, поскольку нельзя однозначно определить, не была ли рассматриваемая особенность присуща говору до того, как он оказался в контакте с литовским окружением и не появилась ли она самостоятельно. Надо сказать, что таких случаев при условии строгого подхода к решению данного вопроса должно быть значительное число, поскольку интуитивный критерий — оценка «своего» и «заимствованного» только по восприятию носителя литературного языка — не может быть веским аргументом⁴¹.

При ареальном подходе к исследованию лингвистических явлений вопрос о заимствованном или самостоятельном характере той или иной черты имеет значение только в той степени, в какой это обнаруживается в особенностях ареала. Если же, как в случае купишкенских говоров, мы имеем один и тот же типологический ареал явления для двух языков, то вопрос о его происхождении может быть решен только при участии зна-

³⁹ См. тексты, записанные при сборе материалов для диалектологического атласа литовского языка, в частности в Купрялишкис, Сувайнишкис и др. (Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР, Вильнюс, далее: ИЛЯЛ).

⁴⁰ Ср. буквальный перевод: «*Buvo toks žmogus* (P. Cvirka), «Был (жил, существовал) та кой (вместо литературного «один». Подчеркнуто нами. — *А. Н.*) человек» (М. Н. Петерсон, Очерк литовского языка, Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 65).

⁴¹ Показателен в этом отношении случай из истории финского языкознания. В связи с борьбой против шведизмов в финском литературном языке пуристы пытались изгнать из языка инверсию как якобы результат влияния шведского синтаксиса. В речи школьников, например, такой порядок слов считался ошибкой. И только после работы Л. Кеттунена о порядке слов в финском и прафинском языках стало ясно, что эта инверсия вполне закономерна не только в диалектах самого финского языка, но и во всех близкородственных языках (L. Kettunen, Über die Wortfolge im Finnischen und Urfinnischen, Helsinki, 1953, стр. 63).

чительно большего ареала. Без этого условия уместно говорить только о том, что данные русских купишкенских говоров Литвы могут быть некоторым свидетельством о существовании определенных особенностей в окружающих их говорах литовского языка.

1. 3. *Русские (славянские) острова и проблема общепалтийского атласа.* Аналогично одной из проблем общеславянского лингвистического атласа (см. выше) интересно поставить следующий вопрос: если бы в настоящее время шла речь о создании общепалтийского лингвистического атласа, то в какой мере следовало бы отразить в нем славянские языковые острова, находящиеся в литовском и латышском окружении? Опыт румынского лингвистического атласа показал целесообразность включения отдельных говоров других языков, употребляемых на территории Румынии, в частности славянских, в общую сетку пунктов румынского языкового ареала, и успех этой попытки позволил румынским языковедам выступать с постановкой обратной задачи — об использовании данных румынского языка в общеславянском лингвистическом атласе⁴².

По-видимому, атлас языковой группы в большей мере должен иметь типологическую направленность, чем атлас одного языка, и в этом смысле славянские говоры на балтоязычных территориях наряду с прибалтийско-финскими языковыми островами на территории Латвии (например эстонскими) могли бы найти некоторое отражение в общепалтийском лингвистическом атласе.

2. Балто-славянский языковой континент

2. 1. *Балто-восточнославянские связи.* Вопрос о территориальных связях балтийских языков со смежными славянскими, в частности, о распространении балтизмов в прилегающих к бал-

---

⁴² «Мнение румынских славистов таково, что для изучения как славянских языков, так и румынского языка, а также для решения общих проблем языкового контакта, взаимных влияний между языками и параллельного, конвергентного развития соседних, но различных по происхождению языков, большой интерес представляет нанесение на одни и те же карты славянских и румынских данных. Это означает, что нас интересуют не только славянские заимствования румынского языка, но и параллельные явления и структурные сходства между румынским языком и соседними славянскими языками (я имею в виду в первую очередь так называемые «балканизмы»), а также латинские элементы румынского языка, из которых многие вошли в соседние славянские говоры». См. Э. Петрович, Изоглоссы славянских элементов в румынском языке (в связи с проблематикой общеславянского лингвистического атласа), «Slavia», XXXI, 1, 1962, стр. 40.

тийскому ареалу областях восточно- и западнославянских языков, говоря терминами языковых атласов, имеет такое же теоретическое значение в плане общепольского лингвистического атласа, как и вопрос о славянских лексических элементах румынского языка с точки зрения задач общеславянского лингвистического атласа. К работам о таких связях относится, например, статья Т. Зданевича, в которой рассматриваются ареалы лексических литуанизмов в северо-восточных польских говорах⁴³. Однако участие славянских территорий в общем ареале балтийских явлений не сводится только к количественному приращению ареала, но может носить и качественно иной характер, как это видно на примере слова *banda*.

2. 1. 1. Белорусское *бонда* (литовское *banda*). В рецензии на «Литовский этимологический словарь» Э. Френкеля В. Мажюлис, касаясь слова *banda*, указывает, что между значениями «рогатый скот» как древнейшим, с одной стороны, и «пирог» (*rugago kepalėlis*) как позднейшим — с другой, были еще и промежуточные, как отмеченное в памятниках значение «польза, богатство, собственность», а также известное в памятниках и в современных говорах — «натуроплата к жалованью батрака»⁴⁴.

В связи с попыткой установить звенья этой семантической цепи большой интерес вызывает значение слова *бонда* в говорах сел Паричского р-на (к югу от г. Бобруйска), где существует такой обычай: «хозяин (хозяйка), зарезав свинью, теленка или овечку, несет лучший кусок мяса или сала как гостинец своякам или знакомым: «Такая мода заб'е кабанá й прынясе сала й мяса — эта й назывáяцца бонда» (Чирковичи). «Цётка Ульляна прынесла бонды: кавáлак сала й дзв'е парэбрынкi» (Стужки)»⁴⁵.

В литовских говорах известно значение «подарок, премия, магарыч», но ни в одном из приведенных примеров⁴⁶ речь не идет о значении, столь близком к исходному. Правда, К. Буга

⁴³ T. Zdaniewicz, Litewskie i ruskie zasięgi słownikowe na Białostoczyźnie, сб. «Z polskich studiów slawistycznych», seria druga, Warszawa, 1963, стр. 287—310.

⁴⁴ V. Mažiulis, Litauisches etymologisches Wörterbuch von prof. dr. Ernst Fraenkel. Lief. 1—10 (recenzija), «Kalbotyra», III, 1961, стр. 245—246.

⁴⁵ С. Прач, 3 лексікі вёсак Парыцкага раёна, сб. «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы», Выд-ва Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 1960, стр. 161—162.

⁴⁶ Картотека словаря литовского языка (Вильнюс) по состоянию на 1963 г.

отметил, что к понятию *banda* «не принадлежат ни свиньи, ни лошади», а «только рогатый скот»⁴⁷.

Таким образом, совместное изучение слова *banda* (*бонда*) в балтийской и белорусской языковых областях позволило бы выявить максимальный набор значений данной лексемы и определить последовательность их развития.

Существует латышская параллель этому белорусскому обычаю: соответствующее угощение после убоя скота, которое называется *arbedas, abāda*⁴⁸. Связь южнобелорусского и латышского обычаев кажется несомненной, так что в возможном общебалтийском атласе необходимо поставить не только вопрос о значении и распространении слова *banda* (*бонда*), но и о названии обрядового кушанья после убоя скота.

2. 2. *Балто-западнославянские соответствия.* Если разделять балто-славянские языковые соответствия на генетические и конвергентные, то среди последних особое место занимают балто-словацкие. В силу общности географического положения балтийской и словацкой сторон — соседства с финно-угорскими языками — результаты более новых по своему характеру словацко-венгерских контактов могут послужить своего рода моделью возникновения соответствующих явлений и в балтийских языках.

2. 2. 1. Форма утвердительного ответа. Одним из интереснейших литовско-словацких соответствий является форма утвердительного ответа на вопрос, представляющая собой повторение: а) приставки глагола или же б) начального слога беспрефиксного глагола или другой части речи, на которые падает смысловое ударение в вопросе.

Примеры из литовского и словацкого:

а) лит. *Ar atvedė arklį?* — *At*⁴⁹.

слов. *Už viletela kura s košíka?* — *Vi*⁵⁰.

б) лит. *Ar buvot susirinę?* — *Bu*⁵¹.

⁴⁷ K. Būga, A. Svabe, *Latvju kultūras vesture, I, Rīgā, 1921* (рец.), «*Rinkiniai raštai*», III, Vilnius, 1961, стр. 664.

⁴⁸ K. Mülenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca, I, Rīgā, 1923—1925*, стр. 76—77. Ср. также у эстонцев Лудзенского района Латвии: *abadas* «кушанье из печени и легкого только что убитого животного», хотя исходное слово *abādas*, также *abāda* «кушанье из свинины и капусты» (П. Аристэ, *Случаи языкового контакта в Латгалии, LKК, VI, 1963*, стр. 139).

⁴⁹ *Lietuvių kalbos žodynas, I, Vilnius, 1941*, стр. 273.

⁵⁰ J. Szabó, *Mad'arské elementy v slovenských nárečiach v Gemeri, «Linguistica slovacca», I/II, Bratislava, 1939/1940*, стр. 188. См. также В. Суллан, *Zu einigen Fragen des Bilinguismus (Auf Grund der Erforschung der Wechselseitigkeit im ungarischen und slawischen Wortschatz)*, «*Slavica*», III, Debrecen, 1963, стр. 17.

⁵¹ J. Paulauskas, *Veiksmazodžie priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje, LiK, III, 1958*, стр. 320.

слов. Budeš večer v meste? — Ву⁵².
лит. (Не отмечено).

слов. Krava ti ujšla? — Кра⁵³.

Ареал этого явления на территории литовского языка занимает область по крайней мере к северу от линии: Шакяй—Лейпалингис—Укмярге—Швянчёнис, т. е. охватывает всю северную и юго-западную часть Литвы. Напротив, на территории словацкого языка распространение этого явления ограничено говорами Гемера (р-н г. Велка-Ревуца).

Такой способ утвердительного ответа А. Шлейхер, рассматривавший литовский язык в какой-то степени сквозь призму немецкого языка, назвал «чисто литовским способом»⁵⁴.

Напротив, в гемерских говорах словацкого языка эта же особенность рассматривается в качестве явления, возникшего вследствие венгерско-словацкого двуязычия, как результат перенесения соответствующего способа ответа из венгерского языка в словацкий⁵⁵.

Напрашивается заключение по аналогии в отношении появления и развития данной черты в литовском языке, поскольку венгерский язык принадлежит к той же финно-угорской языковой семье, с прибалтийско-финской группой которой балтийские языки имеют ряд других общих грамматических особенностей⁵⁶.

2. 2. 2. Форма повелительного наклонения. Представляет большой интерес венгерско-словацкая форма *korok!* (вместо *korñi!* «ударь!» от глагола *korpút'*) в словацком говоре вблизи г. Мишкольц (Венгрия)⁵⁷ как своего рода моделирование тех процессов, которые предполагаются в глубоком прошлом литовского языка.

Ср.: «В языках, интересующих нас более всего при вопросе о балто-финских и славяно-финских контактах, — прибалтийско-финском и мордовском — древний финно-угорский формант представлен в виде -ка. Литовский императив на -к может быть, вероятно, объяснен только как результат влияния этого финского образца»⁵⁸.

⁵² J. Szabó, указ. соч., стр. 188.

⁵³ Там же.

⁵⁴ A. Schleicher, Handbuch der litauischen Sprache, I, Prag, 1856, стр. 323.

⁵⁵ J. Szabó, указ. соч., стр. 188.

⁵⁶ A. Sabaliauskas, Baltų ir pabaltijo suomių kalbų santykiai, LKK, VI, 1963, стр. 109—136.

⁵⁷ I. Sipos, Geschichte der slowakischen Mundarten der Huta- und Hámor-Gemeinden des Bükk-Gebirges, Budapest, 1958, стр. 105.

⁵⁸ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 249.

2. 2. 1—2. Вывод. В этих конвергентных соответствиях, конечно, не обнаруживается ничего специфически западнославянского, и любой славянский язык, оказавшись он на месте словацкого, реагировал бы на венгерское влияние точно таким же образом. Но это как раз и важно для нас, поскольку с тем большей уверенностью можно предполагать соответствующие процессы и в структурно очень близких к славянским балтийских языках.

2. 3. *Балто-южнославянские соответствия.*

2. 3. 0. Общие замечания. Как пишет С. Б. Бернштейн, «исследователи славяно-балтийских языковых отношений меньше всего обращали внимание на южнославянские языки. Казалось, что они, сформировавшиеся на южной территории праславянского языка, ничего интересного и нового для решения поставленной задачи дать не могут»⁵⁹. Именно в свете господства таких взглядов следует понимать тот факт, что хотя «в этимологическом словаре болгарского языка С. Младенова имеются очень интересные сопоставления отдельных болгарских слов с балтийскими словами..., сам автор словаря из этих ценных наблюдений не сделал никаких выводов»⁶⁰. К этому необходимо добавить, что и К. Буга, писавший о балтийском материале в этимологических сопоставлениях С. Младенова, также видел в этом только общеславянскую, а не специально балто-южнославянскую перспективу⁶¹.

Однако в последние годы тот «обескураживающий аргумент, согласно которому все славянские языки в равной степени близки или далеки балтийским и наоборот — все балтийские языки одинаково отличны от славянских»⁶², сменился тезисом о необходимости конкретизации балто-славянских языковых отношений⁶³, и наибольшее внимание привлекли балто-южнославянские связи. Так, И. Леков указал, например, что частицы *te* и *be*, употребляющиеся в литовском языке, вместе с тем отсутствуют

⁵⁹ С. Б. Бернштейн, Очерк сравнительной грамматики славянских языков, Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 73.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ К. В ū g a, Из историята на некои по-малко известни български думи (Этимологични съоставки). От Ст. М л а д е н о в. Списание на Българската Академия на науките. Кн. XXII, София, 1921, стр. 227—241 (рецензия), «Rinktiniai gaštai», III, Vilnius, 1961, стр. 658—660.

⁶² В. Н. Т о п о р о в, К проблеме балто-славянских языковых отношений, стр. 213.

⁶³ См., в частности, О. Н. Т р у б а ч е в, О составлении праславянского словаря (Проблемы и задачи), сб. «Славянское языкознание» (Доклады советской делегации, V Международный съезд славистов), Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 189.

в ближайшей к нему области северославянских языков, но встречаются в некоторой части южнославянского языкового ареала, и поэтому можно говорить о «современных параллелях между литовским и южнославянскими (в особенности болгарским) в области синсемантической лексики»⁶⁴. Идея о балто-южнославянских связях была поддержана и в докладе Д. Брозовича «О значении балтийских языков для славистики, особенно для нашей диалектологии» на Втором конгрессе южнославянских славистов в Загребе в 1959 г.⁶⁵ Более широко балто-южнославянская проблематика была поставлена в работах В. М. Иллича-Свитыча⁶⁶, С. Б. Бернштейна⁶⁷ и О. Н. Трубачева⁶⁸. Большое количество соответствий лексического характера позволило О. Н. Трубачеву прийти к выводу, что «полная инвентаризация южнославянско-балтийских изолекс во всех возможных аспектах (болгарский, македонский, старославянский, сербскохорватский, словенский) — первоочередная задача исследовательской работы над проблемой состава праславянского словаря»⁶⁹. Вместе с тем в ареально-типологическом плане для нас в первую очередь важна семантическая сторона балто-южнославянских соответствий, дающая широкие возможности для сопоставления (ср. лит. *degti* и болг. *горя*, имеющие значения «гореть» и «жечь») ⁷⁰, хотя это не означает отказа от рассмотрения материально общих лексем, например, предлога *už* (*взз*).

2. 3. 1. Генетические соответствия. Предлог *už* (*взз*). Одним из элементов, свойственных для всего балто-славянского языкового континента, является приставка, общая форма которой выражается в виде *už* (*взз*).

В отличие от *už*-приставки *už*-предлог сохранился только на меридиональных окраинах континента, у балтов (лит. *už*, латыш. *uz*) и у южных славян (болг. *взз*, сербскохорв. *уз*, макед. *уз*).

⁶⁴ И. Леков, Към сравнението на някои синсемантични думи в литовски език и в славянските езици, БЕ, VII, 4, 1957, стр. 354.

⁶⁵ D. Brozović, O važnosti baltičkih jezika za slavistiku, osobito za našu dijalektologiju, «Jezik», VIII, 1959—1960, стр. 111—125.

⁶⁶ В. М. Иллич-Свитыч, Выступление на IV Международном съезде славистов. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. II, Проблемы славянского языкознания», Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 436—437. См. также ссылки в указанной работе С. Б. Бернштейна.

⁶⁷ С. Б. Бернштейн, указ. соч., стр. 73—75.

⁶⁸ О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 189—193.

⁶⁹ Там же, стр. 192.

⁷⁰ В. М. Иллич-Свитыч, Тезисы к выступлению на IV Международном съезде славистов, рукопись (Москва). В связи с этим примером интересно отметить распространение древней изоглоссы *жѣжѣк/горѣшт* в говорах болгарского языка (С. Стойков, Основното диалектно деление на български език, «Славянска филология», III, Доклады, съобщения и статьи по езикознание, София, 1963, стр. 115).

Однако, если смотреть на *už*-предлог не только с точки зрения его материальной сохраняемости, но и со стороны семантики, то область его употребления в том значении, которое (по крайней мере для балтов) считается более древним («на»), окажется еще меньшей: балтийская окраина в данном случае будет представлена латышским языком и некоторыми говорами литовского языка (напр., западноаукштайтскими и жемайтскими), южнославянская — говорами болгарского языка.

Тем не менее, несмотря на большую семантическую близость латыш. *uz* («на») к южнославянскому *въз/уз* («на», «при»), уже в силу сложившейся традиции отдавать предпочтение сравнению с более архаическим литовским языком в ряде славянских этимологических словарей факты латышского языка даже не упоминаются, в то время как указывается отличное по семантике лит. *už* («за»). Это наблюдается в статьях о приставке (предлоге) *въз* в этимологических словарях: польского языка А. Брюкнера⁷¹, болгарского — Ст. Младенова⁷², чешского — Й. Голуба и Ф. Копечного⁷³, чешского и словацкого — В. Махека⁷⁴.

Следует отметить, что вообще семантическая сторона балтийского лексического материала в меньшей степени введена в научный оборот, чем лексемная. Ср. выше замечания В. Мажюлиса к литовскому этимологическому словарю Э. Френкеля. Однако так же, как и вопрос о характере близости балтийских и славянских языков (схождение или единство?), это не представляет собой специфически балто-славянского явления, а относится к числу трудностей языкознания вообще. Как пишет В. А. Звегинцев, «вплоть до настоящего времени смысловая сторона слов выполняет в сравнительно-историческом языкознании лишь вспомогательную роль и привлекается только с той целью, чтобы подтвердить правомерность сопоставления разноязычных слов... Что же касается значений сопоставляемых слов, то обычно довольствуются относительной вероятностью их смысловой близости, допуская в этом отношении довольно большие вольности»⁷⁵.

Таким образом, в аспекте балто-южнославянских соответствий особенность предлога *už* (*въз*) заключается не только в его

---

⁷¹ A. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 1926—27, стр. 608.

⁷² Ст. Младенов, Этимологически и правописен речник на българския книжовен език, София, 1941, стр. 85.

⁷³ J. Holub, F. Kopečný, Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952, стр. 428.

⁷⁴ V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 579.

⁷⁵ В. А. Звегинцев, Семасиология, Изд-во Московского университета, М., 1957, стр. 291.

материальной (на это указывалось и раньше), но и в семантической тождественности в латышском (а также отчасти в литовском) и в болгарском языках. Это лишний раз подтверждает принципиальное значение темы о сравнении «синсемантических» служебных слов в литовском и болгарском языках (см. 2. 3. 0) и вместе с тем является примером сохраняемости не только архаических форм, но и значений на меридиональных окраинах балто-славянского языкового континента.

2. 3. 2. Конвергентные соответствия. Латышский — на севере и болгарский — на юге представляют меридиональные окраины балто-славянского языкового континента, охватываемые западными отрогами урало-алтайского языкового мира: эстонским (финно-угорские языки) — на севере и турецким (тюркские языки) — на юге. Благодаря такому географическому положению, которое отчасти напоминает отношения севера и запада балто-славянского континента (см. балто-западнославянские параллели в связи с финно-угорским соседством), следует и здесь ожидать каких-то аналогий в структуре языков уже в силу общих черт между прибалтийско-финскими (эстонский) и западно-тюркскими (турецкий) языками. К таким аналогиям относится наличие пересказывательного наклонения (другие термины: косвенное наклонение, нарратив, абсентив, прошедшее неочевидное) в балтийских и прибалтийско-финских языках, с одной стороны, а также в болгарском и турецком — с другой.

Сопоставление пересказывательного наклонения в балтийских и болгарском языках позволяет выделить те черты, которые у одной из сторон, в данном случае балтийской, еще не были достаточно четко определены. В частности, это относится к так называемому адмиративу.

2. 3. 2. 1. Адмиратив. В свое время Г. Вейганд обратил внимание на то, что в болгарском языке существует адмиратив⁷⁶ — наклонение, которое хорошо известно в албанском языке и даже считается его «специфической особенностью». Адмиратив обозначает, что действие или событие представляется как неожиданное или вызывающее удивление. «При употреблении указанных форм с адмиративным значением вспомогательный глагол в 3-м лице обоих чисел последовательно опускается, как это имеет место и при употреблении аналогичных форм с пересказывательным значением»⁷⁷.

Аналогичное явление встречается и в литовском языке. Так, Й. Балькявичюс, говоря о формах косвенного наклонения, спе-

⁷⁶ Е. И. Демина, Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке, сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», М., 1959, стр. 325.

⁷⁷ Там же, стр. 326—327.

циально выделяет, во-первых, пассивное причастие среднего рода, которое употребляется, «когда говорящий хочет подчеркнуть свое удивление, а иногда и восхищение или другие эмоции перед каким-то необыкновенным либо едва ли достоверным явлением»⁷⁸, и, во-вторых, причастие настоящего времени с аффиксом **be-**: «Сказуемое, выраженное таким причастием, обозначает действие или состояние, которое является неожиданным, вызывающим удивление или другие эмоции. Следует отметить, что такое причастие никогда не употребляется со вспомогательным глаголом настоящего времени...»⁷⁹

Таким образом, можно говорить о наличии в литовском языке адмиратива — категории, разработку которой в балтийских языках следует вести в свете более изученных фактов болгарского языка. При этом вовсе не должно быть неожиданностью, если сравнение литовского с албанским или турецким как языками, которые имеют развитую систему адмиративных форм, окажется более обещающим, чем с болгарским.

2. 3. 1—2. К сопоставлению балканской и балтийской языковых окраин. В плане сопоставления балканской и балтийской окраин балто-славянского языкового континента специальный интерес вызывает статья Дж. Эллиса⁸⁰, в которой ставится вопрос о возможности сравнения двух языковых союзов и его способах. Исходя из тезиса о том, что соответствия, относящиеся к ареальной конвергенции, являются более широкими, чем те, которые тесно связаны с генетическим родством языков⁸¹, автор делает попытку сопоставить языковые союзы на Балканах, с одной стороны, и в Северо-Западной Европе — с другой, в частности, на фактах болгарского и английского языков. Однако, если сравнение этих языковых союзов имеет скорее только методологическое значение⁸², то разработка балкано-балтийской системы соответствий имела бы значительно большее значение в силу наличия ряда специальных балто-южнославянских особенностей и типологического сходства других компонентов этих союзов — финно-угорских и тюркских языков. Ср. также область словацко-венгерских контактов (см. выше).

⁷⁸ J. Balkevičius, *Dabartinės lietuvių kalbos sintaksė*, Vilnius, 1963, стр. 95—96.

⁷⁹ Там же, стр. 96. Речь идёт о причастии с аффиксом **be-**.

⁸⁰ J. Ellis, *Possible comparisons of Balkan and North-West european linguistic community, with reference to system-reduction method of quantification*, сб. «Славянска филология», III, София, 1963, стр. 291—299.

⁸¹ Там же, стр. 296.

⁸² Об общем характере того и другого писал также Р. Якобсон в работе «К характеристике евразийского языкового союза» (см. его же, сб. «Selected writings, I, Phonological Studies», 's-Gravenhage, 1962, стр. 145—146).

2. 4. *Балто-общеславянские соответствия.* Говоря о балто-общеславянских соответствиях, следует иметь в виду, что практически это обозначает распространение той или иной черты в балтийских и больше чем в одной ветви славянских языков (различные их сочетания между собой и более дробные диалектные группировки внутри каждой ветви). «Общеславянский» в этом понимании имеет то же значение, что и в одноименном лингвистическом атласе, в котором как раз и предполагается, что изучаемое явление (будучи противопоставленным другому) не занимает всей территории. Сказанное относится и к балтийским языкам. Следовательно, континентальный аспект изучения балто-славянских языковых отношений означает, что вся территория балтийских и славянских языков рассматривается в аспекте интересующего нас явления. Каковы будут результаты этого рассмотрения, т. е. в какой мере явление распространено в исследуемой области — это уже второй вопрос. В этом смысле выделение восточно-, западно- и южнославянских языков в их поодиочных связях с балтийскими также относится к области континентальных балто-общеславянских отношений. Другое дело, что ареал явления, как можно судить по условиям его возникновения, по-видимому, не выходит за пределы одной ветви славянских языков: белорусское *бонда* — из-за контактов с литовским, словацкий способ ответа в форме приставки — благодаря связи с венгерским и т. д. Ниже (глава III) мы подробно остановимся на континентальных явлениях с охватом широкой территории. Здесь же приведены только отдельные случаи, которые помогают уяснить некоторые общие вопросы балто-славянских ареальных отношений.

2. 4. 1. «Сыпать» — «лить». Сочетание в одной лексеме значений «сыпать» и «лить» нашло пародийное выражение в формуле сказочного зачина, в котором говорится о стране, «dze s'e voda sipala a pjesek s'e l'al»⁸³.

Об ареале этого явления в славянских языках говорит следующее. Из двух словосочетаний *насыпать борщу* и *налить борщу* второе характеризует западные области Украины, в особенности Волынь, тогда как на востоке обычно употребляется *насыпать*. *Sypać* «лить» отмечено также на территории западнославянских языков, например, в говорах восточной части Малопольши. В дальнейшем это явление встречается в южнославянской языковой области, в частности, на западе Болгарии, на юге и востоке Сербии, на севере Хорватии и т. д. То же самое — в болгарском и сербскохорватском литературных языках. Таким

⁸³ S. Zambel, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, I, Turč, Martin, 1906, стр. 442.

образом, территория украинского языка (с некоторыми из примыкающих к ней польскими говорами) — с одной стороны, и область южнославянских языков — с другой — представляют в отношении семантики глагола *сыпать* как бы один разобщенный ареал.

Подобно славянским, в литовском литературном языке и его говорах глагол *pilti* имеет значения «*lieti*» («лить») и «*berti*» («сыпать»). При этом сходство не ограничивается однолексемным выражением двух семем. Так, А. Либерис, приводя синонимы *lieti*, *pilti*, подчеркивает, что *pilti* имеет значение «лить из одного сосуда в другой»⁸⁴, что хорошо согласуется с употреблением славянского *сыпать*: ср. *насыпати борщу*.

Следовательно, рассматриваемая семантическая особенность является общей для славянских и балтийских языков.

Однако употребление глагола *сыпать* в значении «лить» наблюдается и в других языках, вне балто-славянского континента. Так, в немецком языке глагол *schütten* «сыпать» известен также и в значении «лить». В частности, такое употребление названного глагола характеризует Тюрингию и Гессен⁸⁵. При этом особенно интересно отметить, что в Вене, согласно П. Кречмеру, говорят *gießen* «поливать растения (цветы, газон)», но *einschütten* «насыпать воду», *ausschütten* «высыпать вино»⁸⁵, т. е. наблюдается та же дифференциация значений, которая указана в литовском языке и прослеживается в славянских («лить из одного сосуда в другой» — см. выше).

Этот балто-славяно-германский параллелизм, выступающий на разобщенных территориях, является примером семантической типологии языков, и только такое, как можно более широкое ареально-типологическое рассмотрение явления может предостеречь от поспешных выводов вроде того, что в буковинских говорах украинского языка употребление глагола *сипати* в значении «лить» возникло под влиянием немецкого языка⁸⁷. Буковинские говоры украинского языка в отношении *сипати* «лить» образуют одно целое с говорами восточных районов Украины, вместе с которыми они примыкают к южнославянскому ареалу соответствующего явления. Общность с немецким (или, соответственно, литовским) носит чисто типологический характер.

⁸⁴ А. Lyberis, *Lietuvių kalbos sinonimų žodynas*, Kaunas, 1961, стр. 127.

⁸⁵ P. Kretschmer, *Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache*, Göttingen, 1918, стр. 191.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Н. Nakonetschna, *Wortgeographie der ukrainischen Umgangssprache*, WdS, VIII, 2, 1963, стр. 126.

3. Межконтинентальные ареалы

3. 0. *Общие замечания.* Говоря об отношениях между балтийскими и славянскими языками, мы тем самым абстрагируемся от их связей с другими языками. Однако такая изоляция является только приемом исследования⁸⁸, и проблематику балто-славянских языковых отношений нельзя сводить только к отношениям самих балтийских и славянских языков. Более того, возможно, то, что объединяет, например, балтийский субконтинент с другими языковыми континентами, должно быть выделено в первую очередь (аналогично следовало бы поступить и со славянским субконтинентом), чтобы опыты сравнения обеих групп языков происходили в более чистом виде и чтобы само поле исследования заранее было сужено путем исключения всего, не подлежащего анализу при сравнении балтийских и славянских языков. Это особенно хорошо обнаруживается в тех случаях, когда между обеими группами языков наблюдаются расхождения, имеющие не меньшее значение, чем сходения⁸⁹.

В условиях ареального подхода к фактам языка, когда вместо понятия языковой семьи в качестве основной единицы классификации выступает ареальная группа (по Гринбергу), выход за пределы континента, являющегося, по сути, ареальным понятием с генетическим содержанием (балтийские и славянские языки), неизбежен. К этому же ведет и типологическое рассмотрение явлений уже в континентальном аспекте: «типология определенной группы языков начинается там и тогда, когда выходят за их пределы»⁹⁰. Такой подход может предостеречь и от поспешных выводов в отношении таких близких языков, как балтийские и славянские, где, очевидно, также в качестве первого результата сравнения следует установить типологическое сходство тех или иных явлений и уже только в дальнейшем можно будет приступить к решению вопроса о более глубокой (чем только типологическая) общности.

Поскольку может быть несколько ареальных классификаций

⁸⁸ «Изоляция системы от ее окружения, вещи или процесса от их среды, качества от комплекса взаимосвязанных качеств, к которому оно принадлежит, — коротко говоря, «абстракции» — необходимы для всякого исследования, как эмпирического, так и теоретического» (М. Бунге, Причинность. Место принципа причинности в современной науке, Изд-во иностр. лит., М., 1962, стр. 153).

⁸⁹ Ср. Р. А. Будагов, Румынско-романские лексико-семантические расхождения, сб. «Omăgiu lui Iorgu Iordan», București, 1958, стр. 119.

⁹⁰ Э. А. Макаев, Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика, ВЯ, 1964, 1, стр. 7.

в случае географически промежуточного языка⁹¹, то в этом смысле балто-славянский континент, занимая промежуточное положение между другими языковыми континентами, также входит не в один, а по крайней мере в несколько межконтинентальных ареалов. Среди названных ареалов (в силу условного ограничения межконтинентальных отношений балто-славянской территории связями балтийских языков с неславянскими) следует различать балто-индоевропейские и балто-неиндоевропейские. Эти отношения нашли значительное освещение в работах по индоевропейскому языкознанию вообще, в особенности балто-германские, нередко противопоставляемые балто-славянским, вторые — преимущественно ограничиваются прибалтийско-финскими языками.

3. 1. *Балто-индоевропейские соответствия.* В своем выступлении на IV Международном съезде славистов, говоря о критериях разграничения индоевропейской и балто-славянской моделей, Вяч. Вс. Иванов специально остановился на том, как рассматривать балто-славянские отношения, если то или иное из исследуемых явлений выходит за рамки балтийских и славянских языков. «Наличие в других индоевропейских языках некоторых фактов, реконструируемых для балто-славянской модели, несколько не противоречит нашим выводам, поскольку нас интересуют только отношения между балтийской и славянской системами. Например, специфическое закрепление родовых различий за основами на **-o** и на **-a** не только в балтийских и славянских, но и в некоторых других языках значит только то, что в этой части совмещаются не две системы, а более»⁹².

Однако такой подход может быть оправданным только тогда, если и балтийские, и славянские языки в отношении той или иной особенности действительно представляют собой однородную, внутренне (в территориальном смысле) не дифференцированную область. В противном же случае эти совпадения с небалто-славянскими системами приобретают исключительное значение, поскольку и само балто-славянское явление должно быть объяснено совмещением «не двух систем, а более». К числу таких примеров относится употребление общего балто-славянского суффикса **-ник, -ininkas (-inykas), -nieks**.

3. 1. 1. Балто-германская функция суффикса **-ininkas, -nieks**. Одним из формантов, на который указывается как на пример общности между балтийскими и славянскими языками и сви-

⁹¹ J. H. Greenberg, указ. соч., стр. 68.

⁹² См. «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. II. Проблемы славянского языкознания», Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 453.

детельство древнейших связей между ними, является суффикс **-ник** (лит. **-ininkas**, латыш. **-nieks**)⁹³. Однако так же, как и в случае с предлогом *из*, семантическая сторона этого форманта осталась в тени, и не было подчеркнуто весьма существенное расхождение между значениями этого суффикса в балтийских и славянских языках. Речь идет об образовании в балтийских языках с помощью **-ininkas**, **-nieks** наименований жителей от названия той или иной местности или населенного пункта, что не известно славянскому суффиксу **-ник**. Вместе с тем балтийская территория не является однородной в отношении значений названного форманта, и в этой неоднородности заключены весьма важные моменты для понимания ареальных взаимоотношений балтийских и славянских языков.

Яркой диалектной особенностью латышского языка является то, что восток и запад Латвии четко противопоставлены друг другу по способу образования названий жителей. Суффиксы **-nieks** (**-niece**), **-iniekš** (**-iniece**) употребляются, в частности, для наименования людей по месту жительства или рождения в Курземе и в западных районах Земгале и Видземе, т. е. во всей западной, приморской части Латвии, тогда как жители остальных, восточных районов республики в этой функции употребляют суффикс **-ietis** (**-iete**)⁹⁴.

В какой-то степени соотношение **-nieks** : **-ietis** отражается и в литовской языковой области, что можно проиллюстрировать на примере одноосновных топонимических названий: *Pakalpinkai* (Тракай) и *Pakalpiečiai* (Биржай), *Padvarininkai* (Тельшай, Варнай, Шедува, Куршенай) или *Padvarninkai* (Молетай, Шиляле, Шяуляй, Седа, Скаудвиле, Кяльме, Трошкунай, Рамгала) и *Padvariečiai* (Йонишкялис, Вабальнинкас, Биржай), *Pašilininkai* (Укмярге) и *Pašiliečiai* (Йонишкялис)⁹⁵.

Как видим, топонимы на **-iečiai** отмечены в районе Йонишкялис, Вабальнинкас и Биржай, т. е. как раз в той части северной Литвы, которая граничит, в частности, с восточной частью Земгале, входящей в ареал **-ietis**.

Интересно также отметить трехкратное превышение топонимов на **-ininkai** в Жемайтии (55) по сравнению с восточной Аукштайтией (18), хотя последняя занимает несколько даже большую территорию, чем первая.

⁹³ А. Мейе, *Общеславянский язык*, Изд-во иностр. лит., М., 1951, стр. 290, Я. Эндзелин, *Древнейшие славяно-балтийские языковые связи*, «Труды ин-та языка и литературы АН Латв. ССР», II, Рига, 1953, стр. 72.

⁹⁴ *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika, I, Fonētika un morfoloģia, Rīgā*, 1959, стр. 138.

⁹⁵ См. *Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas 1959 m. vasario 1 dienai, Vilnius, 1959* (в скобках указаны районы).

Характер этих топонимов не оставляет сомнения в том, что речь идет именно о жителях той или иной местности, характер которой хорошо отражен в самих основах: «лесные» — Girininkai (9), Šilininkai (3), Medininkai (2), Biržininkai, Karklininkai, Lazdininkai; «полевые» — Laukininkai, Trakininkai; «дворовые» — Padvarninkai (8), Dvarčiniņkai (2). Причем «лесные» преобладают в западной, приморской части Жемайтии, особенно на юго-западе.

Только небольшая часть семантически прозрачных топонимов связана с **-ininkai** в смысле славянского **-ники** (nomina agentis): Antininkai, Kiaulininkai, Kerpurninkai.

Следовательно, ареал употребления рассматриваемого суффикса как средства образования названий жителей (что отличает балтийские языки от славянских) ориентирован в сторону Балтийского моря. Это обстоятельство представляется нам очень интересным в связи с тем, что соответствующий германский суффикс **-ing-** также выступает в названиях жителей и является весьма продуктивным в топонимическом словообразовании германоязычных стран⁹⁶. Более того, тип местных названий на **-inge** считается характерным для восточных районов Скандинавии, в частности — Восточной Швеции⁹⁷.

Таким образом, типологически тождественные явления как бы стягиваются вокруг Балтийского моря, разобщая балтийские языки со славянскими и взамен этого объединяя их с германскими. Балто-германские связи в области ономастики уже привлекли внимание исследователей. В частности, О. Н. Трубачев коснулся балтийских топонимов на **-sēdja**, сопоставляя их с аналогичными германскими сложениями на **-*setja**⁹⁸. Особенно интересным для нас является то, что, как подчеркивает автор, «в Литве названия на **-sēdžiai/-sēdis** сосредоточены почти исключительно на западе, в Жемайтии», а на территории Латвии «почти все немногочисленные названия на **-sēdja** расположены тоже на крайнем западе, в Курземе»⁹⁹. Так как топонимы этого типа возникли в Скандинавии позднее названий на **-inge**, интересен вопрос о таком же хронологическом

⁹⁶ См. С. I. Ståhle, Studier över de svenska ortnamnen på **-inge på grundval av undersökningar i Stockholms län**, Lund, 1946, стр. 607.

⁹⁷ Там же, стр. 591. См. также J. Труба́чко, *Badania onomastyczne w Szwecji*, «Onomastica», II, 2, 1956, стр. 392.

⁹⁸ О. Н. Труба́чев, Заметки по этимологии и ономастике (на примере балто-германских отношений), сб. «Друга республіканська ономастична нарада» (тезиси), К., 1962, стр. 12.

⁹⁹ См. полный текст одноименной статьи, публикуемой в сб. «Питання ономастики (Матеріали II республіканської наради з питань ономастики)», изд-во «Наукова думка», К., 1964, стр. 31.

расслоении и соответствующих балтийских типов. Приведенные примеры, помимо прочего, говорят о том, что действительно существуют предпосылки для создания специального атласа языков бассейна Балтийского моря¹⁰⁰.

3. 2. *Балто-неиндоевропейские соответствия.* При установлении балто-неиндоевропейских соответствий (не говоря уже о балто-финских, о которых речь шла выше) внимание должно быть обращено не на отдельные совпадения, тем более — материальные¹⁰¹, которые В. Кипарский удачно назвал «блуждающими огнями», так часто увлекающими неосторожных в дебри гипотез¹⁰², а на определенные аналогии в структуре. Эту мысль особо подчеркнул Я. Хмелевский:

«Использование соответствующего неиндоевропейского языкового материала желательно и даже необходимо для надлежащей постановки и выяснения некоторых конкретных вопросов (сравнительных или касающихся отдельных языков) в области самого же индоевропейского языкознания. ... Оно, по крайней мере, желательно при таком положении, когда и не имеется никаких непосредственных связей, но соответствующие неиндоевропейские языковые данные могут послужить известными указаниями к объяснению индоевропейских языковых явлений или же подтвердить — хотя и косвенным путем — теорию, построенную для освещения соответствующих индоевропейских фактов; в таких случаях мы, разумеется, имеем дело, с одной стороны, на индоевропейской и, с другой стороны, на неиндоевропейской языковой почве с явлениями (действительными или только предполагаемыми), в известном смысле аналогичными»¹⁰³.

Примерами балто-неиндоевропейских соответствий могут быть форма 3-го лица, общая для единственного и множествен-

¹⁰⁰ Об этой идее см. M. Deapović, A propos de la réalisation de l'Atlas Linguistique Méditerranéen, «Proceedings of the Eight international congress of linguists», Oslo, 1958, стр. 430.

¹⁰¹ Латыш. *gupa* «речь» и слово *gupa* в другом названии языка кечуа — *gupa simi* (буквально «устный язык, язык рта»). См. Л. И. Жирков. Всегда ли случайно типологическое сходство языков? (К вопросу о строе языка кечуа), ВЯ, 1959, 1, стр. 51. Ср. также, И. Линдквист, пытается сблизить язык айну с индоевропейскими языками, указывает на совпадение суффикса личных местоимений в айну, например, *kuani* (от *ku* «я») и, в частности, в литовском *ašen/ašenaĩ* (от *aš* «я») (I. Lindquist, Indo-european features in the ainu language with reference to the thesis of Pierre Naert, Lund, 1960, стр. 65).

¹⁰² В. Кипарский, О хронологии славяно-финских лексических отношений, «Scando-Slavica», IV, 1958, стр. 136.

¹⁰³ I. Chmielewski, Uwagi o znaczeniu języków nieindoeuropejskich dla nauki o języku (I), RKJ, I, Łódź, 1954, стр. 63.

ного чисел глаголов настоящего времени в балтийских¹⁰⁴ и тюркских языках, а также родительный падеж личного местоимения в функции притяжательного для всех трех лиц в балтийских, финно-угорских и тюркских языках в отличие от славянских, где это явление известно только в третьем лице: *его*, но *мой*, *твой* и т. д. Явления такого рода следует рассматривать в широкой ареальной перспективе, как это делает М. Бартоли, в частности, в отношении вариантов конструкции типа *Petri filius* и *filius Petri*¹⁰⁵ — различия, также разделяющего балтийские и славянские языки.

В главе IV данной работы как раз и предпринята попытка рассмотреть балтийское явление в широком межконтинентальном ареале.

*0 — 3. К тезису о необходимости конкретизации
балто-славянских языковых связей*

Тезис о необходимости конкретизации балто-славянских языковых связей фактически является призывом к ареальному исследованию их взаимоотношений, о перспективности которого можно судить уже и по отдельным рассмотренным примерам островного, континентального и межконтинентального характера. Эту конкретизацию следует проводить в самом широком диапазоне отношений между балтийскими, славянскими и неславянскими языками и, прежде всего, в пределах самого балто-славянского языкового континента. При этом возможны два подхода: от ареала языка к ареалу явления и, наоборот, от ареала явления к ареалу языка. Первый из них является как бы отправной точкой исследования, поскольку общий языковой ареал дан заранее, тогда как ареал явления представляет собой искомую величину. В этом смысле требование установить, скажем, балто-словенские соответствия нельзя рассматривать как задачу обращения только к словенскому языку (от ареала языка к ареалу явления). Напротив, это означает использование данных и ряда других славянских языков, в противоположность которым определение «словенские» следует понимать именно как ареал явлений, ограниченных ареалом словенского языка (от ареала явления к ареалу языка).

¹⁰⁴ А. Мейе назвал это явление «совсем странной особенностью балтийского» (*la particularité tout à fait étrange du baltique*). A. Meillet, И. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911 (рецензия), RS, V, 1912, стр. 163.

¹⁰⁵ M. Bartoli, *Ario-europeo, uralico, semitico. Luci e ombre nell'opera di Alfredo Trombetti*, сб. «*Scritti in onore di Alfredo Trombetti*», Milano, 1933, стр. 175—198.

Таким образом, можно говорить о примате первого над вторым, так что задачу конкретизации балто-славянских языковых отношений надо видеть прежде всего в установлении ареалов явлений (как бы они ни соотносились с ареалами языков).

Выделение общих балто-славянских языковых ареалов (не исключая того, что они могут быть разобщены), очевидно, имеет смысл лишь постольку, поскольку оно подтверждается ареалами языковых явлений.

Отсюда следует, что и острова, и балто-славянский языковой континент и межконтинентальные ареалы являются в некотором смысле априорными понятиями — той рабочей гипотезой и вместе с тем полем для исследования, без которых невозможно начать изучение ареалов различных явлений балтийских и славянских языков. В последующих главах мы подробнее остановимся на примерах языковых явлений островных, континентальных и межконтинентальных ареалов, уделив наибольшее внимание континентальному, который занимает центральное место в проблематике балто-славянских ареальных взаимоотношений.

ОСТРОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. РУССКИЕ ГОВОРЫ В ЛИТОВСКОМ ОКРУЖЕНИИ

«Число видов с ограниченным ареалом значительно превышает число видов с обширным ареалом (принцип де Кандоля)».

(«Проблемы зоогеографии суши»)

ВИД ГЛАГОЛА В КОНСТРУКЦИИ ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

(Фазовая конструкция типа *кончает прийти*)

1. Фазовые конструкции в русском языке

1. 0. *Предварительные замечания.* В различных языках среди глагольных словосочетаний выделяются такие, где спрягаемые глаголы обозначают начало, продолжение или окончание того действия, которое выражено зависимой от них неспрягаемой формой глагола (инфинитивом или деепричастием)¹. Глаголы, выражающие фазы протекания действия (начало и т. п.), получили название фазовых². В соответствии с этим и словосочетания фазовых глаголов с инфинитивом (деепричастием) мы будем называть фазовыми конструкциями.

1. 1. *Вид инфинитива.* Отличительной чертой фазовых конструкций является то, что «инфинитив в них всегда выступает только в форме несовершенного вида»³. Подробнее об этом писал А. М. Пешковский: «...Формы совершенного вида не мирятся с идеями начала, продолжения и конца процесса. Нельзя сказать... «кончаю заговорить»... Эта несочетаемость идеи течения процесса с совершенным видом абсо-

¹ См., в частности: С. Fahlin, Observations sur l'infinitif de narration en portugais et sur la construction du verbe *commencer*, «Studia Neophilologica», XIX, 3, Uppsala, 1947, стр. 272—292; F. Asan, L. Vasiliu, Unele aspecte ale sintaxei infinitivului în limba română, «Studii de gramatică», I, (Bucuresti), 1956, стр. 101—102.

² Р. Мразек, Проблема сказуемого и его классификации (на материале русского и чешского языков), «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», VII, řada jazykovědná (A), 6, Brno, 1958, стр. 23 и 24.

³ См. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 217.

лютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который мог бы сочетаться с глаголами *начинаю, продолжаю, бросаю, прекращаю, прерываю, кончаю* и т. д.»⁴

Аналогичное положение наблюдается и в других славянских языках. Так, в болгарском языке «глаголы фазовости могут сочетаться только с формами несовершенного вида другого глагола. Сочетание с формами совершенного вида здесь абсолютно невозможно»⁵. В конструкциях такого же типа употребляются только несовершенные глаголы и в верхнелужицком языке, что приводится как выразительное доказательство живучести в нем категории вида⁶.

Следует подчеркнуть, что несочетаемость фазовости действия с его законченностью характеризует не только славянские языки. Так, в итальянском фазовый глагол *andare* («ходить, идти, двигаться») синтаксически несовместим с глаголами мгновенного действия⁷.

1. 2. Глаголы окончания действия. Другой особенностью фазовых конструкций, но уже со стороны спрягаемого глагола, является редкая встречаемость глаголов окончания действия по сравнению с теми, которые имеют начинательное значение.

Так, для русского языка это отмечено В. П. Сухотиным, который, говоря о словосочетаниях, выражающих прекращение действия — явления, в частности, о конструкциях с инфинитивом, писал: «Бросается в глаза относительно малая употребляемость этих конструкций. Так, в наших текстах обнаружено лишь небольшое количество сочетаний инфинитива с глаголом *перестать*... Сочетания с глаголом *закончить*... Сочетания инфинитива с другими глаголами (*кончить, бросить, кинуть* и т. д.) в наших текстах вообще не обнаружены»⁸.

⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7, М., 1956, стр. 108—109.

⁵ Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление), сб. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка», Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 218. Там же указана литература вопроса по другим славянским языкам, в частности — польскому и словацкому.

⁶ F. Michalik, Über den Aspekt in der obersorbischen Volkssprache, ZfS, IV, 2, 1959, стр. 246—247.

⁷ J. Šabršula, Les équivalents de l'aspect slave en italien (Étude comparative), «Philologica Pragensia», IV, 3, Praha, 1961, стр. 151.

⁸ В. П. Сухотин, Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания, Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 44—45.

Это же подтверждается статистическими данными, приведенными в словаре Э. А. Штейнфельд: «...очень редко встречались в сочетании с инфинитивом, например, *кончатъ* — 2 раза, а глаголы *кончить, прекратить...* — ни разу»⁹. Ср. также частотность (в конструкциях с инфинитивом) глагола *перестать* (38), в отличие от *начать* (159) и *начинать* (51)¹⁰.

2. Фазовая конструкция с глаголом **кончатъ** в русских купишкенских говорах Литвы (предварительные замечания)

В отличие от русского литературного языка, а также других славянских языков, в фазовых конструкциях купишкенских русских говоров Литвы обращает на себя внимание распространенность употребления глагола *кончатъ* (ср. 1. 2) и, в особенности, форма несовершенного вида инфинитива (ср. 1. 1), например: «Уже недалеко, *кончаем прийти*».

Наряду с употреблением форм совершенного вида как явлением новым, характеризующим речь молодого поколения, в этих говорах известны также имперфектные формы, отмечаемые, как правило, в речи старшего поколения.

Но как раз молодые представители говора, которые учились или учатся в литовской школе, в отличие от старших, активно владеют литовским языком. Таким образом, употребление формы совершенного вида инфинитива совпадает с наиболее активным двуязычием. Это дает основание предполагать, что особенности фазовой конструкции с *кончатъ* связаны с влиянием литовского языка.

3. Фазовые конструкции, в частности с глаголом **baigti**, в учении о глагольных видах литовского языка

3. 0. *Предварительное замечание.* «Классическим» случаем выражения несовершенного вида является позиция, в которой инфинитив зависит от фазового глагола со значением «начинать» или «кончать». Однако, как справедливо отметил Э. Браунер, этот критерий до настоящего времени почти еще не был принят во внимание при определении характера видов балтийского глагола¹¹.

⁹ Э. А. Штейнфельд, Частотный словарь современного русского языка. 2500 наиболее употребительных слов. Пособие для преподавателей русского языка, Таллин, 1963, стр. 49.

¹⁰ Там же, стр. 48.

¹¹ S. Brauner, Die Position Verbindung von «beginnen» (bzw. «aufhören») mit präfigierten Verben im Litauischen (zur Frage des Verbalaspekts im Baltischen), ZfS, IV, 2, 1961, стр. 254.

Действительно, если обратиться к исследованиям, в которых в той или иной мере рассматриваются фазовые конструкции, то в них безраздельно господствует одна точка зрения — «вид и фазовая конструкция» и не представлена другая — «фазовая конструкция и вид». Но как раз априорное (в частности, в отношении инфинитивного словосочетания с *baigti*) установление характера литовского вида, сделанное в обход этой конструкции, вызвало то, что она постоянно «мстила» исследователям, выходя за рамки предписанных таким образом правил.

3. 1. *Префиксация*. В качестве исходного тезиса при рассмотрении вопроса о взглядах на префиксацию инфинитива, употребляемого в сочетании с глаголом «кончать», можно привести высказывание А. Зенна: «Если глагол, который сам уже обозначает вступление в действие или окончание его..., имеет как дополнение другой глагол, то оба эти глагола можно употреблять только в простой (*nichtzusammengesetzter*) форме»¹². Так, в соответствии с теорией о перфективирующей роли глагольных приставок А. Зенн выразил формальную сторону правила: «После глаголов, которые сами обозначают начало или конец действия..., употребляются глаголы только несовершенного вида»¹³ (разрядка наша. — А. Н.).

Однако развитие взглядов на конструкцию с *baigti* пошло по пути антитезиса к утверждению об обязательности бесприставочного инфинитива. Так, отвечая на вопрос о том, можно ли употреблять приставочные инфинитивы в словосочетаниях с глаголами, обозначающими начало или конец действия, в частности, можно ли сказать «*jau baigia viską užmiršti*», П. Скарджюс пишет, что напрасно искать во всякой приставке выражение совершенного вида и думать, будто более правильным словосочетанием вместо приведенного явится: «*jis jau baigia viską miršti*»¹⁴.

Значение приставки в данном случае стерлось, так что глагол *užmiršti* в отношении вида эквивалентен простому, бесприставочному глаголу (*miršti* употребляется слишком редко, и видовая соотносительность отсутствует)¹⁵.

Все больше внимания уделяется вопросу о приставочном инфинитиве в послевоенных трудах. Так, в статье Т. И. Бух, на-

¹² A. Senn, *Kleine litauische Sprachlehre*, Heidelberg, 1929, стр. 241.

¹³ J. Jablonskis, *Lietuvių kalbos gramatika* (1922), § 155, «*Rinktiniai raštai*», I, Vilnius, 1957, стр. 295.

¹⁴ P. Skardžius, *Veikslai ir jų vartojimas*, GK, 1936, IV, стр. 50—53.

¹⁵ *Užmiršti* «забыть» (букв. «он уже кончает все забывать»). Ср. аналогичное положение в переводящем глаголе.

писанной в соавторстве с В. Амбразасом в 1955 г., утверждает, что с формой *baigti* может сочетаться префиксальный инфинитив, если приставка сообщает глаголу только определенное лексическое значение (например, направление действия), а не меняет его вида, как в случае *aš baigiu pavalgyti*¹⁶. Эта же точка зрения повторена и в статье Т. И. Бух «К вопросу об изучении категории вида в литовском языке»: «Традиционная формулировка (вопроса о видах литовского глагола. — А. Н.) вносит путаницу в вопрос о выборе приставочного или бесприставочного глагола после *baigti* «кончать», *pradeti* «начинать» и т. п., требующих после себя глагола несовершенного вида. Остается неразрешенным, почему можно сказать *baigiu išnešti daiktus* «кончаю выносить вещи» (сложный глагол с приставкой реального значения), но нельзя сказать *baigiu pavalgyti* «съесть» (глагол с приставкой формального значения)»¹⁷.

Однако уже в 1957 г. Т. И. Бух, изменив на основании знакомства с диалектными записями и речью литовцев-горожан свою точку зрения, утверждает, что в литовских диалектах наряду с *baigti valgyti* встречаются также и *baigti pavalgyti*. Более того, и в литературном языке в речи старшего поколения также встречается форма *baigti pavalgyti*¹⁸.

В монографии о видах литовского глагола Л. Дамбрюнаса (1960) отчетливо виден тот подход от вида к конструкции с *baigti* (а не наоборот), о котором говорилось выше (3. 0). Особо отметив употребление *pradėti* и *baigti*, выступающих в сочетании с инфинитивом и тех глаголов, которые считаются чисто перфективными, даже с приставкой *pa-*, автор утверждает, что «приставки... в этом случае также имеют перфектирующую силу», хотя после глагола *baigti* «чисто перфективный инфинитив употребляется сравнительно редко. Обычно здесь употребляется несовершенный инфинитив»¹⁹.

С принципиально новым взглядом по этому вопросу выступил З. Браунер. В отличие от своих предшественников, немецкий балтист подошел не к самой конструкции со стороны ви-

¹⁶ Т. Buchienė, V. Ambrazas, *Lietuvių kalbos veiksmažodžių veikslo klausimu*, «Tarybinis mokytojas», 1955, N 44 (101), стр. 4.

¹⁷ Сб. «Вопросы составления описательных грамматик», Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 200. Следует подчеркнуть, что статьи сборника «относятся к вопросам, которые обсуждались на координационных совещаниях 1956—1958 гг.» (см. стр. 4).

¹⁸ Т. И. Бух, К вопросу о категории вида в литовском языке. Доклад, прочитанный в июне 1957 г. на заседании Польского лингвистического общества (Polskie Towarzystwo Językoznawcze), машинопись, Варшава, стр. 4.

¹⁹ L. Dambriūnas, *Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai*, Bostone, 1960, стр. 93—95.

дов, а наоборот, к видам с точки зрения сочетаний «начинать» (или «кончать») с приставочными глаголами²⁰. Полемически заостряя статью, автор сосредотачивает свое внимание на критике до недавнего времени безраздельно господствовавшего тезиса об исключительно перфектирующем характере приставки **pa-**²¹. З. Браунер основывается только на материале конструкций с глаголами начала действия, однако его вывод о том, что «когда глаголы с приставкой имеют лексикально-результативное (lexikalisch-resultativen), а не грамматически-перфективное (grammatisch-perfektiven) значение, они могут, хотя и не часто, стоять в позиции после выражений «начинать» и «кончать»²², относится и к рассматриваемым конструкциям с *baigti*.

В свете этого вывода и следует рассматривать все те случаи употребления инфинитива с приставкой **pa-**, которые раньше казались исследователям невероятными или же исключительными и на основе общепринятых положений фактически не поддавались объяснению.

Таким образом, даже вопрос о наиболее, казалось бы, ясной в отношении видообразования приставке **pa-** не является простым, так как перфективизация, приписываемая этой приставке, в условиях сочетания с фазовыми глаголами синтаксически недопустима. Это представляет собой пример того, как следует относиться, так сказать, к априорно перфективирующей роли других приставок в тех инфинитивах, которые выступают в рассматриваемом виде фазовой конструкции.

3. 2. *Суффиксация.* В своей работе о языке катехизиса М. Петкевича, касаясь, в частности, интересующего нас вопроса, Э. Френкель пишет, что в славянских языках после глаголов со значением начала и окончания действия возможны только несовершенные глаголы, и потому композиты должны выступать в итеративной форме. «Во многих восточных, а также в некоторой части жемайтских говоров, — продолжает Э. Френкель, — господствует то же самое словоупотребление (*derselbe Sprachgebrauch*); в соответствии со славянским (*in Anlehnung an das Slavisch*) (разрядка наша. — А. Н.) сложные глаголы, зависящие от «начинать» и «кончать», так же (*ebenfalls*) получают в них итеративную

²⁰ S. Brauner, указ. соч., стр. 254.

²¹ См. об этом: E. Galnaitytė, *Veiksmažodžiai su priešdėliu pa-* *daiktinėje lietuvių kalboje*, «Kalbotyra», I, Vilnius, 1958, стр. 118.

²² S. Brauner, указ. соч., стр. 259.

форму; напротив, в записях из западноаукштайтской области в таких конструкциях встречаются и обычные композиты»²³.

Ссылаясь на это место в книге Э. Френкеля, Л. Дамбрюнас пишет следующее: «Замечание Э. Френкеля, что употребление этих (т. е. итеративных. — А.Н.) инфинитивов было введено под славянским влиянием (was introduced under Slavic influence) (разрядка наша. — А. Н.), едва ли правильно. Поскольку это явление можно наблюдать во всем литовском языковом ареале, мы должны рассматривать его как результат естественного развития»²⁴.

Однако, как видно из текста книги, Э. Френкель не имел в виду того, что приписывает ему Л. Дамбрюнас. Точно так же и в более ранней работе (1936) Э. Френкель говорит только о том, что «от глаголов начала и окончания в Виленском крае (im Wilnagebiete) часто зависят итеративные композиты, которые соответствуют (entsprechen) (разрядка наша. — А. Н.) славянским итеративно-дуративным сложениям»²⁵ и что в других литовских диалектах употребление итеративов, в особенности после глаголов *pradėti*, *liautis* и т. п., также не представляет собой исключительного явления²⁶.

В действительности же мысль о возможном славянском влиянии была высказана Я. Сафаревичем (1938), который, развивая положения Э. Френкеля, писал, что «в случаях употребления сложных глаголов в зависимости от слов, которые обозначают «начинать» или «кончать», в восточнолитовских текстах, как правило, выступает глагол на **-dinėti...** Кажется, однако, несмотря на видимую правильность, что систематическое противопоставление обычных сложений (т. е. заведомо перфективных) итеративно-дуративным (т. е. имперфективным) на **-dinėti** является особенностью только восточных говоров, в которых славянское влияние особенно сильно»²⁷.

Если вопрос о противопоставлении совершенных и несовершенных глаголов на **-dinėti** как системе, характеризующей восточнолитовские говоры, по-видимому, остается открытым, то о славянском влиянии на употребление суффикса **-dinėti** (по крайней мере на территории Белоруссии) можно говорить

²³ E. Fraenkel, Sprachliche, besonders syntaktische Untersuchung des kalvinistischen litauischen Katechismus des Malcher Pietkiewicz von 1598. Göttingen, 1947, § 124, стр. 110.

²⁴ L. Dambriūnas, Verbal aspects in lithuanian, LP, VII, Poznań, 1959, стр. 260.

²⁵ E. Fraenkel, Der Stand der Erforschung des im Wilnagebiete gesprochenen Litauischen, «Balticoslavica», II, Wilno, 1936, § 65, стр. 77.

²⁶ Там же, стр. 79.

²⁷ J. Safarewicz, Stan badań nad aspektem czasownikowym w języku litewskim, «Balticoslavica», III, Wilno, 1938, стр. 9.

с большей степенью уверенности. Как пишет в специальной статье об этом форманте исследователь зетельского говора А. Видугирис²⁸, суффикс **-dinėti** характеризуется следующими особенностями:

а) нигде так часто не встречается, как в островном зетельском говоре (по сравнению с континентальными — в данном случае с дзукскими говорами);

б) в самом зетельском говоре больше употребителен в речи грамотных и бывалых людей, чем у более оседлых и старших носителей говора;

в) придает глаголу значение повторяемости и длительности действия, совпадая в этом отношении со значением славянских **-ивать, -ывать, -вать, -ать**.

Суффикс **-dinėti** и его роль в глагольной системе зетельского говора литовского языка представляет собой в некотором смысле исключительное явление. Как известно, балтийским языкам не свойственна так называемая вторая ступень видового образования. Если в славянских языках, в частности в русском, от приставочных глаголов совершенного вида (*откупиться*) можно с помощью одного из названных выше суффиксов образовать глагол несовершенного вида (*откупаться*), в балтийских (литовском) языках «ни один производный имперфектив не образован от перфектива»²⁹ несовершенного вида (*откупаться*).

Ср. два параллельных текста, где как совершенный, так и несовершенный виды русского глагола передаются в переводе на литовский одной общей формой:

«— Послушай-ка, Хорь, говорил я ему, — отчего ты *не откупишься* от своего барина?

— А для чего мне *откупаться*?...

— Все же лучше на свободе, — заметил я...

— Вестимо, — проговорил он.

— Ну, так чего же ты *не откупаешься*?...

— Чем, батюшка, *откупиться* прикажешь?»³⁰

В переводе на литовский язык:

«— Klausyk, Chori, — sakau aš jam, — kodėl tu *neišsiperki* iš savo pono?

— O kam man *išsiperkti*?...

— Vis dėlto geriau laisveje, — pastebėjau aš...

— Žinia, — pratarė jisai.

— Na, tai ko gi tu *neišsiperki*?...

— Kuo, tėvuli, liepsi *išsiperkti*?»³¹

²⁸ A. Vidugiris, Veiksmazodžiai su priesagomis **-inėti** ir **-dinėti** Zietelos tarneje, MĀD, serija A, 2 (11), 1961, стр. 219—231.

²⁹ Chr. Stang, Das slavische und baltische Verbum, Oslo, 1942, стр. 20.

³⁰ И. С. Тургенев, Записки охотника (Хорь и Калиныч), «Собрание сочинений в 12 томах», I, М., 1954, стр. 80. (Курсив наш. — А. Н.)

³¹ I. Turgenovas, Medžiotojo užrašai (Choris ir Kalinyčius) (vertė S. Neris), Vilnius, 1957, стр. 9. (Курсив наш. — А. Н.)

В интересной статье о спорных вопросах видов литовского глагола Е. Галнайтите проводит мысль о том, что «почти все глаголы с приставками, имеющими лексическое значение (ср., например, *išsipirkti*. — А. Н.), из-за недостатка (отсутствия) грамматических средств являются в литовском языке одновидовыми. Это, по-видимому, и составляет своеобразие, специфику глагольных видов литовского языка»³².

Если благодаря распространенному употреблению суффикса *-dinėti* специфика видов литовского глагола в говоре д. Зетела в БССР действительно нарушается и возникает система противопоставления: перфективный приставочный глагол — имперфективный приставочный глагол с суффиксом *-dinėti*, о чем писал Я. Сафаревич (см. выше), то, приобретая таким образом вторую ступень видового образования, литовский язык в данном случае приближается к славянскому. Забегая вперед, уместно поставить такой вопрос: если сближение литовского со славянским выражается в приобретении первым второй ступени видового образования, то не будет ли в обратном случае — при сближении славянского с литовским — утраты или ослабления этой ступени видообразования, а в соответствии с этим — изменения роли приставок и появление форм типа *кончает прийти* в русских купишкенских говорах Литовской ССР?

4. Конструкция с глаголом *baigti* в литовских купишкенских говорах

Русские языковые острова к северу от г. Купишкис Литовской ССР, где отмечены столь необычные конструкции типа *кончает прийти*, находятся в окружении говоров так называемых дадининков, или купишкенских говоров, составляющих особую диалектную группу восточно-аукштайтского поддиалекта. Очевидно, с точки зрения изложенного выше конструкции с *baigti* должны быть рассмотрены именно в этих говорах, что поможет объяснить видовую аномалию в островной русской речи.

Как показывают материалы, собранные для диалектологического атласа литовского языка³³, купишкенским говорам в конструкциях с глаголом *baigti* известны как простые, так и приставочные инфинитивы. Например: «*Nebekiek to šieno, ir tas baigia pūti*» (Ютконис); «*Baigia pirties lubos įlūžti*» (Купиш-

³² E. Galnaitytė, *Ginčytini lietuvių kalbos veiksmažodžio veikslų klausimai*, «Kalbotyra», IV, 1962, стр. 138—139.

³³ Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР.

кис); «Baigia išeit iš mados senybės velkė» (Ютконис); «Siuvo, tai baigia puplėšti» (Шекштининкай/Эйноряй); «Baigė padaryti, ale karas sutrukė» (Шалтеняй); «Baigiam užsidaužyti su fais daržais» (Ализава); «Baigia užkamuoti» (Бакшенай); «Baigia užniurkyti viščiukus» (Аукштадварис).

К этому интересно добавить, что, как отметил Й. Паулаускас, в ряде говоров, в частности и в рассматриваемых нами, приставка как бы переходит из инфинитива в глагол *baigti*, например: «*Visas malkas perbaigiau vežti iš anos pusės*»; «*Kad jau tol išgręžei, tai prabaik gręžti kiaurai*» (Купишкис); «*Kaip nors tą vasarąjį globokit — užeis vėl lietus ir subaigs pūdyti*» (Саламестис)³⁴.

В инфинитивах, сочетающихся с *baigti*, сразу же обращает на себя внимание наличие приставок при отсутствии суффиксов. Со стороны суффиксации эта черта противоречит, согласно Э. Френкелю, особенностям многих восточных говоров (см. 3, 2), инфинитивы которых в таком случае выступают в итеративной форме. Очевидно, это является свидетельством того, что, как писал Э. Кошмидер, формы имперфективности не являются одинаковыми даже в близких между собой восточно-литовских диалектах³⁵.

Однако и со стороны префиксации купишкенские говоры дают новый материал для теории. Если вернуться к взглядам А. Зенна на префиксацию в интересующем нас типе конструкции, то речь шла о том, что — «оба эти глагола (разрядка наша. — А. Н.) можно употреблять только в простой форме» (см. 3. 1). Тем не менее, как видно из обзора развития взглядов на конструкцию с *baigti* (3. 1, 3. 2), внимание исследователей было сосредоточено только на одном, основном глаголе (инфинитиве), тогда как формы спрягаемого глагола оставались вне поля зрения. Сообщенные Й. Паулаускасом данные о переносе приставки из инфинитива в спрягаемую форму *baigti* позволяют сделать такое же опровержение в отношении обязательности бесприставочной формы *baigti*, как это было сделано раньше и относительно самого инфинитива.

Если теперь искать, какая же из приставок среди наших примеров в наибольшей степени может перфективировать инфинитив, то традиция сразу же укажет на **pa-** в глаголе *padaryti*. Как уже указывалось, это положение было опровергнуто введением в научный оборот нового материала, в частности в работе

³⁴ J. Paulauskas, *Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje*, LiK, III, Vilnius, 1958, стр. 438—439.

³⁵ Приводится по работе: J. Safarewicz, указ. соч., стр. 9.

3. Браунера (см. 3. 1). Для данного случая (роль **pa-** в глаголе *padaryti*) уместно привести вывод 3. Браунера: «Литовский тип *daryti: padaryti* не отождествим со славянским *делать: сделать*. *Padaryti* — только результативная (в лексическом смысле!) форма к простому слову (*zum Simplex*) *daryti*»³⁶.

В этом же лексическом «ключе» следует рассматривать и другие приставки относительно их роли в составе инфинитивов: **i-** (*išūžti*), **iš-** (*išeiti*), **pu-** (*nuplešti*), **už-** (*užkamuoti, užniurkyti, užsidaužyti*).

Если приставки **i-** и **iš-** в данных примерах имеют свое основное значение направления движения (соответственно: *внутри* и *изнутри*), то две другие **pu-** и **už-** из множества своих производных значений здесь показывают, что (также соответственно): а) «действием простого глагола *кто-* или *что-либо* портится, изнуруется, плохо делается и т. п.»³⁷; б) «действием простого глагола *кто-либо* убит, уничтожен или очень измучен»³⁸.

Сочетание приставок **pu-** и **už-** с глаголами семантических групп а) и б) представляется нам в высшей степени интересным, поскольку, как будет показано ниже³⁹, отличительной семантической особенностью конструкций с *baigti* как раз и является сочетаемость с глаголами исчезновения объекта или уничтожения субъекта действия. Очевидно, в данном случае можно говорить о параллельности синтетического (с помощью приставки) и аналитического (с помощью отдельного слова) способов выражения, которые в приведенных выше примерах избыточно налагаются друг на друга.

Одним из свидетельств именно лексической, а не перфективирующей функции приставки в инфинитивах с *baigti* являются, как нам кажется, случаи, когда приставка и глагол *baigti*, функции которых в некоторых примерах тождественны, меняются местами, или, иными словами, приставка, отходя к глаголу *baigti*, фактически выносятся за скобки всего словосочетания: *baigiau pervežti* — *per (baigiau vežti)*.

Поскольку приставка при инфинитиве (так сказать, «в скобках» и «за скобками») употребляется в купишкенских говорах параллельно, то это отделение ее от инфинитива основного глагола и отнесенность ко всему словосочетанию, по-видимому, наилучшим образом показывает, что она не имеет отношения к виду и является чисто лексическим показателем направленности действия, как в случае *perbaigiau vežti*⁴⁰.

³⁶ S. Brauner, указ. соч., стр. 259.

³⁷ J. Paulauskas, указ. соч., стр. 359.

³⁸ Там же, стр. 412.

³⁹ См. гл. IV настоящей работы.

⁴⁰ Переход приставки из основного глагола во вспомогательный может находиться в связи с возможностью самостоятельного употребления приставки в утвердительном ответе на вопрос (см. гл. I). Во всяком случае можно говорить о большем или меньшем совмещении ареалов обоих явлений.

Наконец еще одним аргументом в пользу имперфективности приставочных инфинитивов с *baigt* в купишкенских говорах является отсутствие итеративных суффиксов в этом же самом типе конструкций, вследствие чего инфинитивы должны рассматриваться как одновидовые, а значит, по требованию позиции, и несовершенные (см. 3. 0).

Таким образом, в тех говорах восточноаукштайтского поддиалекта литовского языка, которые окружают русские языковые острова, распространен тип конструкции *baigt* + инфинитив. Морфологической особенностью инфинитива является префиксация, которая не сообщает ему в этом сочетании совершенного вида, а только придает те или иные лексические значения. Отрицательно выраженным признаком является отсутствие видовой суффиксации. Инфинитивы выступают, таким образом, в несовершенном виде.

5. Характер конструкции типа *кончает прийти* в русских купишкенских говорах

5. 0. *Предварительные замечания. Примеры.* После установления того, что так же, как и в славянских литературных языках, в литовском языке и его говорах, в частности купишкенских, в сочетании с глаголом *кончать* может быть употреблен только глагол несовершенного вида, вновь возникает вопрос о том, почему же в русских говорах Литвы в названном типе конструкции наряду с несовершенным известен также и совершенный вид инфинитива. Обратимся к соответствующим примерам.

А. Несовершенный вид инфинитива.

- а) «Кончаю забывать»; «Тимофей уже кончал продавать»;
 б) «Уже кончаю замерзать»; «Мы вчера кончили обрезать» (свеклу); «Сколько было гарбузы — кончаю уже переносить»; «Картошку еще не кончила перепаживать»;
 в) «Сараи кончают валиться»; «Завтра кончу буряки возить»; «Савва, чего ты не идешь дрова кончать колоть?»; «Письмо надо кончить писать»; «Кончают пить»; «Пусть кончат спеть»; «В моей печке кончается топиться»; «Видно уже было: печка кончала топиться»; «Кончает учиться».

Б. Совершенный вид инфинитива.

- а) «Уже кончает небу достать»; «Кончаю забыть стихи»; «Иди сюда: кончают меня обидеть»; «Теперь уже кончаем привыкнуть»; «Марья еще не кончила сказать»;
 б) «Я уже кончаю выпить»; «Кончает высохнуть»; «Уже кончаешь книжку написать?»; «Кончает тысячу оборотов обойти» (первый искусственный спутник Земли); «Кончаю переварить гарбузу»; «Пускай лампочка скорей кончает перегореть»; «Уже танки кончают перейти» (через мост); «Надо картошку кончить перепаживать»; «Остановились, бутылки кончили побить»; «Кончают порвать книгу»; «Уже недалеко, кончаем прийти»; «Тая кончает

сто год прожить»; «Кончается развалиться наша изба»; «Кончают сделать»; «Кончаю сгореть, один бок уже сгорел».

5. 1. *Морфология инфинитива*⁴¹. Как было указано выше, между синтаксической позицией видов в русском и литовском языках нет расхождений: в обоих языках после «кончать» требуется форма несовершенного вида глагола. Весь вопрос заключается в том, что морфологическая форма инфинитива не соответствует предъявляемому требованию, причем это обнаруживается только в составе словосочетания: отдельно взятый инфинитив не вызывает никаких возражений. Итак, задача сводится к следующему: почему в определенной части конструкций с глаголом *кончать* не употребляется форма несовершенного вида и что этому препятствует.

Если рассматривать инфинитивы совершенного вида (Б) со стороны префиксации, то всем им (включая подгруппу а, где приставки уже не выделимы) она и придает перфективное значение:

а) достать, забыть, обидеть, привыкнуть, сказать:

б) **вы-**(пить, сохнуть), **на-**(писать), **обо-**(йти), **пере-**(варить, гореть, йти, пахать), **по-**(бить, рвать), **при-**(йти), **про-**(жить), **раз-**(валиться), **с-**(делать, гореть);

в) бесприставочных инфинитивов совершенного вида в наших примерах нет.

Среди этих приставок можно указать часть таких, которые имеют общие значения и даже совпадают с некоторыми приставками в инфинитивах литовских конструкций. Так, подобно приставкам **į-**, **iš-** (инфинитивы *įlūžti*, *išeiti*), которые имеют отчетливо выраженное лексическое (в данном случае пространственное) значение. Таким же значением обладают и приставки **об(о)-**, **пере-**, **при-** в примерах Б, б. С другой стороны, в купийкенских литовских говорах, как уже указывалось, отмечено **ра-** (*baigę padaryti*).

В соответствии с этим приставка **по-**, которую относят к чисто видовым, также употребляется в имперфективной позиции (см. Б, б). Здесь же следует упомянуть и пример точного семантического соответствия: лит. *padaryti* — русск. *сделать* (Б, б). Ср.: приставка **с-** в отношении **по-** занимает последующее место среди формальных префиксов совершенного вида⁴².

Очевидно, что для образования форм несовершенного вида от этих инфинитивов необходимо только использовать суффикс

⁴¹ О семантике инфинитива см. гл. IV.

⁴² В. В. Виноградов, Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947, стр. 535.

-ива- (-ыва-), например, в случае: «картошку еще *не кончила перепахать*, надо картошку *кончить перепахать*». Однако в ряде случаев этого не происходит. Глагол *перепахать* воспринимается как инфинитив совершенного вида только потому, что существует параллельная форма с суффиксом **-ива-** *перепахивать*. Но если бы вторая форма (на **-ива-**) исчезла, какого вида был бы тогда глагол *перепахать* (при условии, что *пахать* — это другой глагол, поскольку приставка **пере-** придает новое лексическое значение)? Однако известно, что литовскому языку как раз и не свойственна так называемая вторая ступень видового образования и если поморфемно калькировать литовские инфинитивы из конструкций с *baigti*, то русских форм на **-ива- (-ыва-)** мы не получим: в нашем распоряжении будут только формы типа *кончить перепахать*. Это и оказывается в русской речи лиц, подвергшихся сильному влиянию литовского языка. Инфинитивы типа *перепахать* (в конструкции *кончать перепахать*) воспринимаются нами как совершенные только потому, что мы рассматриваем их в системе русского литературного языка и подразумеваем при этом отсутствующий член корреляции — форму на **-ива-**. В действительности же эти инфинитивы следует рассматривать в системе литовского языка, где в таком случае вид морфологически не выражен, а синтаксическая позиция (в конструкциях с *baigti*) определяет несовершенный вид.

5. 2. *Видовой характер конструкции.* По словам Ю. С. Маслова, в подавляющем большинстве случаев видовой соотносительности совершенный вид выступает как исходный, а несовершенный — как производный от него член грамматического противопоставления. Совершенный вид «выступает в морфологическом плане в большинстве случаев как отмеченный отрицательным признаком — нулевой морфемой». Это обстоятельство, по-видимому, является причиной того, что литовская нулевая (в отношении суффикса) форма инфинитива, будучи передана соответствующей, также нулевой, русской формой, в итоге выражает совершенную (с точки зрения русского литературного языка) форму глагола, как, например, инфинитив *прйти* в сочетании типа *кончаю прйти*.

Литовское влияние в данном случае сказывается в том, что в видообразовании (несовершенного от совершенного) не принимают участия (по литовскому образцу) славянские итеративные суффиксы, т. е. влияние носит сдерживающий, ограничивающий, даже парализующий характер, потому в нашем материале так мало приставочных образований несовершенного вида («*Кончаю забывать*», «*Тимофей уже кончил продавать*»).

«Уже *кончаю замерзать*». Ср. также приведенный выше пример с инфинитивом *перепыхивать*).

Такое предположение тем более реально, что в случае обратного влияния, например, белорусского языка на литовские говоры отмечается, напротив, рост употребления итеративных глаголов.

Таким образом, из-за утраты второй ступени видового образования существенно изменяется и роль префиксации в исследуемых русских конструкциях: приставки в отличие от суффиксов физически присутствуют, но зато меняют свой характер, теряют свои абстрактные видовые значения и в духе литовского языка отходят от абстрактно-видовых значений в сторону конкретно-лексических.

Словосочетание типа *кончает прийти* несколько не противоречит общепринятому положению о том, что в русском языке, также как и в других славянских языках, глагол фазовости действия *кончать* и инфинитив совершенного вида — «две вещи несовместны». В самих русских говорах в речи лиц, которые не владеют литовским языком, обычен несовершенный вид инфинитива в этих сочетаниях. Отступления же, хотя и являющиеся в этих говорах правилом, наблюдаются в речи билингвалов, причем не только в русской речи русских, говорящих по-литовски, но и в русской речи литовцев.

Несмотря на восприятие изолированной формы *прийти* как инфинитива совершенного вида, эту форму в составе словосочетания *кончает прийти* следует считать несовершенным видом так же, как и соответствующий литовский глагол *ateiti* в конструкции *baigia ateiti*, хотя сам по себе он имеет двойное видовое значение («прийти», «приходить»). Ср. высказывание Я. Сафаревича: «...В отношении литовского языка вообще нельзя говорить о совершенных или несовершенных глаголах, как это можно делать по отношению к славянским. Можно говорить только о совершенном или несовершенном употреблении отдельных глагольных форм»⁴³.

То, что даже заведомо совершенные славянские глаголы типа *прийти* в определенных синтаксических позициях являются несовершенными (если глагольный вид понимать не только как морфологическую, но и как синтаксическую категорию и не считать, что морфологическое определение совершенности-несовершенности является достаточным), уже имеет свои прецеденты в русском языке. Так, А. А. Потемня отметил возможность несовершенного видового значения глагола *дати* в древнерусском как раз в конструкции с глаголом фазовости действия: *начнет не дати* (в «Русской Правде») ⁴⁴.

⁴³ J. Safarewicz, указ. соч., стр. 9.

⁴⁴ Приводится по работе: Ю. С. Маслов, А. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnině (pec.), ВЯ, 1956, 3, стр. 119.

I — 5. Выводы

Конструкция типа *кончает прийти* в островных русских говорах к северу от г. Купишкис Литовской ССР является результатом тех расхождений, которые разделяют глагольные виды в балтийских и славянских языках. По форме эта конструкция принадлежит русскому языку, по содержанию — литовскому и с точки зрения сопоставительной грамматики этих языков представляет собой интерес прежде всего потому, что разноязычные явления в данном случае представлены в терминах одного языка. Такое одноязычное представление расхождений между языками имеет значение для методики исследования балтийских и славянских видов вообще, поскольку оно в значительной мере позволяет ограничить тот принцип перевода при объяснении явлений литовского языка, против широкого распространения которого высказывались Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Потебня.

Различие между литовским и славянским видами глагола в области морфологии (вторая степень видового образования) нашло свое выражение на синтаксическом уровне — в глагольных словосочетаниях типа *кончает прийти*. В зависимости от того, какой язык оказался в положении влияющего — литовский или русский (белорусский) — коренным образом отличаются и результаты морфологического влияния: в случае литовского влияния (русские говоры к северу от г. Купишкис) парализуется отсутствующая в литовском вторая степень видового образования, в случае белорусского (русского) влияния (литовский говор д. Зетела в Белорусской ССР), напротив, этот способ образования видов активно развивается.

Конструкция типа *кончает прийти*, будучи свидетельством видовой неэквивалентности русских и литовских форм глагола, одновременно указывает на то, что исторически сложившееся рассмотрение балтийского вида сквозь призму славянских языков (несмотря на наличие множества этимологически общих приставок как средства видообразования) является недостаточным и требует известных коррективов как путем автономного рассмотрения видовой системы того или иного балтийского языка, так и путем сопоставления балтийских языков с языками неславянскими и даже неиндоевропейскими.

В частности, только на большой языковой территории должен быть решен вопрос о различной частотности употребления глагола «кончать» в конструкциях фазовости действия, что несомненно связано с аналитическим способом выражения вида. В таком же межконтинентальном аспекте следует рассматривать и другую, уже более частную, особенность этого аналити-

ческого способа — семантический характер группы инфинитивов (деепричастий): употребление глаголов со значением исчезновения субъекта или уничтожения объекта действия (см. гл. IV).

Таким образом, взаимоотношения славянского (соответственно балтийского) острова и балтийского (соответственно славянского) субконтинента могут пролить свет на вопросы, касающиеся балто-славянского языкового континента в целом. Подобно пробным площадям в экспериментальной геоботанике, языковые острова позволяют не только решить уже поставленные проблемы, но и сформулировать новые, что не всегда возможно сделать в масштабах больших территорий.

В случае конструкции типа *кончает прийти* ареал лингвистического явления образовался в результате пересечения ареалов двух более крупных единиц (балтийского и славянского субконтинентов), чем и объясняется его двойственный характер. Тем не менее эта двойственность не является равнозначной, и если бы стоял вопрос о том, в каком из атласов — общеславянском или общеполтийском — должны быть рассмотрены русские купишкенские говоры Литвы, то в отношении содержания названной конструкции они должны были бы войти в последний.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.
БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

«Единство — больше двух!»
(А. Мицкевич, Песня Филаретов).

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОБЩИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО И СОЦИАТИВНОГО

(Конструкции типа *косить с косой, косить отцом*)

0. Вводные замечания

Противопоставление социатива (творительного падежа совместного выполнения действия) и инструментала (творительного орудия или средства действия) свойственно многим языкам. В частности, в балтийских и славянских при условии сохранения противопоставленности самого творительного падежа другим падежам в системе парадигмы внутреннее противопоставление социативного и инструментального значений этого падежа совершается с помощью предлога: социатив характеризуется наличием предлога (лит. *su*, слав. *съ), инструментал — его отсутствием. Однако в обеих группах языков наблюдается тенденция к устранению такого различия, которая чаще всего осуществляется путем распространения формы социатива и на инструментал.

В некоторых случаях известен и обратный процесс — как бы распространение беспредложной формы инструментала на социатив. Однако поскольку «чистая» форма социатива в отличие от предложной инструментала может быть также результатом сохранения древнего состояния, то говорить здесь о новой тенденции не всегда возможно.

Процесс обобщения социативной формы стал развиваться уже в период исторического развития балтийских и славянских языков, и его часто объясняли и продолжают объяснять влиянием других языков, среди которых первое место отводится немецкому. Вместе с тем в исследовании этого явления все ча-

ше делаются попытки найти прежде всего внутренние причины в пределах данного языка или группы языков. Все это, очевидно, можно будет решить только при условии ареального изучения колебаний в противопоставлении социатив — инструментал. Программы ряда атласов содержат соответствующий вопрос, в частности, латышского и литовского, закарпатских говоров украинского языка, северо-восточных говоров чешского и, что особенно важно, вопрос о социативном инструментале включен и в программу общеславянского лингвистического атласа.

Противопоставление социатив — инструментал нельзя рассматривать только на семантическом уровне. Если взять крайний случай, когда предлог вообще является отличительным признаком творительного падежа, то можно ли здесь говорить о противопоставлении социатив — инструментал? Однако в большинстве случаев употребление социативной конструкции на месте инструментальной представляет собой следствие как семантических, так и морфологических факторов, без совместного рассмотрения которых нельзя решить вопроса о колебаниях в противопоставлении социатив—инструментал.

В соответствии с основным, предложным употреблением социатива и беспредложным — инструментала, в случаях обратного распределения предложной и беспредложной форм творительного падежа мы будем пользоваться терминами *социативный инструментал* и *инструментальный социатив*, а конструкции, в которых они выступают, — *социативно-инструментальной* и *инструментально-социативной*. Ср. удачный термин «социатив средства и орудия» (С. Геродес, Старославянские предлоги, сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка», Прага, 1963, стр. 343).

I. БАЛТИЙСКИЕ И СМЕЖНЫЕ С НИМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. *Социативный инструментал*

1. 1. *Общий ареал социативного инструментала.*

1. 1. 0. Предварительные замечания. В русской и белорусской программах для диалектологических атласов, в отличие от латышской и литовской, не было вопроса о социативном инструментале. Поэтому сопоставление этого явления в балтийских и смежных с ними восточнославянских языках на основании тех материалов, которые собраны для разных атласов, связано со значительными трудностями. С одной стороны, восточнославянский материал можно извлечь только из текстов, которые не могут обеспечить достаточное количество данных для характеристики интересующего нас явления. С другой, собран-

ный для атласов балтийский диалектный материал ввиду присутствия в программах специального вопроса представляет социативный инструментал не с недостатком (как славянский), а, напротив, видимо, с некоторым избытком, так как ответы во многих случаях только повторяют соответствующие примеры из вопросов программы. Впрочем, ситуация такого рода не является новой, и в подобных случаях речь должна идти о необходимости учета этой неравномерности ради оптимального представления как той, так и другой стороны.

1. 1. 1. Литовский. Если нанести на карту все прямые ответы на вопрос об употреблении творительного инструментального в говорах литовского языка¹, то, не входя в детальный анализ отдельных ареалов (который без «критики текста» был бы преждевременным), в общем, можно заметить противопоставление «предложного» северо-запада «беспредложному» юго-востоку. Северо-западный тип, т. е. преимущественное или даже исключительное употребление твор. падежа орудия или средства с предлогом *su*, преобладает на большей части территории литовского языка, ориентировочно до линии Каунас—Укмярге—Аникшяй. К юго-востоку от этой условной черты преимущественно употребляется беспредложный вариант твор. инструментального.

Своими окраинами северо-западный ареал примыкает к территории латышского языка, юго-восточный — к говорам белорусского. Схематически это представлено на карте № 1.

1. 1. 2. Белорусский. Употребление социативного инструментала на территории белорусского языка можно отметить севернее условной линии Гродно—Минск—Витебск, т. е. в районах, прилегающих к Литве, Латвии и Псковщине, например: «Спалохаўс'а мужык, а тагды ус'е — хадала за ваўком, б'іц йаго с бусакам'и, в'ылкам'и» (Волколатка, текст № 286²) (см. карту № 1); «Быва́ла за́йцаў, б'ёлку найболей с прыманкай браў» (Камень, текст № 309³).

При сборе материала по белорусскому языку автор сознательно ограничился этой частью республики как областью, где есть наибольшая вероятность встретить интересующее нас явление (ср. соседнюю территорию литовского языка). Поэтому указание на линию Гродно—Витебск не означает, как в случае литовского языка, противопоставления северо-запада остальной части Белоруссии.

¹ Соответствующие материалы хранятся в ИЛЯЛ.

² Этот и последующие примеры приводятся по книге: «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі», Выд-ва АН БССР, Мінск, 1962.

³ Там же. Другие примеры употребления социативного инструментала см. ниже. (2. 1. 1).

Примеры употребления социативно-инструментальных конструкций в говорах северо-западной части Белоруссии вовсе не означают, что после беспредложного юго-востока Литвы здесь намечается новый ареал социативного инструментала. Напротив, как раз по причине разнохарактерного представления материала с белорусской и литовской территории (см. 1. 1. 0) отдельные случаи употребления социативного инструментала в этой части Белоруссии скорее говорят в пользу такого же употребления и в беспредложной зоне литовского инструментала, которая остается таковой, по-видимому, только как правило, но не всегда (что, конечно, относится и к рассматриваемым белорусским говорам).

Таким образом, социативная и инструментальная форма творительного падежа орудия или средства действия не разобщает окраинные говоры белорусского и литовского языков, а, напротив, объединяет их, так что между литовскими и белорусскими говорами в этом отношении нет никакой границы, и дзукский поддиалект литовского языка вместе со смежными белорусскими говорами северо-запада БССР в плане названной особенности образует единый ареал. Ср.: «Значительно чаще случаи, когда южнославянские языки разделены с точки зрения какой-либо особенности по формуле $1\frac{1}{2} : 2\frac{1}{2}$ (например, словенский и часть сербскохорватских говоров по отношению к другой части сербскохорватской территории, македонскому и болгарскому языкам), чем по формуле $2 : 2$ или $1 : 3$ »⁴.

1. 1. 3. Латышский. В связи с установлением ареального противопоставления в области литовского языка, в частности, существования северо-западного ареала (социативный инструментал), примыкающего к территории латышского языка, в отношении последнего нас должен интересовать тот же самый вопрос, что и при рассмотрении белорусского языка: находит ли там свое продолжение ареал соответствующего явления? По этой причине в материалах, собранных для диалектологического атласа латышского языка, внимание было обращено главным образом на те говоры, которые находятся в непосредственной близости к северо-западной окраине литовского языка. И действительно, данные латышских говоров⁵ свидетельствуют о том, что литовский северо-западный ареал социативного инструментала — это только часть более крупного ареала, в который входят также и говоры латышского языка (см. карту № 1).

⁴ П. Ивић, Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима, ЈФ, XXII, 1—4, стр. 180.

⁵ Институт языка и литературы АН Латвийской ССР (Рига).

1. 1. 4. Русский. В число смежных с балтийскими языками, помимо белорусских, входят также русские псковские говоры, и в поисках общего балто-восточнославянского ареала нельзя обойтись без их данных. Даже частичное ознакомление с текстами названных говоров⁶ не оставляет сомнения в том, что социативный инструментал известен на Псковщине, в частности в Гдовском районе. Примеры: «Од'ин р'адок пројд'ош с косој /прокос» (д. Ореховцы, Пояновский с/с, Гдовский р-н) (П—027, Н 2)⁷; «С пр'алкам пр'адуг /с шыт'јом шјуцца» (Гдовский р-н) (П—032, Н 1); «На л'атú с дожжóm сб'ила /гд'а упал'и так и остал'ис'а» (там же) (П—032, Н 2).

Важно подчеркнуть, что примеры встречаются и в речи старшего поколения, что может свидетельствовать в пользу давности употребления здесь социативного инструментала.

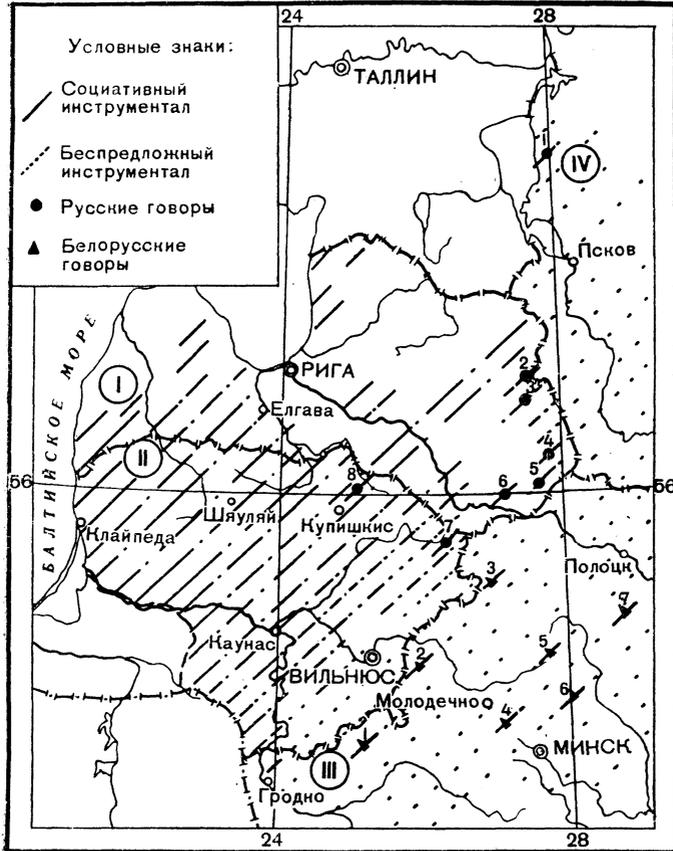
1. 1. 4. 1. Полуостровные и островные русские говоры Латвии и Литвы. Встречая в русских говорах Латвии и Литвы социативно-инструментальную конструкцию и имея в виду наличие соответствующей особенности в балтийских языках, диалектологи обычно относят ее появление к результатам балтийского влияния. Однако, если учитывать континентальное происхождение русских языковых островов и то положение, с которым мы встречаемся на исходной для этих говоров части континента, то решение вопроса о характере исследуемой конструкции не представляется таким однозначным. В самом деле, для большинства русских говоров на территории названных республик в качестве преобладающих черт указываются особенности псковского типа, и то обстоятельство, что именно на Псковщине, вне непосредственных контактов с балтийским населением, встречается та же «балтийская» конструкция, как и в псковских по происхождению говорах в балтийском окружении, заставляет более осторожно подходить к ее объяснению в островных условиях и учитывать различные возможности: влияние, изначальное существование (перенесение с континента) и параллельное с континентальными говорами и самостоятельное в отношении балтийских языков развитие.

Социативный инструментал встречается в целом ряде русских говоров на территории Латвии, например, в тех, которые находятся в непосредственной близости к окраине русского языка, в данном случае — по соседству с псковскими говорами. К таким, в частности, относится говор русского населения ок-

⁶ Диалектологический кабинет Ленинградского госуниверситета (Ленинград).

⁷ Ссылки даются по индексам Диалектологического кабинета.

ИНСТРУМЕНТАЛ В БАЛТИЙСКИХ И СМЕЖНЫХ
С НИМИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ И ОСТРОВНЫЕ ГОВОРЫ)

I Латышский, II Литовский, III Белорусский, IV Русский

Русские говоры

1 Гдовский р-н	5 Дагдский р-н
2 Шкилбени	6 Извалта
3 Берзгале	7 Зарасайский р-н
4 Рундени	8 Купишкенские говоры

Белорусские говоры

1 Осава	5 Волколатка
2 Лоша	6 Камень
3 Козяны	7 Ворань
4 Володьки	

рестностей Шкилбен (Вилякский р-н). Ср.: «Тады вазм'ош йаво́вс'аво́ с рука́м раздз'ар'ибайеш» (д. Ерики)⁸.

В этом же Вилякском р-не отмечены и другие случаи употребления предложного инструментала: «Мы с пр'алк'ъм пр'ад'ом» (д. Обелишки)⁹ и т. д. Ср. аналогичный пример в Гдовском р-не Псковской обл.

По историческим сведениям русское население окрестностей Шкилбен и Балви (также Вилякского р-на) представляет собой переселенцев из Псковского края, в частности из б. Островского уезда (переселение началось в 1903 г.)¹⁰. По данным переписи населения Латвии в 1935 г., в составе населения Шкилбенской волости было 20—40% русских, вол. Балви — 40—60%, а к востоку от них в непосредственной близости к Псковской области — даже 80—90%¹¹.

Таким образом, несмотря на то, что мы располагаем данными о социативном инструментале непосредственно только по северу псковских говоров (Гдовский р-н), все же материалы некоторых русских говоров (псковского происхождения) на территории Латвии, по-видимому, позволяют предполагать, что такие конструкции должны быть известны и к югу от Пскова, в направлении Остров—Опочка. Ср. также наличие примеров типа «нав'арху с ножыкам р'ежут св'аск'и» (д. Ячменицы, с/с Рундени, на крайнем юго-востоке Латвии). Немаловажным фактором, сближающим, например, «репатриированный» таким образом псковский говор Островского района с говорами Гдовского района, является то, что часть примеров социативного инструментала записана также от представителей старшего поколения.

В говоре русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР, который относится к тому же псковскому типу, М. А. Новгородов тоже отмечает употребление социативного инструментала. Однако, как указывает автор, «рассматриваемая конструкция отмечена преимущественно в речи школьников, а также в речи лиц, владеющих латышским языком». «Можно полагать, — пишет Новгородов, — что такого рода конструкции появились под непосредственным влиянием латышского языка»¹².

⁸ Диалектологические материалы кафедры русского языка Латвийского госуниверситета (Рига).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ П. И. Кушнер (Кнышев), О национальном составе населения Латвии в 1935 г. (Объяснительная записка к карте), сб. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.)», Изд-во АН СССР, М., 1954, карта (вклейка между стр. 210—211).

¹² См. М. А. Новгородов, Говор русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР, канд. дисс., Даугавпилс, 1958, стр. 133—134.

Вместе с тем данные говоров Дагдского района в значительно меньшей степени, чем говоры Вилякского района, могут быть использованы для суждения о современных континентальных (псковских) говорах, поскольку их носители поселились в Латвии более двух столетий назад, а не в начале XX в., как русские Вилякского района. Положение, аналогичное тому, которое наблюдается в русских говорах Дагдского района Латвии, известно купишкенским¹³ и зарасайским¹⁴ говорам Литвы.

Таким образом, не все русские говоры Латвии являются в одинаковой степени островными. Некоторые из них при условии сравнительно недавнего переселения их носителей с континента, а также близости последнего являются только своего рода языковыми полуостровами, и потому они могут быть использованы как некоторое свидетельство о положении на континенте.

1. 1. 1—4. Выводы. Общий балто-восточнославянский ареал социативного инструментала прежде всего охватывает те смежные области латышского и литовского языков, где граница между Латвией и Литвой в основном проходит в широтном направлении. Эту латышско-литовскую область можно считать минимальным ядром всего ареала, в отношении которого псковские говоры русского языка — с одной, а также и северо-запад белорусской языковой территории — с другой стороны, представляют своего рода окраины, т. е. (если говорить в терминах волновой теории) как бы следы затухания волны по отношению к центру ее возникновения. Однако динамическое изображение явления еще не означает действительной динамики его развития. Несомненно, что общий ареал является только общей суммой различных языковых факторов и дальнейшей задачей его изучения должно быть нахождение отдельных слагаемых этой суммы.

1. 2. Семантические особенности

1. 2. 0. Предварительные замечания. Инструментал вообще и социативный инструментал в частности имеют еще свои внутренние семантические деления, без учета которых противопоставление социатив—инструментал будет необоснованно све-

¹³ А. П. Непокупний, Кілька випадків впливу литовської мови на синтаксис російських говірок Литовської РСР, Наук. щорічник КДУ за 1957 рік, Вид-во КДУ, 1958, стр. 138—139.

¹⁴ О. Шулене, К вопросу о беспредложных сочетаниях в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР, «Kalbotyga», VIII, Pabaltijos rusų šnektos (straipsnių rinkinys), Vilnius, 1963, стр. 31.

дено к одной плоскости, что исказит перспективу исследования, особенно в случае употребления фразеологизмов.

Так, уже в первой грамматике литовского языка Д. Клейна говорится о «прибавлении предлога *su* к аблативу образа действия, например: «...*su balsu szaukti*»¹⁵.

Эта же конструкция повторяется и в «Основах литовской грамматики» П. Рунга, вышедших почти столетие спустя после труда Д. Клейна¹⁶. Более того, аналогичный оборот отмечен еще в памятниках старославянского языка: «съ гласомъ вельемъ славѣ» как перевод греч. «μετὰ φωνῆς μεγάλης»¹⁷.

Очевидно, эта конструкция представляет своего рода фразеологизм и не может быть убедительным свидетельством употребления социативного инструментала в литовском языке того времени, как не считается она убедительным примером социативного инструментала и в старославянских памятниках¹⁸.

Противопоставление социатив—инструментал и степени перехода от одного к другому могут быть выражены через определенные семантические группы существительных. К таким, в частности, относятся существительные средств передвижения, творительный падеж которых, как известно, очень близко подходит к творительному социативному, находясь вместе с тем в промежутке значений между инструменталом и социативом.

1. 2. 1. Средства передвижения.

1. 2. 1. 1. Белорусский. Конструкция типа *ехаў канём* в отличие от *ехаў на кані* распространена на окраинах территории белорусского языка в виде угла вершиной на юго-запад, т. е. у границы с Украиной — на юге, Польшей — на западе и Литвой — на северо-западе¹⁹ с наибольшей густотой на юге и значительной разреженностью на северо-западе. Случаи употребления социативного инструментала (средств передвижения) приходятся на те же самые северо-западные районы белорусской языковой территории, где сохраняется и конструкция с творительным типа *ехаў канём*: «приїѣду... з возам» (Осава), «с кал'асм'и јехац'» (Козяны), «с кан'ом пайехаў» (Володьки) и др. Ср. псковск. «с кон'ам езд'ил» (Апалево)²⁰.

В современном русском литературном языке конструкции с предлогом *на* «полностью вытеснили творительный падеж в тех

¹⁵ Pirmoji lietuvių kalbos gramatika 1653 metais, Vilnius, 1957, стр. 519 (159).

¹⁶ Iš Rugio sunaus gramatikos (1747), сб. М. Biržiška, Rinkiniai mūsų senoves raštai, Kaunas, 1927, стр. 248.

¹⁷ М. Бауэрова, Беспредложный творительный падеж в старославянском языке, сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка», Прага, 1963, стр. 293.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дзялекталагічны атлас беларускай мовы, Выд-ва АН БССР, Мінск, 1963, карта № 222.

²⁰ Источники указаны выше (1. 2, 1. 4).

случаях, когда ими обозначается животное или немеханизированное средство передвижения (телега, лодка, коляска и т. д.)»²¹.

Итак, конструкция типа *ехаў канём* является более ранней и в говорах сев.-зап. части Белоруссии в связи с общей тенденцией вытесняется (или уже вытеснена) синонимической конструкцией с предложным падежом. Вполне допустимо поставить в один ряд замену беспредложной конструкции предложной, как в примерах типа *ехаў на кані* (почти всегда) и *ехаў с канём* (изредка). При этом причина появления социативного инструментала может быть той же самой, как и в случае замены творительного падежа предложным (с предлогом *на*).

1. 2. 1. 2. Литовский. Программа диалектологического атласа литовского языка в вопросе о творительном инструментальном приводит примеры: «*Riekia duoną peiliu (su peiliu). Važiuoja arkliu (su arkliu)*»²².

Конструкция типа *važiavo arkliu (vežimu)*, соответствующая бел. *ехаў канём (возом)*, в частности в интересующем нас предложном варианте, встречается в различных районах Литвы. Например, на северо-востоке, в купишкенских говорах²³, а также на юго-западе и западе литовской диалектной территории²⁴.

Таким образом, в отношении творительного средств передвижения типа *ехаў канём* существует определенная общность между литовской и, по крайней мере, северо-западной окраиной белорусской языковой территории. Следовательно, если снова рассматривать литовскую и белорусскую языковую территорию как единую, то не только на территории Литвы можно отметить ареал явления белорусского типа (беспредложный инструмен-

²¹ «Творительный падеж в славянских языках», Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 98.

²² *Lietuvių kalbos atlaso medžiagos rinkimo programa, II leidimas*, Vilnius, 1956, вопрос № 129. Как показывает опыт, последнее значение (твор. средств передвижения) должно употребляться значительно чаще, чем первое (твор. орудия), и потому, очевидно, целесообразнее было бы выделить оба значения в качестве отдельных подвопросов.

²³ Ср., в частности, тексты из Бакшенай (ИЛЯЛ). К этому же ареалу относятся и примеры соответствующей конструкции в купишкенских (см. А. П. Непокупный, указ. соч., стр. 138) и зарасайских (см. О. Шулене, указ. соч., стр. 31) русских говорах Литвы. Здесь необходимо указать также на употребление данного словосочетания и в псковских говорах (Гдовский р-н): «Он и череды пас, и с кон'ам језд'ил» (Диалектологический кабинет ЛГУ, П—028).

²⁴ J. Senkus, *Prielinksnių vartojimas bei svarbesniosios jų reikšmės kapsų ir zanavykų tarmėse*, MĀD, serija A, 1 (8), Vilnius, 1960, стр. 144; J. Gerullis, *Chr. Stang'as, Lietuvių žvejų tarmė Prūsuoje*, Kaunas, 1933, стр. 63; K. Mokūnas, *A. Sabaliauskas, Kuršių Neringos žvejų lietuvių tarmė ir lietuvių kalbos įtaka šių žvejų latvių kalbai*, LKK, II, Vilnius, 1959, стр. 143.

тал), но и наоборот — как бы продолжение литовского ареала уже на территории Белоруссии.

1. 2. 1. 3. Польский. Как и следовало ожидать в связи с окраинной, в частности западной, локализацией творительного средств передвижения в белорусском языке, в польских говорах конструкция *jechał kopieł (wozem)* является широко распространенной. Таким образом, в данном случае речь должна идти не столько о связи литовской и белорусской территорий, сколько литовской и польской, и та северо-западная полоса употребления конструкции *echał kanėm*, о которой говорилось выше, фактически является окраиной литовско-польского ареала явления.

Так же, как и в белорусских говорах, из этого словосочетания широко развилась соответствующая социативно-инструментальная конструкция *jechał z kopieł (z wozem)*, которая употребляется от кашубских говоров на севере Польши до Силезии и Малопольши на юге.

Например: «*I jak to z konieł sie jedzie, to na bok*» (выворачиваются клубни — речь идет о сборе картофеля с помощью плуга) (д. Вежхоцина, гмина Боровы-Млын, пов. Хойнице)²⁵; «*Jechał z kóbita*» (д. Баборув, пов. Глубчице)²⁶.

Данное словосочетание отмечено, в частности, в след. повятах: Бытув, Нидзица, Плоцк, Тарнув, Кросно и т. д. Параллельно с ним употребляется и оборот *jechał z wozem*, например, в повятах: Боры-Тухольске, Рацибож, Глубчице, Бжег и др.²⁷

Следует сказать, что подобно белорусскому языку и на польской языковой территории творительный средств передвижения составляет основную семантическую группу в пределах социативного инструментала.

Аналогичное положение наблюдается и в говорах других славянских языков.

Тенденция к употреблению предлога при творительном средств передвижения, очевидно, настолько сильна, что это вызывает появление специальных предостережений в работах нормативного характера. Так, Ф. Травничек пишет: «*jeťi vozem...*, ни в коем случае не *s vozem*» (F. Trávníček, *Slovník jazyka českého*, Praha, 1952, стр. 584). Показательно также, что выходящий в Белграде спортивный еженедельник, проводя викторину для школьников, наибольшее число очков предназначил за решение вопроса: «Исправьте ошибки:

²⁵ Запись автора (1961 г.).

²⁶ F. Steuer, *Narzecze baborowskie*, Prace językowe PAU, N3, Kraków, 1937, стр. 40.

²⁷ См. K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1960, тексты №№ 37, 125, 320); *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, t. 2, Warszawa, 1959, тексты №№ 33, 56; PF, XIV, стр. 95; Картоотека словаря польских говоров (Краков).

«Петар е путовао с бродом, а ја са авионом». Приводится правильный ответ: «Петар е путовао бродом, а ја авионом» («Спорт и свет», № 278 от 20. I 1962 г., стр. 23).

1. 2. 2. Части тела. Подобно тому, как вызывают особый интерес отдельные случаи употребления социативного инструментала на общем фоне беспредложной формы твор. падежа орудия и средства действия, точно так же, с другой стороны, обращают на себя внимание примеры беспредложной формы инструментала, когда указывается на общее преобладание социативно-инструментальной конструкции.

В работе о синтаксисе литовских падежей, анализируя «творительный падеж сопровождающих побочных обстоятельств, а также способа и образа действия», Э. Френкель указывает, что этот вид творительного «часто усиливается сопровождающим предлогом»²⁸.

«В более чистой форме (In packter Gestalt) (т. е. без предлога, здесь и ниже разрядка в источнике. — А. Н.) выступает он в следующих примерах: а) творительный от вещественных имен существительных (Konkre-ta), особенно названий частей тела...»²⁹

На первый взгляд это положение как будто бы действительно находит свое подтверждение. Так, в двух литовских говорах вблизи Жагаре (у границы с Латвией) в качестве исключения из общей социативной формы инструментала приведены примеры: *ausum perigirdž, ploj gankom*³⁰. В аналогичной ситуации указан пример *sparđa kojat* в одном из говоров восточнее Шяуляя³¹.

Как видим, во всех трех случаях в беспредложной форме выступает творительный падеж названий частей тела.

Более того, и в латышском языке при творительном части тела в одном случае постоянно сохраняется беспредложная форма: *iēt kajat* «идти пешком» (букв. ногами) — форма, которая в настоящее время является уже наречием.

Однако и сам Э. Френкель в последующей своей работе уже приводит ту же самую группу существительных, обозначающих конкретные понятия, в частности и названия частей тела, как

²⁸ E. Fraenkel, Syntax der litauischen Kasus (atspausdinta iš «Tautos ir žodžio» IV ir V knygos), Kaunas, 1928, стр. 168.

²⁹ Там же, стр. 169. Ср.: А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка», вып. I (Л., 1925) в пункте о «творительном падеже орудия» замечает: «Особенно часто в творит[ельном] названия частей тела» (стр. 336—337).

³⁰ Ответы на вопросы программы собирания материалов для атласа литовского языка, вопрос № 129, пункты 21 и 22 (ИЛЯЛ).

³¹ Там же, пункт № 135.

пример того, что употребляется «в творительном падеже, усиленном социативным предлогом»³².

Действительно, социативный инструментал от существительных — названий частей тела широко употребляется в литовском языке, например, в говорах капсов и занавиков, в купишкенских (Аукштадварис)³³, а также в русских говорах Литвы, Латвии и Псковщины.

Таким образом, творительный частей тела, несмотря на то, что по своей семантике он дальше отстоит от социативного значения (по сравнению с творительным средств передвижения), не обнаруживает сколько-нибудь устойчивой консервации беспредложных форм. Более того, в ряде случаев социативная конструкция с инструменталом частей тела отмечена наряду с беспредложной формой твор. средств передвижения.

1. 2. 1—2. Выводы. Таким образом, изучение социативного инструментала должно проводиться по определенным семантическим группам. Наиболее экспансивным в переходе от инструментальной формы к социативной является твор. средств передвижения, и поэтому его употребление следует рассматривать в качестве отдельного подвопроса, но не может быть приравнено к другим инструментальным значениям твор. падежа, как это сделано в иллюстративных примерах к соответствующему вопросу в программе литовского диалектологического атласа.

Расчленение вопроса о социативном инструментале на отдельные семантические подвопросы позволит сделать сопоставление данного явления в балтийских и славянских языках более надежным. В отношении социатива средств передвижения такая возможность существует уже и сейчас, как показывает попытка совместного рассмотрения белорусского, литовского и польского языков.

Вместе с тем трудность изучения социативно-инструментальных конструкций даже наиболее распространенного типа (творительный средств передвижения) заключается в том, что употребление предлога зачастую представляет собой чисто факультативное явление, и, следовательно, при неизбежной ограниченности материала один из вариантов конструкции можно принять за единственный.

1. 3. Морфологические особенности.

1. 3. 0. Предварительные замечания. В статье, посвященной роли частиц в литовском склонении, П. Арумаа анализирует

³² E. Fraenkel, *Syntax der litauischen Postpositionen und Präpositionen*, Heidelberg, 1929, стр. 196.

³³ Источники указаны выше (1. 1).

употребление простых и сложных форм местоимений женского рода в «Постилле» Даукши и отмечает, что после предлога *su* обычной является в твор. падеже ед. числа простая форма: *su iā* (16 примеров) против *su iāiā* (2) ³⁴. Преобладание простых форм над сложными (также после предлога) наблюдается и в словосочетаниях местоимений с существительными: *su tokia malone* и т. п. (13), тогда как *su szitaia minia* и т. п. (10) ³⁵. Это тем интереснее, что сложная форма в твор. падеже ед. числа местоимений ж. рода преобладает над простой и выступает как обычная форма этого падежа, например, *kuriāiā* (25); в сочетании с существительным: *anāiā amžina ugnimi* и т. п. (39) ³⁶.

П. Арумаа подчеркивает, что твор. падеж в сложной форме четко противопоставлен вин. падежу (где сложная форма употребляется в исключительно редких случаях), тогда как в своих простых формах оба падежа различаются только по интонации и количеству: вин. *jā* и твор. *jā*. Вот почему потребность в формальном различии между вин. и твор. падежами и делает возможным употребление краткой формы твор., как правило, только после предлога *su* как показателя твор. падежа. «Только из этого факта, — заключает Арумаа, — становится понятным, почему проникновению определенной (т. е. сложной. — А. Н.) формы в позицию после предлога оказывается наибольшее сопротивление: здесь не может быть места совпадению функций падежей» ³⁷.

В статье П. Арумаа следует подчеркнуть два основных момента. Во-первых, одно только количественно-интонационное противопоставление форм двух падежей (вин. *jā* и твор. *jā*) оказывается недостаточным, поскольку оно не исключает возможности совпадения функций падежей. Во-вторых, там, где идея твор. падежа выражена недостаточно четко, в роли падежного показателя употребляется предлог *su*.

К этому необходимо добавить, что в латышском разговорном языке, как отметил Я. Эндзелин, употребление соответствующего предлога *ag* перед формами твор. ед. числа, у которых нет определения, является даже обязательным ³⁸. Очевидно, определение играет такую же роль в смысле указания на падеж, как и сложные (определенные) формы местоимений женского рода.

Таким образом, вопрос об употреблении социативного инструментала, будучи частным вопросом синтаксической формы

³⁴ P. Aruma, Zur Rolle der Partikel in der litauischen Deklination, «Studi baltici», II, Roma, 1933, стр. 168.

³⁵ Там же, стр. 169.

³⁶ Там же, стр. 170.

³⁷ Там же.

³⁸ J. Endzelīns, Latviešu valodas gramatika, Rīgā, 1951, стр. 644.

(предложной или беспредложной) твор. падежа вообще, неразрывно связан с характером падежных окончаний.

Вследствие различных процессов, морфологическая противопоставленность падежей может оказаться нарушенной, и тогда наряду с синтетическим способом выражения творительного падежа (окончание) развивается также и аналитический (с помощью предлога).

1. 3. 1. Отпадение окончаний.

1. 3. 1. 1. Литовский. На севере Литвы в говорах окрестностей г. Биржай краткие конечные гласные *a, e, i, u* отпали, и это привело, в частности, к потере окончания твор. падежа ед. числа, например: (su) *kàt' < katè*³⁹. Ср. также другие примеры твор. ед.: *ākmen', piēmen', sūn, duñg, bāt*⁴⁰.

Как видим, твердая или смягченная основа выступает здесь как форма твор. падежа, дополняемая «частичной» морфемой — местом и характером акцента (термин Е. Куриловича).

По-видимому, широкое употребление в говорах северной части Литвы, в частности в районе г. Биржай, социативно-инструментальных конструкций (см. карту № 1) следует поставить в определенную связь с редуцией окончания твор. падежа ед. числа и недостаточностью интонационно-количественного противопоставления (см. 3. 0).

1. 3. 1. 2. Словенский. Литовские говоры р-на г. Биржай с их редуцией падежных окончаний находят себе параллель в области словенского языка. Так, в говорах по среднему течению р. Сочи, вследствие фонетической редуции гласных, многие падежи, в частности творительный, остались без окончаний: *hga s krav pu ciest; je zvazeno z driet*⁴¹.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением (Т. Логара) о том, что в ответ на формальное совпадение различных падежей «язык не реагировал созданием каких-нибудь новых аналитических средств выражения»⁴². В качестве иллюстрации можно указать на использование предлога во втором из приведенных примеров (социативный инструментал).

1. 3. 2. Совпадение окончаний.

1. 3. 2. 0. Предварительные замечания. В «Грамматике современного латышского литературного языка» не рассматривают-

³⁹ I. Jašinskaitė, *Kirtis, priegaidė ir jų poveikis vokalizmui Biržų tarmėje*, LKK, I, 1957, стр. 190.

⁴⁰ Диалектологические материалы к атласу литовского языка, пункты №№ 27, 28 (ИЛЯЛ).

⁴¹ T. Logar, *O izgubi nominalnih končnic v nekaterih slovenskih primorskih govorih*, SR, XI, 1—2, 1958, стр. 110.

⁴² Там же, стр. 111.

ся сочетания предлогов с твор. падежом, так как сам по себе этот падеж морфологически не выражен, совпадая в ед. числе с винительным, а во мн. — с дательным. Ср.: «Хотя предлог *ag* требует твор. падежа, все же обзор его значений для простоты помещен среди предлогов, требующих вин. падежа, так как нельзя точно определить, не употребляется ли с твор. падежом также и какой-нибудь другой предлог в каком-либо значении»⁴³.

Существует мнение, что совпадение окончаний твор. и дат. падежей мн. числа произошло позже, чем упомянутое выше изменение в ед. числе. В соответствии с этим не было одновременным для обоих чисел и само использование предлога в качестве показателя твор. падежа⁴⁴. Во всяком случае то обстоятельство, что более позднее явление в пределах латышского языка оказывается общим также для литовского и некоторых славянских языков, определяет интерес именно к твор. падежу мн. числа как к одной из морфологических подоснов распространения социативного инструментала.

1. 3. 2. 1. Латышский. Я. Эндзелин отмечает, что хотя в латышских текстах XVI и XVII вв. дат. и твор. падежи множ. числа уже выступали в общей форме типа *aciṃs*, однако на крайнем юго-западе Латвии, в Ручаве, в настоящее время известна нестяженная форма твор. мн. типа *aciṃis*⁴⁵. Более подробно на этом вопросе Я. Эндзелин останавливается в своей «Грамматике латышского языка», по данным которой можно представить, как постепенно сокращалась территория, где твор. падеж мн. числа отличался от дательного, т. е. сохранял окончание *-is*⁴⁶.

Относительно первоначальная территория употребления окончания *-is* в твор. падеже мн. числа может быть определена крайними пунктами, в которых в настоящее время оно сохраняется только лишь в народных песнях. Это линия (с запада на восток) Вергале—Дуналка—Кроте—Скрунда.

Как на первое «урезывание» этой исходной территории можно указать на линию с севера на юг Кроте—Приекуле—Грамазда. В названных пунктах в первой половине XIX ст. употребление окончания было частым.

Наконец, дальнейшее территориальное распространение нового окончания в твор. мн. привело к тому, что в настоящее время область употребления *-is* сузилась до маленького уголка ме-

⁴³ Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika, I, Fonētika un morfoloģija, Rīgā, 1959, стр. 738.

⁴⁴ J. Endzelīns, указ. соч., стр. 644.

⁴⁵ J. Endzelīns, Baltų kalbų garsai ir formos, Vilnius, 1957, стр. 121.

⁴⁶ J. Endzelīns, указ. соч., стр. 406.

жду морем и литовской границей, определяемого населенными пунктами Ница, Барта, Руцава. Все это свидетельствует о том, что вытеснение окончания *-is* в твор. падеже мн. числа в говорах юго-западной части Курземе шло с востока и северо-востока, со стороны других говоров среднего диалекта.

Это положение имеет определенное значение не только для самого латышского языка, но и для всех смежных языков, в которых известно подобное явление.

Интересно отметить, что сохранение архаического состояния в говоре Руцавы (дат. мн. *-ms*, твор. мн. *-mīs*) и вообще в юго-западной части Курземе находит себе параллель и в этнографии. Так, в сравнительно небольших пределах распространения южнокурземского комплекса женской народной одежды выделяются еще три различных варианта в Нице, Барте и Руцаве, в каждом из которых, несмотря на то, что эти «самые маленькие округа» «находятся близко один к другому, народный костюм... отличается своеобразием старинных традиций, которые сохранились еще и в начале XX в.»⁴⁷ В этом же плане особенно выделяется Руцава, некоторые этнографические особенности которой не имеют аналогии не только во всей Курземе, но и не встречаются на остальной территории Латвии⁴⁸.

Все это находит объяснение в общей особенности окраинных ареалов: «менее значительная связь приморских районов с культурными центрами» способствовала тому, что «здесь дольше, чем в остальных районах Латвии, сохранялся полный комплекс одежды (даже до середины XX в.), а также ее отдельные древние элементы»⁴⁹. Внося соответствующие изменения, то же самое можно сказать и о данном вопросе из истории латышского склонения.

1. 3. 2. 2. Литовский. По материалам, собранным для литовского диалектологического атласа, окончания дат. и твор. падежей множ. числа основ на *-o* совпадают как у правобережных западных дзукров, так и в географически противопоставленных им говорах северных пунтиников на крайнем северо-востоке Литвы (р-н г. Биржай), например, *galvóm*.

Однако в отношении других типов основ наблюдается некоторое противопоставление «севера» и «юга». Так, во всех правобережных западнодзукских говорах дат. и твор. падежи мн. числа от существительных с основой на *-i* и на согласный различаются по месту ударения: дат. *paktīmi*, твор. *paktimī*. Напротив, в говорах северных пунтиников для дат. и твор. мн. существует только одна общая форма. Ср. дат. мн. *akīm*, твор. мн. *akīm*, *paktīm* (с тем же самым характером и местом ударения).

Более того, даже в основах на *-o* в западнодзукских говорах в ряде случаев употребляется форма твор. мн. *galvomi* при

⁴⁷ М. К. С л а в а, Комплексы женской народной одежды латышей в конце XVIII и первой половине XIX в., сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики» («Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», I), Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 506.

⁴⁸ Там же, стр. 507.

⁴⁹ Там же, стр. 509.

дат. *galvom*, которая, как и рассматриваемое противопоставление в этом типе основ, неизвестна у северных пунтиников, где не только основы на **-o**, но и основы на **-jo**, **-e**, **-i** и на согласные в дат. и твор. мн. имеют одно общее окончание **-m**.

Таким образом, несколько бóльшая формальная противопоставленность падежей на юге, чем на севере, может быть некоторой параллелью к противопоставлению «предложного» севера «беспредложному» югу на территории Литвы (см. карту № 1).

С теоретической стороны было бы интересно выяснить вопрос, не является ли тенденция к большей или меньшей дифференциации окончаний в твор. и дат. падежах множ. числа так же географически ориентированной, как и в случае социативного или беспредложного инструментала (латышский и белорусский типы). Во всяком случае в отношении говоров северных пунтиников можно говорить о латышско-литовской общности рассматриваемого явления.

1. 3. 2. 3—4. Русский и белорусский. Одной из общих северновеликорусских черт, свойственных также и средневеликорусским говорам (в частности псковским), является форма твор. пад. мн. числа на **-m** (вместо **-ми**), омонимичная окончанию дат. падежа того же числа. Эта же особенность известна говорам белорусского языка.

П. Бузук установил, что окончание твор. падежа мн. числа **-m** распространено в Задвинье⁵⁰, т. е. в том небольшом уголке Белоруссии, который с южной стороны отсекается течением Западной Двины и граничит с говорами русского и латышского языков. Форма твор. мн. на **-m**, помимо северных и восточных районов Витебской области, спорадически встречается в Минской области, в частности в соседящих с Литвой районах (Юратишки, Ошмяны, Сморгонь), а также в Могилевской и Гомельской областях⁵¹.

Итак, вся смежная с балтийскими языками окраина восточнославянских языков разделяется на ареалы дифференцированного (юго-запад) и недифференцированного (северо-восток) окончания твор. падежа мн. числа. То, что ареал дифференцированного окончания (за небольшими исключениями) локализуется, в частности, близ западнодзукских говоров литовского языка, в какой-то мере может быть ответом на вопрос об ареально-типологической ориентации южнолитовской тенденции

---

⁵⁰ П. Бузук, Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў, Мінск, 1931, стр. 8.

⁵¹ См. А. Р. Мурашка, Склонавыя формы якасных і адносных прыметнікаў у беларускіх гаворках, «Працы Інстытута мавазнаўства АН БССР», V, Мінск, 1957, стр. 220.

к большему противопоставлению окончаний твор. и дат. падежей множ. числа.

1. 3. 2. 5. Южнославянские языки. На схематической карте важнейших морфологических изоглосс южнославянской языковой территории область, где различаются окончания дат. и твор. падежей множ. числа существительных а-основ, охватывает только северо-запад этой территории, включая весь словенский язык и прилегающие говоры кайкавского и чакавского диалектов сербскохорватского языка⁵². Однако, как и в случае белорусского языка, социативные конструкции встречаются в ареале как дифференцированного, так и недифференцированного употребления окончаний названных падежей, и это не позволяет считать такое совпадение единственной и общей причиной появления социативного предлога в инструментальной конструкции.

II. ЗАПАДНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

2 — 3. Общие замечания

Некоторые черты западно- и южнославянских языков в отношении социативного инструментала и особенностей, с которыми он связан, уже были рассмотрены в предыдущей части раздела. Тенденция к устранению противопоставления социатив — инструментал в пределах рассмотренного материала обнаружила себя пока только одним способом — в придании инструментальному содержанию социативной формы.

Однако существует и другой путь, который в соответствии с его результатами по аналогии к предыдущему случаю можно назвать распространением инструментальной формы (т. е. беспредложной) на творительный социативный⁵³. Этот вариант устранения противопоставленности социатив — инструментал — за счет устранения социативной формы — несколько сложнее, так как в исходном моменте развития также известен беспредложный творительный социативный⁵⁴.

Наконец, во взаимоотношениях социативной и инструментальной форм творительного падежа определенную роль играет также и сама форма социативного предлога, в частности, его удвоение, которое, кстати сказать, неизвестно балтийским языкам.

⁵² См. П. Ивић, *Значај лингвистичке географије...*, стр. 184—185.

⁵³ Ср. разделение говоров по противопоставлению социатив—инструментал на 3 группы в работе: М. Ивић, *Значења српскохрватског инструментала и њихов развој (синтаксичко-семантичка студија)*, Београд, 1954, стр. 211.

⁵⁴ См. «Творительный падеж в славянских языках», Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 41.

2. Беспредложный социатив

2. 1. *Польский*. Беспредложная форма творительного социативного встречается в памятниках польского языка. Ф. Славский, посвятивший этому вопросу специальную статью, рассматривает, в частности, обороты типа *kwowa byłem chodząca, chodząc dzieckiem* как пример употребления беспредложно-социативной конструкции, которая в этих случаях уже в XVI в. была заменена конструкцией с предлогом *z*⁵⁵.

Следует, однако, заметить, что иногда отсутствие социативного предлога, точнее, его выпадение было связано с началом следующего слова: перед начальным с характерно опускание социативного предлога в ряде памятников восточно-, а также западнославянских языков, в частности словацкого⁵⁶. В связи с этим не все те примеры, которые приведены Ф. Славским, имеют одинаковую доказательную силу: ср. *a swym synkiem... była chodziła, chodzi synem*⁵⁷.

Вместе с тем больший интерес представляют для нас факты современного языка, которые говорят о процессе действительного опускания социативного предлога. Так, по словам С. Роспонда, в Силезии частым является германизм — творительный с предлогом *z* вместо самого творительного, например: *jedzie z samochodem — jedzie samochodem*. Как противопоставление этому (очевидно, гиперическая форма) происходит опускание предлога там, где он должен быть: *czernidłem szklonka*⁵⁸. Еще раньше об этом писал С. Бонк. В изданных им диалектных текстах из Силезии в одном из примечаний сказано: «Часто употребляется предлог *z* вместо одного только творительного, что отвечает немецкому *mit*. Школа это искореняет. Отсюда, кажется, тенденция к опусканию предлога *z*...»⁵⁹

Таким образом, беспредложная форма социатива непосредственно связывается с формой социативного инструментала, что имеет особое значение для нашей темы.

2. 2. *Чешский*. Указание на Силезию как на область, где употребляется беспредложный социатив, находит подтверждение

⁵⁵ F. Sławski, *Ze składni staropolskiego narzędnika*, JP, XLI, 4, 1961, стр. 307—308.

⁵⁶ R. Krajčovič, *K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny*, «Philologica» (Sborník filozofickej fakulty univerzity Komenského), XIV, Bratislava, 1962, стр. 93.

⁵⁷ F. Sławski, указ. соч., стр. 307—308.

⁵⁸ St. Rospond, *Z badan nad przeszłością dialektu śląskiego*. I. Der hoch- und plattpolnische Reisegefährte 1804, PWTN, Seria A. N 14, Wrocław, 1948, стр. 57.

⁵⁹ *Teksty gwarowe z polskiego Śląska*, zesz. I. Teksty z 12 wsi w powiatach Rybnickim i Pszczyńskim, Zebrał i opracował St. Bąk, PAU, Prace językowe, N 4, Kraków, 1939, стр. 38.

в ряде соседних чешских говоров, в частности северо-восточных и северных. При этом в плане установления причинно-следственной связи между обоими видами творительного показательно, что там, где употребляется беспредложный социатив, известен также и социативный инструментал (см. карту № 2). Такое положение наблюдается, например, в чешских кладских говорах, отличительной чертой которых считается вытеснение неслоговых предлогов⁶⁰, в чешско-моравском диалекте⁶¹, в говорах чешских языковых островов на территории румынской части Баната⁶² и т. д.

Особого внимания заслуживает употребление и творительного собственно социативного, который обозначает «сопровождение одного лица или предмета другим»⁶³. Например: *žila tam u dova heskou serou*⁶⁴, *sloužil bratrem na vojně*⁶⁵. Дело в том, что творительный собственно социативный без предлога очень редко встречается в памятниках славянских языков⁶⁶, так что его употребление в современных говорах можно с большей степенью уверенности, чем в отношении других видов социатива (например, социатива качественной характеристики), считать новым, вторичным явлением.

Эта особенность — беспредложная форма собственно социатива в соотношении с несомненно новым социативным инструменталом — нашла свое отражение и в программе изучения северо-восточных чешских говоров, в которой наряду с вопросом типа: «говорится ли у вас *šla kravou* или *šla s kravou*» спрашивается также о вариантах выражения: «*jel vlakem* или *jel z vlakem*»⁶⁷.

Важно подчеркнуть, что беспредложный социатив встречается не только на окраинах, где в первую очередь можно говорить о различных влияниях, но и ближе к центру чешской языковой области⁶⁸.

⁶⁰ J. Kubín, *Lidomluva česků kladských (Příspěvek k české dialektologii)*, v Praze, 1913, стр. 141—143.

⁶¹ I. Hošek, *Nářečí českomoravské, díl II. Podřečí polnické, I. Mluvnický nástin podřečí polnického*, v Praze, 1905, стр. 125—126.

⁶² S. Utěšený, *O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu «Český lid»*, XLIX, 5, 1962, стр. 205.

⁶³ «Творительный падеж в славянских языках», стр. 46.

⁶⁴ J. Kubín, указ. соч., стр. 143.

⁶⁵ I. Hošek, указ. соч., стр. 126.

⁶⁶ «Творительный падеж в славянских языках», стр. 43.

⁶⁷ *Dotazník pro česká nářečí severovýchodní (Ustav pro jazyk český. Z uložení dialektologické komise)*, Praha, без года изд., № 27, стр. 12.

⁶⁸ О распространении беспредложного социатива, а также о соответствующей литературе вопроса см. в работах: F. Oberpálcer, *Jazyk knih černých, jinak smolných (Rozpr. ČAV(S)U, III, 73)*, v Praze, 1935, стр. 55; O. Hujer, *Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka*, Praha, 1961, стр. 268.

2. 3. *Сербскохорватский*. Наиболее подробные сведения об употреблении беспредложного социатива в говорах сербскохорватского языка содержатся в книге П. Ивича⁶⁹ и специальной статье А. Пецо⁷⁰. Общим моментом в попытке объяснить это явление в обеих работах является указание (в более или менее категорической форме) на возможность влияния турецкого языка. Изучая говор галипольских сербов, свыше столетия проживших на территории европейской части Турции, П. Ивич отметил в нем беспредложный социатив как явление, несомненно связанное с влиянием турецкого языка, в котором инструментальное и социативное значения выражаются с помощью одной постпозитивной частицы (*-ile/-la, -le*)⁷¹. «Такому суффиксу как морфологическому средству, — заключает П. Ивич, — больше соответствуют наши падежные окончания (*-ом*), чем наши предлоги (*с...*)»⁷². К этому следует добавить, что инструментал у галипольских сербов тем более выступает в беспредложной форме⁷³. Таким образом, явление устранения социативного предлога перед социативным творительным имеет в данном случае более простой механизм, чем в польском (2.1) и чешском (2.2) языках.

Однако галипольский говор подобно языковому острову вообще со стороны беспредложного социатива представляет собой скорее экспериментальный ареал, по которому можно судить об отношениях на основной территории языка. В частности, эти данные в какой-то мере могут пролить свет и на объяснение характера беспредложного социатива в некоторых континентальных сербских говорах, о чем и пишет А. Пецо. В западной Боснии и Боснийской Крайне, в частности в говоре мусульман г. Баня-Лука и его окрестностей, а также других городов (см. карту № 2), произошло морфологическое объединение инструментала и социатива в пользу инструментала⁷⁴. Это прежде всего касается наиболее типичных социативов, употребляемых с такими глаголами, как *говорити, плесати, ићи* и т. п.⁷⁵

Не исключая возможности турецкого воздействия, А. Пецо все же на первый план выдвигает предположение о внутриязыковом процессе без влияния других языков. В пользу такого

⁶⁹ П. Ивич, О говору галипольских срба (Сдзб, XII), Београд, 1957, стр. 349—351.

⁷⁰ А. Пецо, Социатив без предлога с, «Наш језик», VIII, 5—6, Београд, 1957, стр. 175—183.

⁷¹ П. Ивич, О говору галипольских срба..., стр. 351.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, стр. 349.

⁷⁴ А. Пецо, указ. соч., стр. 177—178.

⁷⁵ Там же, стр. 178—179.

мнения может говорить следующее: во-первых, часть примеров беспредложного социативного относится к социативу качественной характеристики (типа *она плавим очима*) — особенность, которая и в настоящее время известна отдельным говорам славянских и еще больше — балтийским языкам; во-вторых, на самой территории сербскохорватского языка беспредложный социатив встречается и вне западной Боснии и Боснийской Краины (см. карту № 2), о чем пишет П. Ивич⁷⁶; в-третьих, нельзя упускать из виду и общеславянскую перспективу, хотя галипольский и боснийский беспредложные социативы и не возникли (в отличие от других сербскохорватских, а также польских и чешских говоров) в связи (или наряду) с появлением социативного инструментала.

Таким образом, на территории сербскохорватского языка наблюдается два вида противопоставления беспредложного социатива инструменталу:

- 1) беспредложный социатив — беспредложный инструментал;
- 2) беспредложный социатив — предложный инструментал.

2. 1—3. *Выводы.* Рассмотренный тип снятия противопоставления между социативом и инструменталом, который можно назвать инструментальным, т. е. по форме инструментала, так же, как и первый, социативный, не ограничивается только рассматриваемой частью балто-славянского языкового ареала (в данном случае западно- и южнославянскими языками), а известен и за его пределами (балтийские языки).

Однако в случае балтийских языков беспредложный социатив представляет собой древнее, а не новое явление⁷⁷ и, кроме того, употребление собственно социатива частично связано также с изменением формы сказуемого⁷⁸, что не может быть поставлено в один ряд со славянскими конструкциями, противопоставляемыми только по одному признаку — наличию или отсутствию предлога.

3. Удвоение социативного предлога

3. 0. *Вступительные замечания.* Устранение противопоставления социатив — инструментал происходит с помощью социативного предлога — путем прибавления его к инструменталу

⁷⁶ П. Ивич, О говору галипольских срба..., стр. 350.

⁷⁷ J. Endzelīns, указ. соч., стр. 580.

⁷⁸ См. там же. Ср. *Atėjo vaiku vedinas (Atėjo vesdamasis vaiką). Atėjo kirviu nešinas (Atėjo su kirviu)*, см. «Lietuvių kalbos atlaso... programa», N 131.

(см. 1) или же устранения из позиции перед социативом (см. 2). Однако сама форма социативного предлога может удваиваться, и, таким образом, возникает вопрос о том, какую роль в устранении рассматриваемого противопоставления играет удвоение предлога в связи с функциями его форм: нулевой (отсутствии) и одинарной.

3. 1. Польский.

3. 1. 0. Предварительные замечания. После работ А. Томашевского в польском языкознании утвердилось мнение, что удвоение предлога является западнопольской чертой. Так, И. Клеменевич-Байерова в специальной статье на эту тему писала: «А. Томашевский считает удвоение западнопольской чертой. И правильно. Существует оно и в глубине Малопольши, однако это спорадические случаи. Две формы из-под Пшеворска не изменяют того факта, что относительно наибольшее число удвоенных обнаружено на западных и северо-западных окраинах первоначальной (довоенной) польской языковой территории»⁷⁹. К этому же мнению присоединяется и К. Нитш, подчеркивая, что удвоение предлога выступает «только на западной границе, от кашубов вплоть до южной Велькопольши»⁸⁰, а также Я. Конечна⁸¹.

Однако справедливо ли, что удвоение предлога является западнопольской чертой, и действительно ли случаи удвоения предлога в Малопольше являются спорадическими?

Следует оговорить, что речь идет только об удвоении предлога *z* — в дальнейшем он будет обозначаться как 2S.

3. 1. 1. Ареал удвоенного предлога. Если обратиться к карте (см. № 2), то местности, на которые указывает И. Клеменевич-Байерова, очень далеко отстоят одна от другой: повят Бабимойски (Силезия, ныне Сулеховский, Зеленогорского воеводства) и повят Пшеворский (Малопольша) находятся на расстоянии, значительно превосходящем по своей протяженности всю ту область распространения удвоенных предлогов от кашубов до южной Велькопольши, на которую указывает К. Нитш. В этом случае примеры из Пшеворского повята, действительно, слишком оторваны от основного массива распространения, чтобы не казаться спорадическими. Однако дополнительные факты позволяют пересмотреть этот вопрос.

⁷⁹ I. Klemensiewicz-Bajerowa, O podwajaniu polskich przyimków, JP, XXXII, 4, 1952, стр. 158.

⁸⁰ K. Nitsch, Dialekty języka polskiego, Wrocław—Kraków, 1957, стр. 71

⁸¹ J. Konieczna, Zdanie pojedyncze w gwarach polskich, «Prace językoznawcze», 4, Kraków, 1961, стр. 285.

а) Удвоенный предлог S употребляется также и в других районах Силезии и южной Малопольши. Так, в с. Невядом Рыбницкого повята записано: «Florynta musiała kosztyfoł ze z wypdzónóm szpyrkóm na to pszikłodać»⁸², в с. Свилярско, расположенном рядом с повятовым г. Новы-Сонч, находим: «A starosty f kaftanak..., buty ze s karbami»⁸³.

Уже и эти два примера, в известном смысле перебрасывая мост между Сулеховом и Пшеворском, выводят последний из изоляции и ставят вопрос о расширении области существования 2S, в виде правила, а не исключения за счет Силезии и южной Малопольши.

б) С точки зрения употребления 2S следует рассматривать не только говоры польского языка, но и расположенные в этом районе (или по соседству) украинские и словацкие говоры.

Так, в украинском лемковском говоре, распространенном до конца второй мировой войны в южных повятах нынешних Краковского и Жешувского воеводств вдоль границы со Словакией известно интересующее нас удвоение: «zos ними, zos печунком»⁸⁴.

Предлог 2S употребляется и в непосредственно соседящих с Польшей словацких говорах Липтова, Спиша и Шариша, в частности в районе Бардеева (см. карту № 2)⁸⁵.

Такая ссылка и на словацкие говоры тем более оправдана, что, как пишет Эд. Штибер, словацкие «говоры на север от Бардеева... имеют ряд местных черт, связывающих их с польским языком, хотя непосредственного контакта между словацкой и польской территорией не было и здесь, так как с древнейших времен ее разделяла полоса лемков»⁸⁶.

Таким образом, случаи употребления предлога 2S в окраинных говорах Южной Польши (Малопольша и Силезия) нельзя считать спорадическими. Тот факт, что таких примеров в указанном районе до сих пор (по сравнению с западными областями) отмечено мало, не меняет сути дела. Кроме того, при этом не следует забывать, что А. Томашевский занимался главным образом говорами Велькопольши (см. карту исследованных им нас.

⁸² Teksty gwarowe z polskiego Śląska, zes. 1. Teksty z 12 wsi w powiatach Rybnickim i Pszczyńskim. Zebrał i opracował St. Bąk, PAU, Prace językowe, N 4, Kraków, 1939, стр. 35.

⁸³ K. Nitsch, Wybór polskich tekstów gwarowych, Warszawa, 1960, стр. 125.

⁸⁴ I. В ер х р а т с ь к и й, Про говір галицьких лемків, ЗНТШ, т. V, Львів, 1902, стр. 78.

⁸⁵ F. Buffa, Nářečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese, Bratislava, 1953, стр. 112.

⁸⁶ Z. d. Stieber, Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych, Warszawa, 1956, стр. 72.

пунктов)⁸⁷ и, следовательно, определение удвоения как западно-польской черты носит скорее частный, чем общий характер. Что же касается статьи И. Клеменевич-Байеровой, то материал к ней, собиравшийся, как сообщает автор, лишь попутно («*na marginesie*») с исследованием чередования *e*: нуль в польских предлогах и приставках, содержит слишком мало новых фактов, чтобы автору всецело не присоединиться к мнению А. Томашевского.

Таким образом, дополнительные данные об употреблении 2S в Малопольше и Силезии, несмотря на свою малочисленность, имеют важное значение: благодаря своему равномерному размещению (Рыбник, Новы-Сонч и Пшеворск), они намечают общие контуры ареала предлога 2S и в южных районах Польши.

3. 1. 2. Удвоение и социативный инструментал.

3. 1. 2. 0. Предположение С. Бонка и К. Нитша. Предположение о связи между удвоенным предлогом и синтаксическими функциями одинарного высказал С. Бонк. В одном из своих примечаний к силезским диалектным текстам он говорит о том, что вследствие распространения социативного инструментала появилась противоположная «тенденция к опусканию предлога *z*... Удвоенный пример в этом случае (*ze z*) является, может быть, проявлением стремления к удержанию его при существительном»⁸⁸. Ф. Оберпфальцер также назвал удвоение предлога противоположным явлением по отношению к его опусканию в социативной конструкции⁸⁹.

Однако только К. Нитш указал на ареальное сосуществование обоих явлений как на возможное доказательство их внутренней взаимосвязи: «...в онемеченных окраинах... творительный с предлогом: *b'ie s k'iem*; кто знает, не в связи ли с этим удвоение предлогов *z* и *v* вроде *zes córka* и *zes kuźni, wef połowe* и *wef śv'at*, если оно выступает только на западной границе, от кашубов вплоть до южной Велькопольши»⁹⁰.

Таким образом, С. Бонк и К. Нитш, хотя каждый специально и не занимался данным вопросом, высказали предположение о возможной связи между социативным инструменталом и удвоенной формой социативного предлога. Насколько высказывание К. Нитша важно своим рассмотрением связи между

⁸⁷ M. Gruchmanowa, Wielkopolskie materiały gwarowe zebrane przez A. Tomaszewskiego, «*Filologia*» (Zeszyty naukowe uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu), N 3, 1959, стр. 4.

⁸⁸ Teksty gwarowe z polskiego Śląska..., стр. 38.

⁸⁹ F. Oberpfaller, указ. соч., стр. 55.

⁹⁰ K. Nitsch, Dialekty..., стр. 71.

обоими явлениями в ареальном аспекте, настолько в замечании С. Бонка ценна попытка найти сам лингвистический механизм употребления удвоенного предлога: от одной крайности (беспредложный социатив) — к другой — гиперическому употреблению двух S и в обычной синтаксической позиции.

3. 1. 2. 1. Общая схема. Если обозначить социатив как I, инструментал через II, социативный предлог в виде S, а его отсутствие — в форме 0 (нуль), то основное, исходное соотношение социатив—инструментал можно выразить в виде неравенства:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} \\ \text{S} \neq 0 & \end{array}$$

Тенденция к устранению исходного противопоставления, как это показано выше, реализуется одним из двух способов:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} \\ 0 = 0 & (0) \\ \text{S} \neq 0 & (1) \\ \text{S} = \text{S} & (2) \end{array}$$

Появление 2S, если продолжить мысль С. Бонка и К. Нитша, видимо, и следует рассматривать как тенденцию к восстановлению исходного неравенства (1) — противопоставления, которое на новом этапе (3) только видоизменяет свою форму:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} \\ 2\text{S} \neq \text{S} & (3) \end{array}$$

Таким образом, в кругу значений твор. падежа происходит борьба между двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, стремлением стереть различие между выражением социатива и инструментала — так появляется предлог при инструментале (2), с другой — тенденцией к сохранению этого противопоставления, вследствие чего используется форма удвоенного предлога (3).

Любопытно, что известны случаи утроения предлога, например: *zez z wuźby*⁹¹. А. Томашевский указывает аналогичные примеры и в речи учеников познанских школ: *zez z bratym, zes s Poznania*⁹².

При этом показательно, что все примеры, приведенные автором, не относятся к позиции II (инструментал), т. е. дело

⁹¹ А. Tomaszewski, *Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce*, PKJ PAU, 16, 1930, стр. 212, 100.

⁹² А. Tomaszewski, *Błędy językowe uczniów szkół poznańskich*, JP, XII, 1927, стр. 46.

обстоит так, как если бы схема разрушения и восстановления противопоставленности социатив — инструментал проходила 4-й этап — распространение 2S в II:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} \\ 2S = 2S & \end{array} \quad (4)$$

с последующим восстановлением исходного противопоставления социатив — инструментал в результате добавления нового S в I:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} \\ 3S \neq 2S & \end{array} \quad (5)$$

Итак, вся схема рассматриваемого процесса имеет в общем следующий вид:

$$\begin{array}{cc} \text{I} & \text{II} & \text{I} & \text{II} \\ 0 = 0 & & 2S \neq S & \\ S \neq 0 & & 2S = 2S & \\ S = S & & 3S \neq 2S & \end{array}$$

Вполне допустимо употребление утроенного S и при инструментальном, если преобразование неравенства в равенство путем прибавления к правой части S происходило и в предыдущих двух парах шагов этой схемы: 1—2, 3—4 (точно так же, как прибавлением S к левой части равенства мы дважды получали неравенства, эквивалентные исходному (1); 2—3, 4—5). Однако принципиальная возможность таких и дальнейших построений уже не может быть реализована из-за различных, в первую очередь фонетических, ограничений со стороны самого языка.

Таким образом, удвоенный предлог S употребляется как ответная реакция на распространение обычного (одинарного) предлога S в конструкциях с инструменталом, вследствие чего формальное противопоставление социатив — инструментал разрушается. Первоначально названный предлог присоединяется (в пределах твор. падежа) только к социативу, и этим самым социативные конструкции вновь противопоставляются инструментальным, в которых теперь используется одинарный предлог. Налицо полная аналогия исходному состоянию: в социативе удвоенный предлог соответствует одинарному, а в инструментале предлог S равнозначен отсутствию предлога в начальном состоянии. В дальнейшем тенденция к устранению указанного противопоставления может привести к употреблению удвоенного предлога и при инструментале, что в свою очередь в этой цепной

реакции вызывает появление утроенного предлога в социативных конструкциях.

Приведенная выше схема представляет собой как бы развернутую мысль С. Бонка о самом механизме явления⁹³. Это, с одной стороны, подтверждает предположение К. Нитша об ареально выраженной взаимосвязи обоих явлений на западных окраинах Польши (см. выше), а с другой — ставит вопрос об аналогичном ареальном совпадении и на юге польской языковой территории. Такое предположение вполне оправдано, так что в соответствии со схемой появление удвоенного предлога S может быть свидетельством того, что в той же языковой среде следует ожидать и употребления социативного предлога в сочетании с инструментом.

3. 1. 2. 2. Ареал социативного инструментала. В связи с поставленной задачей показать, что там, где существует удвоенный предлог, употребляется также и социативный инструментал, для нас необходимо и достаточно установить, не употребляется ли в р-не Рыбник — Новы-Сонч — Пшеворск социативный предлог перед формами творительного инструментального.

Выше уже говорилось о том, что ареал распространения конструкции типа *jechał z kopięm* охватывает, в частности, Силезию.

Примеры такого рода отмечены и в других повятах Силезии: Рацибож (д. Кшановице)⁹⁴, Рыбник (д. Погжебень)⁹⁵, а также Малопольши: Тарнув (д. Смигно)⁹⁶. В этих же частях Силезии и Малопольши употребляется, в частности, и социативный инструментал от названий частей тела (ср. примеры из поватов Глубчице (д. Сулькув)⁹⁷, Цешин (д. Висла-Чарне)⁹⁸ и Закопаного⁹⁹ и другие его семантические разновидности.

Этих свидетельств достаточно для утверждения, что в ареале распространения удвоенного предлога известно также и употребление социативного инструментала.

3. 1. 1—2. Выводы. Диалектные материалы из Нижней Силезии и южной Малопольши подтверждают предположение

⁹³ Это не означает, что в каждой местности весь ход процесса должен повториться заново. Возникнув в одном говоре, та или иная черта может распространиться на новые территории уже без сопровождения той причины, которая вызвала её появление.

⁹⁴ *Teksty gwarowe ze wsi Krzanowice w powiecie Raciborskim*, «*Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*», 2, Warszawa, 1957, стр. 296.

⁹⁵ *Teksty gwarowe z polskiego Śląska*, 1, стр. 60.

⁹⁶ K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych...*, стр. 136.

⁹⁷ F. Steuer, *Dialekt sulkowski*, *Prace językowe PAU*, 1, Kraków, 1934, стр. 49.

⁹⁸ I. Bartnicka-Dąbrowska, *Podstawowe wiadomości z dialektologii polskiej z ćwiczeniami*, Warszawa, 1957, стр. 119.

⁹⁹ K. Nitsch, указ. соч., стр. 85.

К. Нитша об ареальной взаимосвязанности употребления удвоенного предлога S и социативного инструментала. Очевидно, удвоение может быть показателем существования социативного инструментала, и дальнейшая задача в отношении других славянских языков сводится к установлению того, в какой степени случаям удвоения предлога ареально сопутствует употребление социативного инструментала.

3. 2. *Лужицкие.* В лужицких языках, в которых широко употребляется социативный инструментал, известна также и удвоенная форма предлога S. При этом необходимо обратить особое внимание на то, что удваивается только предлог S¹⁰⁰. Это обстоятельство имеет важное значение в плане установления связи между анализируемым явлением и социативным инструменталом, поскольку иногда удвоение рассматривается вообще, так как если бы было обязательным совместное употребление 2S и 2V (2V — удвоение предлога v).

3. 3—4. *Чешский и словацкий.* На территории чешского и словацкого языков так же, как и в польской языковой области, форма 2S встречается на окраинах в сопровождении социативного инструментала (см. карту № 2). Новым моментом здесь является указание на то, что в одних и тех же говорах (например, кладских) употребляется и удвоенная форма предлога, и беспредложный социатив¹⁰¹, что, очевидно, подтверждает мысль С. Бонка о механизме рассматриваемого явления (см. выше) в силезских говорах. Важно отметить, что чешские и, в особенности, словацкие местонахождения удвоенного предлога входят в один общий ареал с теми польскими говорами Верхней Силезии и южной Малопольши, в которых отмечено 2S, и это еще раз подтверждает мнение, высказанное в отношении неслучайного, закономерного характера удвоения в южных районах Польши.

3. 5—6. *Сербскохорватский и словенский.* Одним из первых обратил внимание на употребление 2S в сербскохорватском языке А. Белич, который в исследовании о говорах южной и восточной Сербии писал: «В других сербских диалектах СБС не употребляется и, несомненно, является иностранным (А. Белич имеет в виду македонско-болгарскую языковую область. — А. Н.) по происхождению»¹⁰².

¹⁰⁰ P. Wirth, Zur Reduplikation von Präpositionen im Sorbischen, ZfslPh, XVII, 1, 1940, стр. 69.

¹⁰¹ J. Kubín, указ. соч., стр. 145.

¹⁰² А. Белич, Диалекти јужне и источне Србије, Београд, 1905, стр. 654.

УДВОЕННЫЙ ПРЕДЛОГ *СЪ И БЕСПРЕДЛОЖНЫЙ СОЦИАТИВ
В ЗАПАДНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

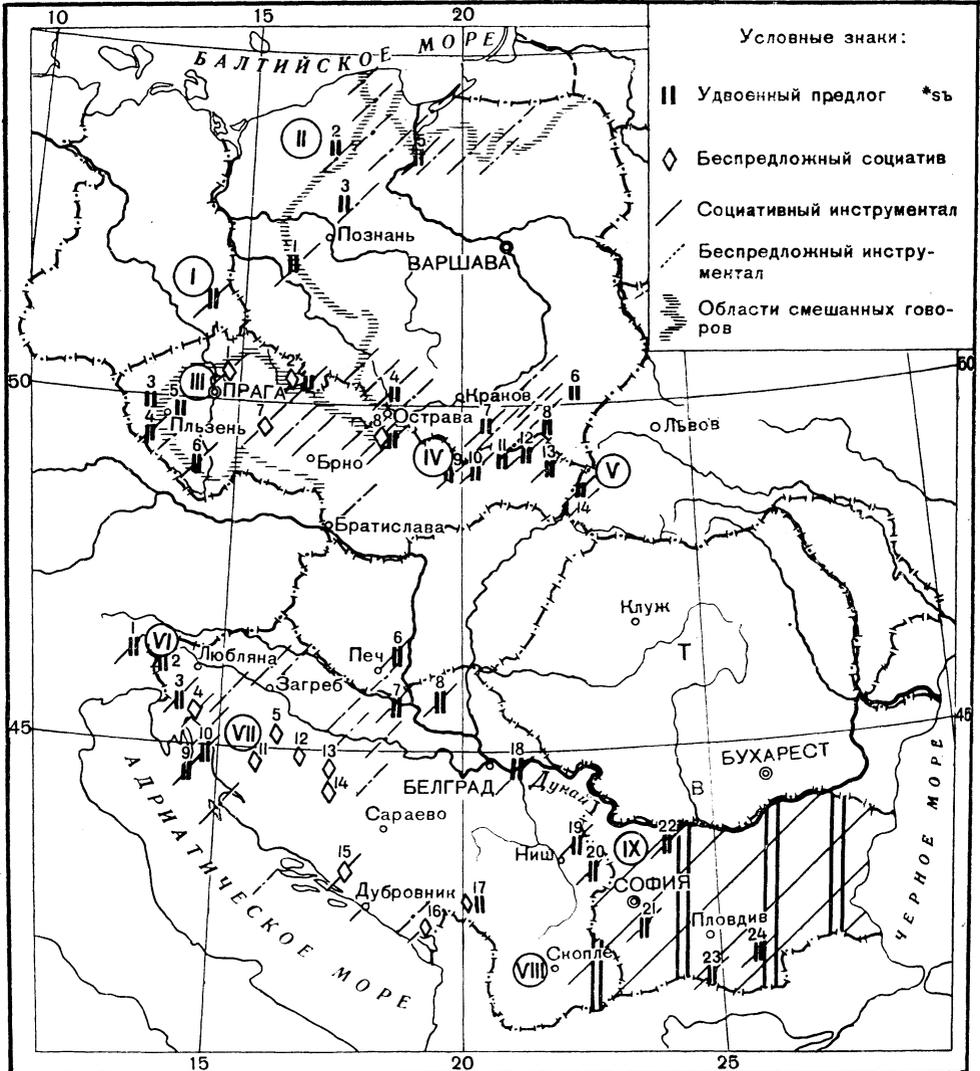
I Лужицкие, II Польский, III Чешский, IV Словацкий, V Украинский,
VI Словенский, VII Сербскохорватский, VIII Македонский, IX Болгарский

Польский

- 1 Сулехув
- 2 Злотув
- 3 Вонгровец

- 4 Невядом (Рыбник)
- 5 Грудзѣндз
- 6 Пшеворск

- 7 Свинярско (Новы-Сонч)
- 8 Лемковские говоры

Чешский и словацкий

1 Мельник — Млада-Болеслав	6 р. Бланице (верховье)	11 Плавнице
2 Клодзко (Польша)	7 Польне	12 Длга-Лука (р-н Бардеев)
3 Стржибро	8 Тешин	13 Кошковце — Гумежно
4 Домажлице	9 Липтов	14 Закарпатье (Украина)
5 Рокицани	10 Липтов — Спиш (пограничье)	

Южнославянские

1 р. Резья	9 о. Сусак (Сушак)	19 Ниш
2 р. Соча	10 о. Раб	20 Пирот
3 п-ов Истрия	11 Бихач	21 Самоков
4 Хорватское Приморье	12 Приедор	22 Бяла-Слатина
5 Босански-Нови	13 Баня-Лука	23 Смолян
6 Хорватские языковые острова в Венгрии	14 Яйце	24 Хасково
7 Осиек	15 Далмация	
8 Керестур, Куцура (р-н Сомбор)	16 Церница	
	17 Метохия	
	18 Смедерево	

Исторические области: В — Валахия, Т — Трансильвания

Мнение А. Белича в настоящее время уже устарело с точки зрения как материала, так и его интерпретации. Прежде всего, общность этого явления для смежных говоров двух языков — болгарского и сербскохорватского — даже при условии широкой распространенности его в первом еще не доказывает вторичного, заимствованного характера удвоения в сербскохорватском.

Это тем более справедливо, что тезис об ограничениях ареала употребления 2S не подтвердился, и удвоенный предлог S встречается и в других районах сербскохорватского, а также в словенском языке (см. карту № 2), где возможность того влияния, которое А. Белич предположил для южной и восточной Сербии, абсолютно исключается.

При всем этом показательно, что подобно западнославянской локализации удвоенного предлога местонахождения этой формы в словенско-сербскохорватской языковой области также характеризуются окраинными районами. В названный ареал (аналогично польскому) входят и данные инославянских говоров, расположенных на этой же территории, как, например, в записях из д. Керестур (р-н Сомбор) и Куцура (р-н Врбас): «забіл конья зоз відламі, зоз тім прутом по тіх бамбухох біц»¹⁰³.

Попутно отметим, что нередко удвоенный предлог S, как в приведенных выше примерах, одновременно свидетельствует и об употреблении социативного инструментала, что уже не требует специального обращения к аналогичной функции одинарного S. Впрочем, примеров последнего типа мы не при-

¹⁰³ См. В. Гнатюк, Етнографічні матеріали з Угорської Русі, т. VI. Байки, легенди, історичні перекази... з Бачки. «Етнографічний збірник», XXX. у Львові, 1911, стр. 227 и 236.

водим, поскольку, с одной стороны, это бы затруднило изложение, а с другой — пространно повторяло бы то, что уже есть на карте № 2. Почти в равной мере сказанное относится и к удвоенному предлогу.

3. 7—8. *Македонский и болгарский.* Удвоение предлога S характеризует говоры восточной Македонии¹⁰⁴, которые в отношении фонетического варианта удвоенного предлога (sos, а не съs) образуют общий ареал с говорами юго-западной Болгарии¹⁰⁵. «В прочих областях Западной и Восточной Болгарии также употребительно сочетание удвоенного съ : съs»¹⁰⁶. Однако для нас важно удвоение само по себе, и его распространенность в болгарском языке нам кажется неслучайной. В силу наблюдающегося параллелизма между социативным инструментом, и удвоением соответствующего предлога болгарский язык с его исключительно «социативным» типом выражения творительного падежа вообще должен больше, чем другие славянские языки представлять форму 2S. И действительно, предлог съs считается типичной особенностью болгарского языка. При этом в пользу поиска специфических факторов удвоения этого предлога говорит то, что параллелизм в удвоении 2S и 2V существует не повсеместно и «отсутствует или выражен неясно», например, в юго-западной Болгарии и в восточной Македонии¹⁰⁷ (ср. в лужицких языках).

3. 9. *Украинский.* Уже говорилось о том, что в лемковских говорах украинского языка на территории Польши было отмечено удвоение (см. 3. 1). Это же явление свойственно и лемкам, живущим в Словакии. С другой стороны, на территории украинского Закарпатья удвоенный предлог S известен в говорах словацких сел вблизи границы с Чехословакией (р-ны Великий Березный, Перечин, Ужгород)¹⁰⁸.

Таким образом, можно говорить о западно- и частично восточнокарпатском ареале удвоения, в который входят польские, словацкие и украинские (лемковские) говоры.

Характерность, а вместе с тем и бóльшая известность удвоения в болгарском языке были причиной того, что как в свое время А. Белич считал форму 2S результатом македоно-болгарского влияния, точно так же употребление этого предлога в карпатоукраинских говорах при отсутствии общеславянской пер-

¹⁰⁴ Б. Видоески, Основни дијалектни групи во Македонија, «Македонски јазик», XI—XII, 1—2, 1960/1961, стр. 25.

¹⁰⁵ А. М. Селищев, Очерки по македонской диалектологии, I, Казань, 1918, стр. 35.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Сообщил И. А. Дзензелевский (Ужгород).

спективы было отнесено В. Погореловым к болгаризмам¹⁰⁹. Справедливо критикуя это положение, М. Фасмер писал, что названное «соответствие между карпатоукраинским и болгарским не имеет большого значения. Оно известно во многих славянских языках»¹¹⁰.

Вместе с тем высказывание В. Погорелова имеет ту ценность, что объективно оно вело к установлению общего ареала формы 2S, окраинами которого являются современные говоры украинского и болгарского языков. Ср. широкую распространенность предлога СЪС в живом славянском языке Валахии XIV—XV вв.¹¹¹, а также интенсивность украинско-болгарских языковых связей в Трансильвании (Семиградье)¹¹².

3. 1—9. *Вывод.* На всей территории, где отмечено употребление удвоенного предлога S, известен также и социативный инструментал. Вместе с тем, последний представляет более широкое явление и потому можно заключать от первого ко второму, но не наоборот. Выступление социативного инструментала не означает существования удвоенной формы предлога.

Таким образом, предположение К. Нитша о связи обоих явлений на пространстве от кашубских говоров до южной Велькопольши подтверждается и на территориях других славянских языков. Однако то, что ареал 2S хотя и включен в ареал социативного инструментала, но составляет только часть последнего, не позволяет делать вывода о тесной взаимосвязи обоих явлений.

1—3. *Общие выводы.* За исключением удвоения социативного предлога, которое не свойственно балтийским языкам, последние не отличаются от славянских по типу устранения противопоставленности социатив — инструментал. Поэтому выделение определенных языковых ареалов (балтийские и смежные с ними восточнославянские языки, западно- и южнославянские языки) оказывается недостаточным с точки зрения ареалов явлений: социативный инструментал известен на всем балтославянском континенте, а беспредложный социатив — не только у западных и южных славян, но и у балтов. При этом в некоторых явлениях, сопутствующих социативный инструментал,

¹⁰⁹ См. об этом: M. Vasmer, Gibt es bulgarische Einflüsse in den Ukrainischen Karpatenmundarten? ZfslPh, XVII, 1940, стр. 49.

¹¹⁰ Там же, стр. 49—50.

¹¹¹ С. Б. Бернштейн, Разыскания в области болгарской исторической диалектологии, т. I. Язык Валашских грамот XIV—XV веков, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 267.

¹¹² І. Панькевич, Українсько-болгарські мовні зв'язки в Семигороді. «Slavia», XXIV, 2—3, 1955, стр. 211—240.

балтийские или балтийские и восточнославянские языки находят себе параллель только в южнославянской языковой области.

Наиболее распространенным способом устранения названной противопоставленности является обобщение формы социатива, что представляет собой одну из новых, возникающих уже в историческое время тенденций в балтийских и славянских языках — пример действительного параллелизма в их развитии.

Это явление вызывает особый методологический интерес в плане задач балто-славянского лингвистического атласа. В самом деле: соответствующий вопрос имеется в программах балтийских (латышского и литовского) и общеславянского атласов, и когда работа над ними будет завершена, то в какой мере эти три слагаемые смогут представить общую, балто-славянскую картину? Трудно ожидать, чтобы каждый из атласов в достаточной мере мог обеспечить представление внешнего аспекта рассматриваемого явления, т. е. социативного инструмента в его межъязыковых связях. Очевидно, для этой цели сетка обследуемых пунктов в районе балто-славянской пограничной зоны должна быть сгущена, чего не могут предусматривать ни балтийские, ни общеславянский атласы. Впрочем, если бы в последнем была принята во внимание балтийская перспектива анализируемого явления, то необходимое сгущение сетки обследуемых пунктов на прибалтийских окраинах русской и белорусской языковых территорий, несомненно, позволило бы уловить ту сторону межъязыковых связей, которая может остаться незамеченной при разобщенности, «атомарном» рассмотрении каждого из языковых ареалов (даже если есть общая программа исследования). В противном случае нет гарантии, что рассматриваемое явление будет обнаружено и отражено на этой части территории общеславянского лингвистического атласа.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОБЩАЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ФОРМА ПОНЯТИЙ «КОСИТЬ» И «РУБИТЬ»

(Словосочетание типа *сечь/косить сено/хлеб*)

О. Вводные замечания

В «Словаре избранных синонимов основных индоевропейских языков» К. Бак пишет, что «слова для *to mow* («косить», «жать») или *to reap* («жать») — это главным образом те, которые

обозначают *cut* («резать», «рубить») или в некоторых случаях *strike* («бить») с частичной или полной специализацией для *cut grain* («резать хлеб на корню», «жать»)»¹.

Что же касается самого понятия *cut*, то, будучи чрезвычайно широким, оно представлено большим количеством слов во многих индоевропейских языках. «Как в различных неиндоевропейских языках нет общего слова для *cut*, а только специальные слова, соответствующие используемому инструменту или объекту *cut*, точно так же в индоевропейских имеется только частичное обобщение. Зачастую существует неполное различие между *cut* («резать ножом и т. д.») и *cut* («рубить топором и т. д.»); последнее значение частично совпадает со *strike* («бить», «ударять») ... Здесь могут быть специальные выражения для *cut* («рубить», «резать» дерево ...траву или хлеб на корню)»².

Известно, что факты, которые относятся к происхождению и развитию идей, «не ограничены одним языком или системой языков. Будучи представленными в универсальном плане, они принадлежат человеческой культуре в целом, которая всегда остается ценным источником сравнительной семантики»³. И тем не менее ареальный подход к явлениям такого рода показывает, что эти, казалось бы, всеобщие явления сгруппированы в определенные семантические ареалы (ср., например, соотношение «сыпать» — «лить», гл. I, разд. второй, 2. 4). Это, в частности, обнаруживается в том, что балтийские и славянские языки, следуя общему индоевропейскому типу, в определенной части своего ареала не имеют специального термина для выражения понятий «косить» («жать») и используют для этой цели глагол, основное значение которого «рубить», «сечь».

Поскольку в отличие от предыдущего случая (социатив—инструментал) соотношение таких понятий, как «рубить» и «косить», связано с определенными реалиями, постольку, очевидно, необходимо различать по крайней мере три общих типа противопоставления:

а) номинальное, когда одни и те же реалии называются по-разному;

б) предметное — различие в реалиях при одном и том же названии;

в) предметно-номинальное: различным обозначаемым соответствуют различные обозначающие.

¹ C. D. Buck, A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages (A contribution to the history of ideas), Chicago, 1949, стр. 506.

² Там же, стр. 556.

³ G. Jacobsson, L'histoire d'un groupe de mots balto-slaves, Göteborg, 1958 («Acta universitatis Gothoburgensis», LXIV, 8, 1958), стр. 10—11.

Такое разграничение необходимо ввиду того, что при ареальном изучении языковых явлений очень важно не потерять связи с предметной соотнесенностью названий — в противном случае нельзя будет говорить об ареальном противопоставлении языковых явлений.

І. БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Литовский

1. Диалектологическая анкета и ее результаты

1. 0. *Предварительные замечания.* Насколько нам известно, территориальное распространение употребления глаголов *kirsti* и *riauti* в значении «косить», «жать» в литовском языке еще не было предметом специального изучения. Соответствующий вопрос отсутствует в программе диалектологического атласа литовского языка, а параллелизм в употреблении обоих глаголов не отмечен и в специальном словаре синонимов⁴.

С целью установления того, какие глаголы — *kirsti* или *riauti* — употребляются в литовских диалектах как термины сенокосения и жатвы и каково их территориальное распределение, была проведена специальная анкета среди студентов Вильнюсского педагогического института и университета. В результате этого опроса было получено 246 ответов, основные результаты которых представлены в таблице 2.

1. 1. *Основные итоги анкеты.* В верхней части таблицы отражены результаты ответов на первый вопрос: «Во время сенокоса сено «косят» (*riaupa*), «рубят», «секут» (*kerta*) (или употребляется какое-либо другое слово)?». Соответственно в нижней половине — итоги ответов на аналогичный вопрос о глаголах, обозначающих уборку ржи (во время жатвы).

Необходимо оговорить, что, как показали ответы, формулировка обоих вопросов оказалась довольно общей и ряд опрашиваемых по-разному конкретизировали их, ставя употребление тех или иных глаголов в зависимости от использования различных орудий сенокосения и жатвы (серп, коса, жнейка, косилка и др.). В связи с этим недостатком самой анкеты, а также по ряду других причин полученные ответы оказались неравнозначными. Тем не менее в собранном таким образом материале все же можно обнаружить основные тенденции в употреблении названных глаголов.

1. 2. *Общая модель для «косить» и «жать».* Из таблицы видно, что общая модель для выражения значений «косить»

⁴ См. А. Lyberis, *Lietuvių kalbos sinonimų žodynas*, Kaunas, 1961.

Таблица 2

УПОТРЕБЛЕНИЕ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ ГЛАГОЛОВ СЕНОКОШЕНИЯ И ЖАТВЫ
(результаты диалектологической анкеты)

Объект действия	Орудие	Глагол					
		Kirsti	Piauti	Šienauti	Kirsti/ piauti	Kirsti/ šienauti	Piauti/ šienauti
Трава (сено)	Не указано	—	141	20	3	2	73
	Dalgė (коса)	—	2	7	—	—	—
	Машина	—	8	—	—	—	—
Рожь	Не указано	68	91	—	45	2	2
	Piautuvas (серп)	—	12	—	—	—	—
	Dalgelė (вид косы)	2	—	—	—	—	—
	Dalgė (коса)	20	14	3	—	—	—
	Машина	20	21	—	—	—	—

и «жать» в литовском языке может быть построена из сочетаний трех глаголов (kirsti, piauti, šienauti) по два: piauti—šienauti для «косить» и kirsti—piauti для «жать». Это подтверждается тем, что в случае параллельного употребления любых двух глаголов только та пара, которая соответствует данному подвиду модели, представлена абсолютно большим числом примеров: piauti/šienauti (73) против kirsti/piauti (3) для «косить» и kirsti/piauti (45) против piauti/šienauti (2) для «жать». С другой стороны, указания на параллельность употребления kirsti/šienauti, поскольку не существует третьего, соответствующего им подвида модели, представлены в таком же числе (2 и 2), как и пары одного подвида в другом, например, «косить» в «жать» (2) и наоборот (3), т. е. являются нехарактерными.

Итак, общая модель для «косить» и «жать» в качестве своего объединяющего элемента имеет глагол piauti, оба же подвида этой модели возникают благодаря наличию дифференци-

альных элементов: глагола *šienauti* — в одном и *kirsti* — в другом.

1. 3. *Виды противопоставлений.* Уже сама по себе совместная встречаемость *riauti/šienauti* и *kirsti/riauti* поставила вопрос о том, в каком противопоставлении — номинальном или предметно-номинальном находятся между собой члены этих пар. В ряде анкет высказаны мнения по этому поводу.

1. 3. 1. *Šienauti—riauti.*

а) Относительная частота употребления. В 9 анкетах отмечено преимущественное употребление *šienauti* по сравнению с *riauti*. Соответствующие населенные пункты располагаются в направлении с запада на юго-восток, охватывая область жемайтов (г. Ретавас, р-н Плунге)⁵, западных аукштайтов (д. Килова, ап. Чякишке, р-н Каунас⁶; д. Пажерай, р-н Каунас) и западных дзуков (Барчюнай, ап. Сейрияй, р-н Лаздияй; д. Крикштоняй, ап. Норагеляй, р-н Лаздияй).

Три примера относятся к северной (д. Мажейконяй, ап. Пакруойис, р-н Пакруойис) и южной частям говоров восточных аукштайтов (д. Слабада, ап. Пашиле, р-н Укмярге; д. Моцкенай, ап. Воренай, р-н Молетай).

Однако эти частотные оценки нельзя принимать без оговорок: ср. о говоре той же д. Слабада (см. выше) в анкете, заполненной другим лицом, уже значится, что наряду с *riaupa* и н о г д а (подчеркнуто нами. — А. Н.) говорят и *šienauja*.

б) Различие в значениях. В некоторых ответах (4) указывается различие в значениях между *šienauti* и *riauti*. «*Šienauja* — вообще во время сенокоса, *riaupa* — конкретно что-либо» (д. Шатрай, ап. Вайтеляй, р-н Клайпеда). Носительница говора д. Круопяй (р-н Йонишкис) объясняет, что *šienauti* — это выполнение всех работ: кошения, сушения, складывания стогов, включая перевозку сена. *Šienauja* употребляется для общего понятия (ап. Микеряй, р-н Аникшяй). Наконец, еще одно объяснение: «*Šienauja* — большую площадь, дольше, сено *riaupa* — более короткое действие» (д. Каральгирияй, ап. Панявежюкас, р-н Каунас). Перечисленные населенные пункты находятся на территории различных говоров литовского языка — жемайтских, средне-, восточно- и западноаукштайтских.

⁵ Названия литовских населенных пунктов передаются по-русски согласно «Инструкции по транскрибированию на русский язык литовских собственных имен» (*Instrukcija lietuviškiems tikriniams vardams rusiškai transkribuoti. Patvirtinta Lietuvos TSR Aukščiaušiosios Tarybos Prezidiumo 1962 m. balandžio 19 d. nutarimu*) (Vilnius, 1962). Все названия приводятся в именительном падеже.

⁶ Ап. «апилинка» (лит. *apylinkė*) — термин, обозначающий округу, подчиненную сельсовету.

Вместе с тем в трех ответах (область Занеманья — западно-аукштайтские и дзукские говоры) отмечено, что различия в значениях между *šienauti* и *riauti* нет (д. Павилькийис, р-н Шаякяй; д. Шилавотас, р-н Пренай; ап. Вейсей и Лейпалингис, р-н Лаздияй).

Однако в остальных случаях параллельного употребления *riauti/šienauti* нет никаких указаний относительно тождества или различия их значений.

в) Различие в употреблении. Между глаголами *šienauti* и *riauti* наблюдается еще одно различие: первый употребляется, когда речь идет о кошении косой, второй — машиной. Пункты с таким разграничением находятся на территории западных (д. Нятонай, ап. Раудондварис, р-н Каунас), средних (г. Йонава, р-н Каунас) и восточных аукштайтов (на севере, р-н Биржай и на юге, р-н Укмярге: д. Науяседжяй, ап. Тульпякемис; д. Бакшёняй, ап. Пашиле и др.).

1. 3. 2. *Kirsti—riauti*.

а) Относительная частота употребления.

аа) Преобладает *riauti*: жемайтский диалект (г. Крятинга, р-н Крятинга; д. Жвайняй, ап. Салантай, р-н Крятинга; д. Паакмянис, ап. Обялинас, р-н Шилале), западно- (ап. Пашушвис, р-н Радвилишкис) и среднеаукштайтский (г. Йонишкис, р-н Йонишкис) поддиалекты и, наконец, говоры восточных аукштайтов (д. Мажейконяй, ап. Пакруойис, р-н Пакруойис; г. Вабальнинкас, р-н Биржай; г. Панделис, р-н Рокишкис; д. Армоняй, ап. Лукштай, р-н тот же; ап. Антазаве, р-н Зарасай).

аб) Преобладает *kirsti*: говоры западных аукштайтов (д. Шнипайчяй, ап. Пагоюкай, р-н Расейняй; д. Шимуляй, ап. Людвинавас, р-н Капсукас), в том числе на границе со среднеаукштайтскими говорами (д. Замбишкис, ап. Кракяй, р-н Кедайняй), западнодзукские говоры (д. Раджюнай, ап. Ликишкеляй, р-н Алитус), южная часть восточноаукштайтского поддиалекта (ап. Шяшуоляй, р-н Укмярге).

Сразу же следует отметить, что преобладание *riauti* характеризует северную часть Литвы, *kirsti* — южную. Границу между обоими типами можно обозначить приблизительно по 55°30' сев. широты или по линии (с запада на восток): Прекуле—Шилале—Рамигала—Аникшяй—Утяна—Дукштас.

б) Возрастное различие (в употреблении). В двух анкетах отмечено, что *kirsti* свойственно речи старшего поколения (д. Раджюнай, ап. Ликишкеляй, р-н Алитус; д. Кульнишкяй, ап. Пабайскас, р-н Укмярге). В последнем случае как противопоставление *rugius šienauja* (!).

в) Различие в употреблении в зависимости от орудия действия. Параллельное употребление *kirsti* и *riauti* соответствует иногда способу кошения: косой или машиной.

ва) Косой *riaupa*, машиной *kerta*: Жемайтя (д. Латвяляй, ап. Латвяляй, р-н Мажейкяй; р-н Крятинг), восточная Аукштайтя и восточная Дзукия (д. Радяцкай, ап. Лавишкис, р-н Аникшяй; р-н Утяна; д. Линкмянис, ап. Линкмянис, р-н Игналина). Все эти пункты находятся в северной части Литвы. К южной (западная Аукштайтя) относится только один ответ такого типа (г. Кальвария, р-н Капсукас).

вб) Косой *kerta*, машиной *riaupa*: южная окраина восточно-аукштайтского диалектного массива (д. Бакшёнйяй, ап. Пашиле, р-н Укмарге; д. Мусникеляй, ап. Мусникай, р-н тот же), говоры западных дзуксов (д. Гуджяй, ап. Паваренис, р-н Варена; д. Матуйзай, ап. Матуйзай, р-н Варена) и северо-восточная часть дзукского поддиалекта (д. Цейкиняй, ап. Цейкиняй, р-н Игналина), т. е. опять же эти говоры входят в южную часть Литвы в том смысле, как это было принято выше.

вба) Наконец, специализация употребления *kirsti* и *riauti* может быть также связана и с отдельными видами косы, например, *dalgė* (коса) *riaupa*, а *dalgelė* (небольшая коса) *kerta* (д. Гудгалис, ап. Субачюс, р-н Купишкис; д. Смильгай, ап. Нюрюнай, р-н тот же).

1. 3. 1—2. Номинальное и предметно-номинальное противопоставления.

а) Общие замечания. Сравнение параллельного употребления *riauti/šienauti*, с одной стороны, и *kirsti/piauti* — с другой, произведенное независимо друг от друга носителями различных говоров литовского языка, позволяет сделать некоторые предварительные выводы, значение которых заключается прежде всего в конкретизации общей задачи и указания путей ее дальнейшего развития.

Очевидно, что противопоставить в ареальном отношении можно лишь факты одного порядка, и потому весь приведенный материал следует оценить в плане его сопоставимости, отбирая для дальнейшего рассмотрения только то, что удовлетворяет поставленному условию.

б) Номинальное и предметно-номинальное противопоставления и сравнение моделей. К числу несопоставимых относятся прежде всего те случаи употребления модели «косить» *riauti/šienauti*, когда глаголу *šienauti* приписывается отличное от *riauti* значение. Это в какой-то степени может бросить тень на обоснованность таких сопоставлений (через отношения внутри модели к отношениям между моделями) и в других случаях, хотя там

специально указывается, что различия в значениях *šienauti* и *kirsti* нет. По-видимому, взятый сам по себе глагол *šienauti* не имеет одного и того же значения во всех говорах литовского языка, и потому не каждый случай совместной встречаемости *šienauti* и *riauti* образует одну и ту же модель, которую можно рассматривать в рамках общей модели для «косить» и «жать». Однако то обстоятельство, что в ряде говоров глагол *šienauti* употребляется чаще, чем *riauti* и даже совсем без него (см. таблицу) (т. е. ведет себя в известных пределах так же, как и сам глагол *riauti*), позволяет утверждать следующее: по крайней мере для части литовских говоров противопоставление *riauti/šienauti* является не предметно-номинальным, а чисто номинальным. Это дает возможность проводить ареальное сопоставление как внутри самой модели (варианты: *riauti*, *šienauti*, *riauti/šienauti*), так и в системе общей модели для «косить» и «жать».

В отношении характера значений составных частей модели для «жать» — глаголов *kirsti* и *riauti* — в ответах на анкету нет таких замечаний, которые, как в предыдущем случае, настораживали бы в смысле возможности их сопоставления. Поэтому допустимо предположение, что во всех тех случаях, когда данные анкеты фиксируют параллельное или же раздельное употребление по говорам литовского языка глаголов *kirsti* и *riauti* в значении «жать», речь идет об одном и том же и, следовательно, ареальное сопоставление различных вариантов этой модели (полный — при параллельном употреблении обоих элементов, частичный — при отсутствии одного из них) не должно вызывать принципиальных возражений и может быть осуществлено на соответствующей карте.

Однако и в этом случае существуют противопоставления предметно-номинального характера: выбор глагола в обеих моделях иногда диктуется использованием того или другого орудия жатвы — косы или машины. Очевидно, от анализа словоупотребления, несомненно, нового характера мы должны здесь отказаться (ради чистоты номинального противопоставления в пределах одного языка, не говоря уже об интересе к более древнему явлению в плане связей континентального и межконтинентального характера) и в дальнейшем ограничиться, насколько это будет возможно, фразеологией «ручного труда». Как видно из предыдущего рассмотрения моделей «косить» и «жать», глагольные названия действий, выполняемых машинным способом, часто противопоставлены обычным названиям ручных процессов, и одновременное ареальное представление тех и других в прямом бы смысле «путало карты».

Наконец, говоря о преобладании одного или другого частного варианта моделей следует особо подчеркнуть, что, вероятно, именно четкость номинального противопоставления в модели «жать» обеспечила и четкость ее ареального противопоставления: *riauti* характеризует северную часть Литвы, *kirsti* — южную. Такое же распределение повторяется отдельно и в рассмотренном чередовании глаголов *kirsti* и *riauti* в зависимости от «ручного» или «машинного» способа жатвы (с ориентацией в данном отношении на «ручной»).

Однако параллельное употребление различных лексем для «косить» и «жать» в оценке тех, кто отвечал на вопросы анкеты, это только часть всех ответов, небольшая, но очень важная, так как в ней отражены преобладающие тенденции исследуемого явления. Основную массу материала составляют безвариантные ответы, которые, несмотря на их возможную неполноту (не говоря уже об общей и неизбежной для анкеты неполноте другого характера — неравномерном представлении территории Литвы), подтверждают и закрепляют намеченную выше географическую ориентацию ареалов (см. карту № 3).

1. 3. 3. *Kirsti* — *kirsti*. Однако противопоставление *kirsti rugius* — *riauti šieną* является господствующим, но не единственным в ответах на анкету. Подобно тому, как для обозначения уборки ржи употребляется глагол *riauti*, точно так же глаголом *kirsti* называется и кошение травы. Несмотря на то, что *kirsti* указывается только как один из глаголов группы «косить» (наряду с *riauti* и *šienauti*) и отмечен всего в 4 анкетах (ср. с другими показателями в таблице), принципиально эти случаи представляются очень важными: три из них указывают на восточноаукштайтские говоры (д. Гавенай, ап. Гейджюнай, р-н Биржай; г. Аникщяй; ап. Сташкунишкис, р-н Аникщяй), четвертый — на западнодзукский говор Понеманья (д. Дубининкай, ап. Родука, р-н Варена).

2. Данные литературных источников

Эти сведения можно пополнить за счет литературных источников. Так, в «Словаре литовского языка» в качестве иллюстрации к одному из значений глагола *kirsti* — «косить (*riauti*) косой, серпом (например, о хлебах, сене)»⁷ приводится:

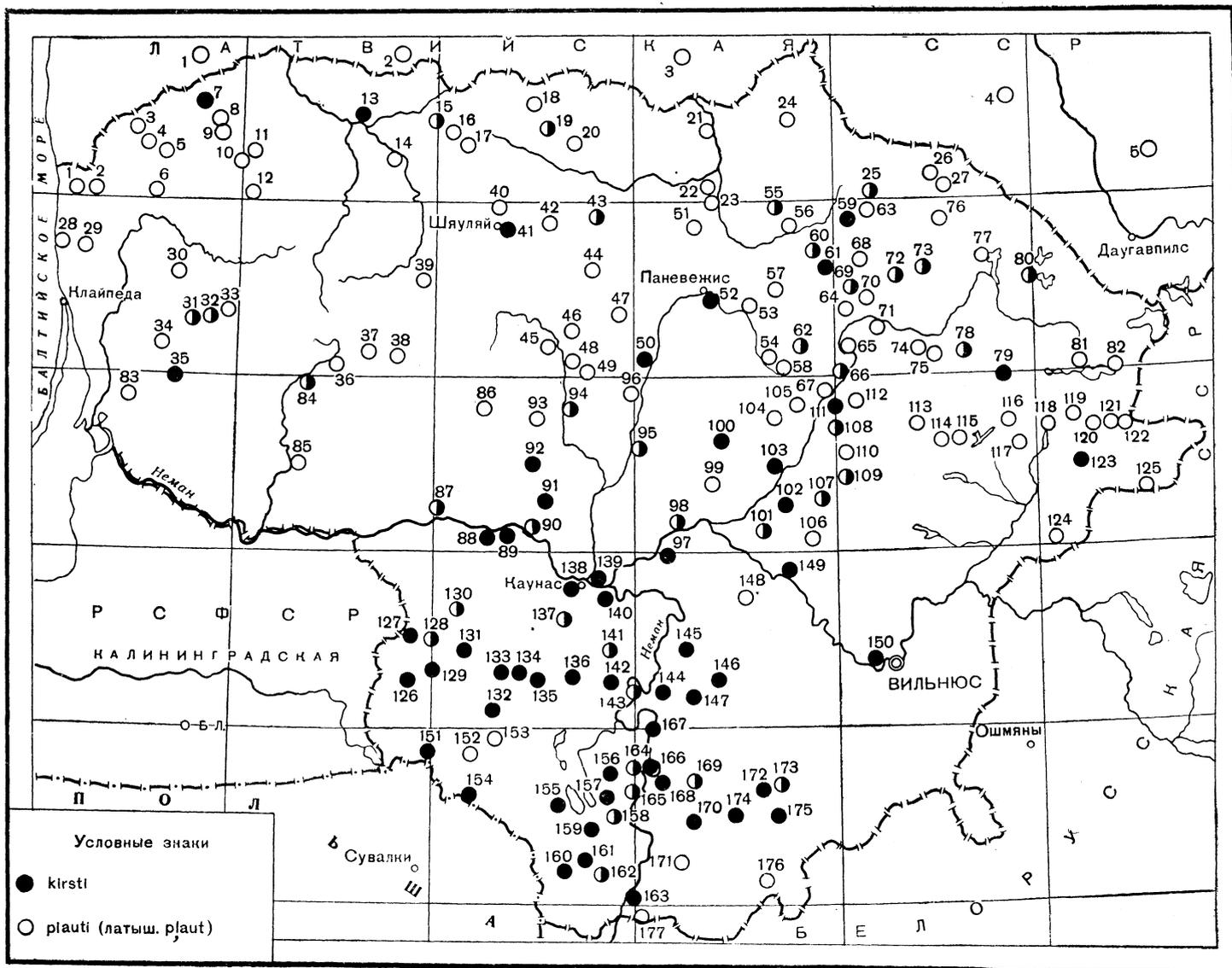
а) из литературного языка: *šieną kirst* (К. Донелайтис), *nekirsta pievą* (Ф. Куршат), *kirsiu šieną* (П. Цвирка), *pakirsta žolė* (Т. Тильвитис);

б) из фольклора: *dobilėlį kerta*, *pakirsta rūtelė* (Радунь,

⁷ Lietuvių kalbos žodynas, V, Vilnius, 1959, стр. 855 и др.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ ТИПА «СЕЧЬ (КОСИТЬ) РОЖЬ» — KIRSTI (PIAUTI) RUGIUS» В ЛИТОВСКОМ И СМЕЖНЫХ С НИМ ГОВОРАХ
ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА

(по данным диалектологической анкеты)

А. Литва
(В скобках — аплинка, район)

Акаличя 168 (Алове, Ал.)	Драниченая 79 (Спитренай, Ут.)	Лаукинчяй 156 (Ал.)	Пятряляй 83 (Саугай, Ш-те)
Алитус 166 (Ал.)	Друскининкай 163	Лаукишкяй 141 (Ишлаужас, Пр.)	Рагува 54 (Пан.)
Альседжяй 12 (Пл.)	Дубинникяй 171 (Родука, Вар.)	Лейпалингис 162 (Л.)	Раджюнай 164 (Ликишкеляй, Ал.)
Антазаве 80 (Зар.)	Езнас 144 (Пр.)	Лингунай 81 (Дукшта, Игн.)	Радяккай 105 (Лавишкис, Ан.)
Апидямис 145 (Вилунай, Кайш)	Жареная 16 (Жареная, Ш.)	Ляванишкяй 58 (Ан.)	Раубоняй 87 (Пуня, Ал.)
Аникшяй 66 (Ан.)	Жвайняй 6 (Салантай, Кр.)	Мажейконяй 43 (Пакруойс, Пакр.)	Раудоненая 167 (Раудоненая, Юрб.)
Арёгала 92 (Рас.)	Жибуокляй 37 (Кражяй, Кял.)	Мажейкяй 113 (Скудutiшкис, Мол.)	Раудондварис 138 (К.)
Армоняй 27 (Лукштай, Рок.)	Жилинеляй 173 (Йокеная, Вар.)	Маркиншике 122 (Даугелишкис, Игн.)	Ретагас 33 (Пл.)
Байорай 77 (Кряуна, Рок.)	Жямайчу-Кальвария 10 (Пл.)	Матешоняй 143 (Бирштонас, Пр.)	Римшяй 14 (Паниле, Маж.)
Байсогала 46 (Радв.)	Жямойи-Панямуне 89 (Крюкай, Ш.)	Матуйзай 175 (Вар.)	Рокнишкис 76 (Рок.)
Бакшеная 63 (Ализава, Куп.)	Замбишкис 94 (Кракяй, Кед.)	Мейроняй 118 (Палуше, Игн.)	Рудня 176 (Вар.)
Баравишкяй 88 (Крюкай, Шак.)	Игаряй 4 (Моседис, Ск.)	Межишкяй 53 (Пан.)	Руджяй 128 (Кудиркос-Науместис, Шак.)
Барчюнай 159 (Сейрияй, Л.)	Илакай 7 (Илакай, Ск.)	Микеряй 71 (Ан.)	Рукляй 78 (Судейкяй, Ут.)
Борташишкяй 56 (Саламестис, Куп.)	Ильгижяй 93 (Ильгижяй, Рас.)	Милайшкяй 62 (Трошкунай, Ан.)	Русоняй 161 (Лейпалингис, Л.)
Буйвишкяй 21 (Салочяй, Пасв.)	Йовайшяй 161 (Лейпалингис, Л.)	Моседис 5 (Ск.)	Ряпяккай 112 (Куркляй, Ан.)
Бяржнавена 131 (Пильвишкяй, Вилк.)	Йокубайчяй 49 (Гуджюнай, Кед.)	Моцкайчяй 35 (Швекшна, Ш-те)	Свилоняй 125 (Адутишкис, Швян.)
Вабальнинкас 55 (Бирж.)	Йонава 98 (К.)	Муцкайчяй 115 (Вореная, Мол.)	Сидабравас 47 (Радв.)
Вейсей 160 (Лейпалингис, Л.)	Йонишкис 19	Муснинкай 149 (Муснинкай, Ук.)	Стакишкис 68 (Куп.)
Веционяй 177 (Ратничяй, Вар.)	Калвария 152 (Кап.)	Науяседжяй 100 (Гулпякемис, Ук.)	Сташкуншкис 108 (Ан.)
Видутине 124 (Швян.)	Кальвясалис 119 (Ажушиле, Игн.)	Нимярзате 28 (Кл.)	Сурвиллишкис 96 (Кед.)
Вижунос 75 (Ут.)	Кальненая 97 (Кж.)	Норейкишкяй 147 (Стаклишкяй, Пр.)	Сяряджюс 90 (Юрб.)
Вилёшяй 13 (Палносай, Маж.)	Кальтниненая 36 (Ш-ле)	Норюнай 64 (Куп.)	Табарай 151 (Мянкупяй, Кап.)
Вилкавишкис 129 (Вилк.)	Капсукас 132	Нялдингге 170 (Вар.)	Таурате 85 (Т.)
Вильнюс 150	Карейвай 38 (Пакражантис, Кял.)	Нямунайтис 165 (Нямунайтис, Ал.)	Трибурчяй 121 (Шюленая, Игн.)
Винкшненая 40 (Бридай, Ш.)	Каунас 140	Нямунайтис 157 (Мирославас, Ал.)	Ужугуостис 146 (Пр.)
Возбучяй 158 (Норагеляй, Л.)	Кедаяняй 95	Няндриняй 133 (Гавалтува, Кап.)	Ужумяльничя 175 (Варена-1, Вар.)
Вялякемяй 44 (Пакальнишкяй, Радв.)	Кибартай 126	Нятоняй 139 (Раудондварис, К.)	Укмярге 103
Гайгалис 57 (Субачюс, Куп.)	Кибартай 154 (Будветис, Л.)	Паакмянис 84 (Обялинас, Ш-ле)	Цейкиняй 123 (Игн.)
Гайгалай 74 (Вижунос, Ут.)	Килова 91 (Чякишке, К.)	Павезяй 42 (Стачюнай, Пакр.)	Чивоняй 161 (Лейпалингис, Л.)
Гивишкяй 134 (Гавалтува, Кап.)	Кирдейкяй 116 (Ут.)	Пажерай 137 (К.)	Шакина 17 (Ш.)
Гирайте 155 (Гейзай, Л.)	Кривуляй 50 (Крякянава, Пан.)	Палукне 3 (Ск.)	Шаукеняй 39 (Кял.)
Гирстейкяй 59 (Ализава, Куп.)	Круопяй 15 (Йон.)	Панотяряй 99 (Ук.)	Шейминишкяй 67 (Ан.)
Грабава 135 (Саснава, Кап.)	Крятинга 29 (Кр.)	Панявежис 52 (Пан.)	Шилаватас 136 (Пр.)
Гришкабудис 130 (Гришкабудис, Шак.)	Кряунай 8 (Илакай, Ск.)	Папайляй 70 (Шимоняй, Куп.)	Шимуляй 153 (Людвинавас, Кап.)
Гуджяй 172 (Паваренис, Вар.)	Кудиркос-Науместис 127 (Шак.)	Пасадникяй 101 (Гялвоняй, Ук.)	Ширвинтос 106 (Ук.)
Дагиллишкис 23 (Талачкюнай, Пасв.)	Кульнишкяй 102 (Пабайскас, Ук.)	Пастрингишкис 72 (Салос, Рок.)	Шнипайчяй 86 (Пагоюкай, Рас.)
Дактарай 9 (Илакай, Ск.)	Куркляй 111 (Ан.)	Пационяй 48 (Вадокляй, Пан.)	Шауляй 41 (Ш.)
Данюнай 120 (Микалавас, Игн.)	Куляй 30 (Пл.)	Пашувис 45 (Радв.)	Шашуоляй 107 (Ук.)
Дарбеная 2 (Кр.)	Купишкис 60 (Куп.)	Паужюляй 104 (Тауеная, Ук.)	Эйдукис 34 (Вейвирженая, Кл.)
Даугай 169 (Ал.)	Кяпалай 20 (Йон.)	Преная 142 (Пр.)	Эндравас 31 (Кл.)
Даунорайчяй 18 (Шлуостикяй, Йон.)	Кяушай 65 (Стакяй, Ан.)	Пумпенай 51 (Пасв.)	Юдоуне 26 (Рок.)
Дварялишкяй 109 (Жяльва, Ук.)	Лаздинникяй 1 (Кр.)	Пуноняй 61 (Пуожас, Куп.)	Юркишкис 73 (Камайя, Рок.)
Драгауджяй 110 (Антаплаштакяй, Ан.)	Лаукагалис (Жасляй, Кайш.)	Пуноняй-11 69 (Пуожас, Куп.)	Яупеная 32 (Гирдваяняй, Пл.)

Список сокращенных наименований районов Литвы

Ал. — Алитус; Ан. — Аникшяй; Бирж. — Биржай; Вар. — Варена; Вилк. — Вилкавишкис; Зар. — Зарасай; Игн. — Игналина; Йон. — Йонишкис; Кайш. — Кайшядорис; Кап. — Капсукас; К. — Каунас; Кед. — Кедаяняй; Кл. — Клайпеда; Кр. — Крятинга; Куп. — Купишкис; Кял. — Кяльме; Л. — Лаздияй; Маж. — Мажейкяй; Мол. — Молейтай; Пакр. — Пакруойс; Пан. — Панявежис; Пасв. — Пасвалис; Пл. — Плунге; Пр. — Преная; Радв. — Радвиллишкис; Рас. — Расейняй; Рок. — Рокнишкис; Т. — Таурате; Ск. — Скуодас; Ук. — Укмярге; Ут. — Утяна; Шак. — Шакай; Швян. — Швянчюнис; Ш-ле — Шилале; Ш-те — Шилуте; Ш. — Шауляй; Юрб. — Юрбаркас.

Б. Латвия
(В скобках — район)

Вайнёде 1 (Лиенай)	Бене 3 (Добеле)	Заса 5 (Екабпилс)
Ауце 2 (Добеле)	Цоде 4 (Бауска)	Калупе 6 (Даугавпилс)

Гродненской обл., БССР), *rūteles kirsti* и *pasikirtau dobilėlių* (литовские песни, записанные А. Юшкевичем);

в) из диалектов: *Ar visą pievą nukirtai?* (б. Рагайне, теперь Неман, Калининградской обл. РСФСР).

Если же теперь взять для сравнения диалектный материал этой статьи в отношении *kirsti rugius*, то он подтверждает результаты анкеты не только в плане общей ориентации ареала *kirsti rugius*, но и в какой-то степени отражает преимущественное употребление глагола *kirsti* в значении «косить хлеб» по сравнению со значением «косить траву». В противоположность единственному примеру из б. Рагайне (см. выше) ср. материалы из след. пунктов: д. Шате, р-н Скуодас; г. Скаудвиле (Жемайтия), д. Гейстарай (Дидвижяй), р-н Вилкавишкис; д. Жалёйи, р-н тот же; д. Гарлява, р-н Каунас (западная Аукштайтя); д. Алове, р-н Даугай (западная Дзукия); г. Вабальнинкас (восточная Аукштайтя).

1—2. *Частота употребления и ареальная ориентация первого члена противопоставления.* Таким образом, можно утверждать, что употребление *kirsti* в значении «косить сено, траву» является намного более редким в говорах литовского языка, чем выражение *kirsti rugius*, т. е. употребление этого же глагола в значении «жать».

Показательно, что в отличие от «Словаря литовского языка», содержащего в себе большой исторический и диалектный материал, однотомный «Словарь современного литовского языка» в статье о *kirsti* уже не указывает значения «косить сено»⁸.

Молодому поколению, как свидетельствуют данные анкеты, такое словоупотребление известно уже редко, а примеры из фольклора, в частности песенного, только подчеркивают отнесенность этого явления к традиционной речи. При этом важно указать на то, что примеры употребления *kirsti* («косить сено») обнаруживают ту же ареальную ориентацию, что и глагол *kirsti* в значении «жать хлеб». В пользу этого свидетельствуют также и данные литературного языка, в котором интересующее нас значение засвидетельствовано, в частности, у К. Донелайтиса и Ф. Куршата — уроженцев бывшей, так наз. Малой (прусской) Литвы и П. Цвирки, происходившего из западной Аукштайтти.

3. Ареалы и попытка их интерпретации

3. 1. *Ареалы глаголов kirsti и piauti со значением «косить хлеб», «косить сено».* На территории литовского языка выделяются, таким образом, ареально противопоставленные вариан-

⁸ Dabartinės lietuvių kalbos žodynas, Vilnius, 1954, стр. 343—344.

ты для выражения значений «косить хлеб» и «косить траву» (в обоих случаях косой): *kirsti* и *piauti*. Ядро ареала *kirsti* находится на юго-западе Литвы (Понеманье и Занеманский край), тогда как ее северная часть может быть охарактеризована как ареал преимущественного употребления *piauti*.

Однако в общем ареале глагола *kirsti* говоры, где он имеет значение «косить хлеб», абсолютно преобладают над теми, в которых зафиксировано его употребление в смысле «косить сено». Более того по самому характеру примеров (параллельный, но реже встречающийся вариант наряду с другими глаголами — в данных анкеты, ср. также его употребление в традиционной речи песенного фольклора) можно прийти к заключению, что глагол *kirsti* в значении «косить сено» — исчезающее явление, а следовательно, таким же оказывается и его ареал, в настоящее время представленный только отдельными разрозненными местонахождениями в пределах ареала «косить хлеб».

Напротив, ареал *piauti* в этой же функции (а также территориально совмещенный с ним «специальный» глагол *šienauti*) в основном совпадает с ареалом литовского языка, почти полностью вытеснив глагол *kirsti* «косить сено». Таким образом, между глаголами *piauti* и *kirsti* как бы происходит конкурентная борьба, исход которой выражается в обратно пропорциональной зависимости их ареалов, причем в обоих случаях преимущество оказывается на стороне *piauti*, но в различной степени.

Чем объяснить такую диспропорцию между *piauti* и *kirsti* или — в несколько ином аспекте — как истолковать бросающиеся в глаза различия между ареалом *kirsti* «косить сено», с одной стороны, и *kirsti* «косить хлеб» — с другой?

Ответ на это, как нам кажется, следует искать в истории материальной культуры, а именно в развитии способов кошения сена и жатвы хлебов.

3. 2. *Переход от кошения травы к кошению хлебов (косой)*. Из истории материальной культуры известно, что древнейшим орудием жатвы был серп, тогда как для кошения сена употреблялась коса. «При жатве хлебов косами не пользовались, с одной стороны, из опасения, чтобы при кошении зерно из колосьев не высыпалось, с другой — потому, что косы без граблей не складывали хлеба. Косы употреблялись только в исключительных случаях при жатве некоторых видов яровых хлебов (в особенности овса), когда хлеб косили на ряды, чтобы он высох»⁹. Это утверждение, очевидно, имеет общий характер

⁹ P. Horváth, *Zatie a mlátenie obilia na Západnom Slovensku v 17. a 18. stor.*, «Slovenský národopis», VI, Bratislava, 1958, стр. 144.

не только применительно к указанному времени, но и к более раннему. Однако постепенно наряду с употреблением серпа в качестве орудия жатвы начинает использоваться также и коса, что, например, для территории Польши датируется XIV—XV вв.¹⁰, Чехословакии — XV—XVI вв.¹¹ Этот переход был постепенным.

На территории Литвы коса как орудие жатвы стала употребляться прежде всего в западной части Жемайтии, но постепенно распространилась и в другие районы, так что во второй половине XIX в. ею косили хлеба уже во всей Западной и Средней Литве, а также в Занеманье (исключая южную часть)¹².

Таким образом, старой функцией косы было и осталось кошение сена, новой стало кошение хлебов.

3. 3. Первичная функция — исчезающий ареал, вторичная функция — крупный ареал. Если теперь сопоставить функции косы как орудия первично сенокосшения и вторично — уборки хлеба, — с одной стороны, и ареалы *kirsti* «косить сено» и *kirsti* «косить хлеб» — с другой, то является ли случайным параллелизм: первичная функция — исчезающий ареал, вторичная функция — крупный ареал?

Соответственно можно поставить вопрос и относительно *riauti*. Если первоначальным значением этого глагола было «жать хлеб» (ср. литовское название серпа *riautuvas*, т. е. производное образование от *riauti*), а впоследствии стал обозначать также «косить сено», то нельзя ли и здесь провести параллель: первичное значение — меньшая территория, вторичное — большая? Ведь и в том и другом случае ареалы не разобщены, а меньший входит в больший, и как первичное значение является исходным пунктом для вторичного, так и меньший ареал — это отправная точка для большего.

Нам кажется, что на эти вопросы можно ответить утвердительно. Поскольку нас в связи с общей постановкой задачи больше интересует глагол *kirsti*, то в отношении его можно сказать следующее: 1) из двух значений: «косить сено» и «косить хлеб», в которых выступает глагол *kirsti* в литовском языке, первое является более древним (первичным); 2) первичное значение встречается в виде отдельных разрозненных местона-

¹⁰ S. Chmielewski, *Gospodarka rolna i hodowlana w Polsce w XIV i XV w.* (Technika i rozmiary produkcji), «Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego», V, 2, Warszawa, 1962, стр. 75.

¹¹ K. Chotek, *Staré způsoby práce v československém zemědělství (žatva srpem)*, «Československá etnografie», VII, 3, Praha, 1959, стр. 285.

¹² P. Dundulienė, *Zemdirbystė Lietuvoje* (Nuo seniausių laikų iki 1917 metų), AMMD, Istorija, V, Vilnius, 1963, стр. 173 и 168.

хождений или, возможно, в виде небольшого компактного ареала; 3) отдельные местонахождения (или же ареал) первичного значения *kirsti* находятся в пределах ареала вторичного значения; 4) ареал вторичного значения *kirsti* является более компактным и более крупным по сравнению с отдельными местонахождениями (или ареалом) первичного значения.

3. 4. *Дальнейшие предположения.* Из этих предварительных выводов, или, лучше сказать, рабочих гипотез вытекают два важных предположения, которые должны быть проверены как на новых материалах литовского языка, так и на данных других языков:

а) если глагол *kirsti* (или эквивалентный ему глагол другого языка) из двух значений «косить сено» и «косить хлеб» имеет только одно значение и это значение ограничено в своем употреблении в отношении пространства, встречаясь, например, в виде отдельных местонахождений, то таким значением будет — «косить сено»;

б) если глагол *kirsti* (или эквивалентный ему глагол другого языка), в котором предполагаются оба значения, распространен на большой территории, то в нем обязательно должны быть представлены значения «косить сено» и «косить хлеб», причем второе на большем ареале, чем первое.

4. Глагол *kirsti* со значением «рубить»

4. 0. *Предварительные замечания.* Однако взаимоотношения двух значений *kirsti* («косить сено» и «косить хлеб») являются скорее внутренним вопросом общей модели «косить», «жать». Наша основная цель заключается в том, чтобы установить, в какой степени эта общая модель уже на правах частной входит в модель более высокого порядка (супермодель), которая объединяет в себе значения «косить» («жать»), с одной стороны, и «рубить» — с другой. Ведь именно этот вопрос — общая лексема для значений «рубить» и «косить» («жать») — и представляет собой основное содержание данного раздела.

4. 1. *Совмещение ареала «рубить» с ареалами «косить» и «жать».* В отличие от «косить» («жать») значение глагола *kirsti* «рубить топором» (например, дерево, дрова) известно, по-видимому, на всей территории литовского языка. В связи с ареальным аспектом исследования важно отметить, что *kirsti* «рубить» является обычным, в частности, в тех же районах, где этот глагол выступает в значении «жать» или «косить».

Так, среди иллюстративного материала к статье *kirsti* в «Словаре литовского языка» часть примеров со значением «рубить (топором)» совпадает с ядром ареала *kirsti* «косить хлеб»: Понеманье (г. Юрбаркас, р-н тот же; г. Чякишке, р-н Каунас), Занеманье (г. Пренай, р-н тот же; г. Лейпалингие, р-н Лаздияй; д. Лишкява, ап. Вилькяутинис, р-н Вейсейй), западная Дзукия (г. Валькининкай, р-н Эйшишкес). С другой стороны, употребление значения *kirsti* «рубить» совпадает со случаями выступления этого глагола в значении «косить сено»: г. Аникшяй (восточная Аукштайтя), г. Радунь (Гродненская обл. БССР), а также в литературном языке (К. Донелайтис).

Таким образом, если отдельные местонахождения (или ареал) значения «косить сено» находятся в пределах более крупного и компактного ареала «косить хлеб», то последний, в свою очередь, оказывается в аналогичном положении по отношению к ареалу «рубить».

4. 2. *Взаимосвязи трех значений.* Однако внутренние связи между этими тремя значениями не являются однородными, и потому выводы относительно более позднего характера большего ареала («косить хлеб» см. выше) нельзя «по аналогии» перенести и на ареал *kirsti* «рубить».

Действительно, если в случае связи значений «косить сено» и «косить хлеб» можно указать на определенный «материальный субстрат» — общее орудие, с помощью которого совершалось сначала одно, а с течением времени и другое действие (что не могло не повлиять и на название этого действия), то в отношении таких значений, как «рубить (дрова)» и, скажем, «косить (сено)» подобного связующего элемента нет. Здесь уже выступает не предметно-семантическая, как в первом случае, а собственно семантическая связь как проявление определенной «концептуальной решетки» (по терминологии Р. В. Кравчука). Ср., в частности, его высказывание: «Из факта, например, что в некоторых языках одно и то же слово означает и «синий» и «зеленый», вовсе не следует, что носители этих языков не различают данных цветов. Просто «концептуальная решетка» допускает в данном случае такую необычную на первый взгляд реализацию»¹³.

Зависимость между семемами «рубить» и «косить» несомненно существует, но она не носит такого непосредственного характера, как взаимосвязь объединяемых той же лексемой *kirsti*

---

¹³ Р. В. Кравчук, Ответ на вопрос: «Има ли системност в речниковия състав на отделните славянски езици?», сб. «Славянска филология», I, Отговори на въпросите за научната анкета по езиковедие, София, 1963, стр. 259.

семем «косить сено» и «косить хлеб». И тем не менее внутренняя последовательность значений общей модели «косить» сохраняется, как нам кажется, и при подключении ее к другой модели.

5. Основные предположения

Таким образом, более полный вариант высказанных выше предложений можно сформулировать следующим образом:

- 1) если глагол имеет значение «рубить» и «косить», то первым из двух вариантов последнего следует ожидать «косить сено»;
- 2) вероятность употребления второго варианта значения — «косить хлеб» тем выше, чем больше ареал, занимаемый глаголом с двойным значением «рубить» и «косить»;
- 3) исходным в ряду значений глагола оказывается «рубить», а не «косить».

Б. Л а т ы ш с к и й

1. Диалектологическая анкета

В отличие от литовских данных аналогичная анкета, проведенная среди студентов Латвийского университета (участвовало 140), была бы неэффективной (не обнаружено противопоставления), если бы не было результатов литовской анкеты: в различных говорах латышского языка, фактически наугад выхваченных из всего диалектного массива, повторяется общая модель (rļaut) для «косить» и «жать», аналогичная той, которая отмечена в северной половине Литвы. В частности, это относится к ряду населенных пунктов, расположенных вдоль литовской границы на всем ее протяжении: д. Вайнёде, р-н Лиепая, д. Курсиши р-н, Салдус (Курземе); г. Ауце, р-н Добеле, д. Бене, р-н тот же, д. Цоде, р-н Бауска (Земгале); д. Даудзесе, р-н Екабпилс, д. Заса, р-н тот же (Аугшземе); наконец, д. Калупе, р-н Даугавпилс (Латгалия).

2. Литературные источники

Согласно литературным источникам глагол cirst в значении «rļaut» (косить, жать) отмечен в двух говорах на севере и юго-востоке Видземе вблизи городов Руйена и Мадона, например, zāle savītuse: grūta cirst¹⁴.

¹⁴ J. Endzelīns un E. Hausenbergā, Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai, I, Rīgā, 1934—1938, стр. 274.

По мнению В. Дамбе, высказанному в связи с этим примером, глагол *cirst* в латышском языке для обозначения кошения употребляется только в том случае, «если трава или хлеб полегли и нельзя нормально *rļaut*... тогда действие прямо напинает, например, рубку дров»¹⁵.

Очевидно, что в таком случае глагол *cirst* должен выступать в качестве предметно-номинального противопоставления глаголу *rļaut* и потому не может рассматриваться в общей с ним ареальной проекции.

Однако поскольку отмеченный пример относится к сенокосению («трава полегла: трудно косить»), а, согласно предварительным выводам, сделанным на материале литовского языка, именно это значение (а не «косить хлеб») может встречаться в отдельных изолированных случаях, то есть некоторое основание предполагать, что здесь мы имеем дело с номинальной, а не предметно-номинальной противопоставленностью, и, следовательно, допустимо ареальное сравнение равнозначных глаголов *cirst*, *rļaut*.

В пользу того, что с точки зрения сельскохозяйственной терминологии это возможно, свидетельствуют, в частности, материалы из Трнавской области Чехословакии, где в случае полегания хлебов и невозможности косить «*na gad*» нужно было их со всех сторон *orkáŝat*, *vikáŝat*, только концом косы. Это была *tašká kozba*, в стоячем хлебе была *lachká kozba*¹⁶.

Как видим, термин *kozba* (косьба) остается общим и для тяжелого (*tašká*) и для легкого (*lachká*) кошения. Не может ли это стать поддерживающей аналогией и в отношении *cirst* и нельзя ли предположить, что и при обычном, «лёгком» кошении (в нашем примере «трудно косить») также употребляется *cirst*?

3. Латышско-литовское сопоставление

Вместе с тем возможность истолковать латышский пример *cirst zāli* как литовский *kirsti žolę* ограничивается тем, что на латышской языковой территории в отличие от литовской нет, так сказать, суперстратного ареала типа *cirst rudzus* (лит. *kirsti rugius*), который, по-видимому, возник и расширился в области литовского языка на субстрате ареала *kirsti žolę* (*šieną*), т. е. нет того следствия, которое можно было бы ожидать при наличии соответствующей посылки, а значит, в какой-то мере берет-

¹⁵ Письменное сообщение автору.

¹⁶ R. Nižňanský, *Brestovianské žatvy a mlatby u minulosti*, «Slovenský národopis», VI, 3, 1958, стр. 243.

ся под сомнение и само существование этой посылки — ареала или отдельных местонахождений *cirst zāli*. Более того, рассматривая область латышского языка в аспекте всего балтийского ареала уже с чисто географической стороны, мы видим, что ареал *kirsti rugius*, ограничивающийся южной частью Литвы, тем более оправданно отсутствует в Латвии, что прослеживается тенденция его убывания к северу и в северной, в особенности северо-восточной части Литвы его уже фактически нет. И поскольку на территории Литвы местонахождения типа *kirsti žolę (šieną)* находятся в пределах ареала *kirsti rugius*, то отсутствие этого условия для двух примеров из Видземе не позволяет поставить их на один уровень с литовскими данными. При отсутствии «кворума» латышского материала окончательный вывод о характере противопоставления, возникающего в связи с примером *cirst zāli*, был бы преждевременным.

Таким образом, говоры латышского языка в отношении *riauti/riaut* как варианта общей модели «жать», «косить» составляют одно целое с говорами северной части Литвы. Это укрупняет ареальное противопоставление, наметившееся в пределах литовского языка, и в какой-то мере ставит вопрос о том, не находит ли своего продолжения на других языковых территориях уже в плане семантической типологии и юго-западный вариант модели «жать», «косить» (*kirsti*).

В. Область прусского

0. Предварительные замечания

В связи с такой, преимущественно юго-западной ориентацией глагола *kirsti* со значением «косить хлеб» (изредка «косить сено») возникает вопрос о том, не связан ли этот ареал с областью распространения прусского языка и не было ли в последнем аналогичного явления?

Несмотря на методологические затруднения таких разновременных сопоставлений, постановка этого вопроса нам кажется оправданной.

1. Прусский и немецкий

В памятниках прусского языка глагол, соответствующий литовскому *kirsti*, засвидетельствован только в значении «бить»: *kurteis* («бей!») ¹⁷.

¹⁷ R. Trautmann, Die altpreußischen Sprachdenkmäler. Einleitung, Texte, Grammatik, Wörterbuch, Göttingen, 1910, стр. 359.

Однако в тех говорах немецкого языка, которые непосредственно наслонились на прусские и до 1945 г. были распространены в бывшей Восточной Пруссии¹⁸, наблюдалось точно такое же семантическое соотношение: «рубить дерево» — «косить хлеб». Так, глагол *abhauen* обозначал «отсекать, срубить дерево». Отсюда *abhauen* — косить (*mähen*): «*Nu hebbes all dem Koorn afjehaut, nu jift et Koornstalk... хлеб косить*»¹⁹.

При этом важно подчеркнуть, что пример такого употребления — *den Roggen abzuhauen* — отмечен под 1599 г.²⁰, когда прусский язык, окончательно вымерший, как известно, около 1700 г.²¹, еще существовал.

Возможно ли, чтобы эта черта принадлежала прусскому языку?

Глагол *hauen* в значении «*mähen*» (т. е. косить хлеб или сено) известен в памятниках немецкого языка (*Monumenta Zollehana*, I, 581), в нижненемецких диалектах, а также в литературном языке — классическом (Лессинг, Гете) и современном²².

2. Балто-германские и балто-славянские связи

Не снимая вопроса о возможном отражении в немецких говорах бывшей Восточной Пруссии предполагаемой семантической особенности прусского языка, исследователь должен поставить на первый план более широкую проблему балто-германских семантических связей, в частности, между Западной Литвой и Северной Германией (нижненемецкие диалекты). Однако такой подход без предварительного сопоставления балтийских и славянских языков был бы преждевременным и нарушил бы последовательность (континентальные — межконтинентальные отношения) в изучении балто-славянских языковых связей. Поэтому в поисках продолжения литовского юго-западного ареала *kirsti* со значением «косить хлеб (сено)» следует обратиться к другому и, в отличие от предыдущего случая, современному соседнему языку — польскому, а через него и по всей области славянских языков.

¹⁸ Об этих говорах см. В. М. Жирмунский, *Немецкая диалектология*, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 6.

¹⁹ W. Ziesemer, *Preußisches Wörterbuch*, I, Königsberg Pr., 1935, стр. 31.

²⁰ Там же.

²¹ E. Fraenkel, *Die baltischen Sprachen*, Heidelberg, 1950, стр. 24.

²² M. Tamsen, *Das Zeitwort «hauen». Stilwert, Bedeutungen und Beugung*, «Muttersprache», LXXI, 11, Lüneburg, 1961, стр. 325. Аналогично также в восточнореднемецких говорах, ср. R. Grosse, *Die meissnische Sprachlandschaft*, Halle (Saale), 1955, стр. 141.

II. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Западнославянские языки

1. Польский

1. 0. *Предварительные замечания.* Основными глаголами сенокосения и уборки хлебов в говорах польского языка являются *sieć* и *kosić*, из которых последний считается литературным. Об ареале глагола *sieć* в значении «косить» в общем можно судить уже по тому, что соответствующие вопросы содержатся в программах региональных атласов Кашубии²³, с одной стороны, и Силезии²⁴ — с другой. Непосредственно связанный с материальной культурой и ее историей, вопрос о глаголах *sieć* и *kosić*, кроме лингвистов, интересует также этнографов, о чем можно, в частности, найти свидетельство в посмертно изданной книге К. Мошинского²⁵.

1. 1. *Вопрос о предметно-номинальном противопоставлении глаголов sieć и kosić.*

1. 1. 1. Глаголы сенокосения и жатвы в говорах Мазовецкого Поморья. Мост между балтийскими и славянскими языками в отношении рассматриваемой черты, очевидно, наиболее удобно перебросить между занеманской частью западной Дзукии — с литовской стороны и Мазурами, а дальше — Вармией — с польской. Богатый словарный материал, характеризующий, в частности, уборку хлеба и сена, в польских говорах названных областей, представлен в монографии И. Юдицкой²⁶. В исследованной автором части Мазовецкого Поморья, куда входят Вармия и Мазуры (повяты Оструда, Ольштын, Решель, Мронгово, Гижицко, Олецко, Элк, Пиш, Щитно, Нидзица) для выражения значений «косить», «жать» употребляются глаголы *sieć* и *kosić*, которые встречаются соответственно в 82 и 41 пунктах всех повятов²⁷. При этом И. Юдицка касается вопроса о характере такой совместности — образует ли она предметно-номинальное или же только номинальное противопоставление и приходит к

²³ Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich, tom wstępny, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 48, № 83.

²⁴ A. Zaręba, Kwestionariusz do atlasu językowego Śląska, Katowice, 1961, стр. 14, № 160.

²⁵ К. Мосзыński, О способах badania культуры materialnej prasiłowian, Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962, стр. 87.

²⁶ I. Judycka, Badania słownictwa gwar Pomorza Mazowieckiego. Sprzęt zboża i siana, młocka, czyszczenie ziarna. «Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego», V, 3, Warszawa, 1963, 112 стр.

²⁷ Там же, стр. 30.

выводу, что «в большинстве случаев семантическое распределение (*gerpartycja znaczeniowa*) обсуждаемых слов не происходит и они употребляются попеременно...»²⁸. Ср. ниже: «Названия *sieczenie* и *koszenie* имеют общий характер, относясь к действиям, одинаково связанным с кошением как хлебов, так и пастбищных трав»²⁹. Таким образом, И. Юдицка считает, что существует общая модель для «косить» и «жать», причем распространяет свой вывод и на остальную польскую языковую территорию: «Как способы кошения хлебов, так и относящаяся к ним терминология, связывают исследуемую область едва ли не со всей польской диалектной территорией»³⁰.

Выводы И. Юдицкой, к которым она пришла после изучения Мазовецкого Поморья, как нам кажется, нельзя автоматически распространять на остальные польские говоры прежде всего потому, что в силу ограниченности исследуемого района в его пределах почти невозможно было обнаружить такие противопоставления (в особенности — ареальные), которые затем стали бы критерием при подходе к исследованию новых диалектов. Нам кажется, что в свете материалов литовского языка, в глаголах сенокосения и жатвы и на польской языковой территории, благодаря общему материальному субстрату явления, следует ожидать интересных противопоставлений, и потому нам представляются более конструктивными попытки найти такие противопоставления, чем преждевременный отказ от них.

1. 1. 2. Попытка предметно-номинального противопоставления. В статье, которая посвящена вопросу о предметно-номинальном противопоставлении при изучении словаря народных говоров, Е. Юрковский указывает на необходимость установить «отношение названия орудия к названию действия, выполняемого с помощью этого орудия» и в качестве примера указывает на *kosić* и *siec* и дифференциацию их значений в двух говорах:

а) д. Войславице, пов. Мышкув, воев. Катовицы и б) д. Воля-Филиповска, пов. Хшанув, воев. Краков

	а)	б)
	<i>siec</i> косой	чаще траву
	<i>kosić</i> машиной	хлеб ³¹ .

²⁸ I. Ju d y c k a, указ. соч., стр. 30.

²⁹ Там же, стр. 31—32.

³⁰ Там же, стр. 35—36.

³¹ E. Ju r k o w s k i, *Zagadnienia etnograficzne w badaniach słownictwa ludowego*, «Kwartalnik historii kultury materialnej», XI, 1, Warszawa, 1963, стр. 79.

Относительно объекта действия такое распределение глаголов соответствует той специализации, которая в одном случае отмечена И. Юдицкой:

«Некоторые информаторы приписывают глаголам *siec* и *kosić* два разных значения, например, 1. *S'ec to na trawe*, а *kos'ić to na zboze* (д. Шиба, пов. Элк, воев. Белосток) ³².

Значит, как на севере, так и на юге Польши встречается глагол *siec* в значении «косить траву (сено)». Существует мнение, что «слово *siec* употреблялось в старопольском языке, и еще в XVI и XVII вв. этот глагол замещал современное общепольское *kosić*. Поньше глагол *siec* сохранился в некоторых польских говорах в значении резания (*ściananie*) травы серпом (д. Покшидово, пов. Бродница, воев. Быдгощ; д. Лонтчин, пов. Остроленка, воев. Варшава — пункты указаны в сноске. — А. Н.), поэтому с точки зрения современного польского языка он является архаизмом» ³³. Однако, как говорилось выше (см. I, А, 3. 2), первичной функцией косы было кошение сена и, следовательно, более архаическим в употреблении глагола *siec* должно быть значение «косить сено (траву)» по сравнению с более поздним — «косить хлеб».

Таким образом, глагол *siec* в говорах польского языка оказывается в ситуации, которая аналогична положению глагола *kirsti* в литовском языке: в обоих языках можно указать пункты, где *kirsti* (*siec*) сохраняют первичное значение «косить сено». В связи с этим требует уточнения высказывание Е. Юрковского, которое он предпосылает примерам дифференциации в употреблении *siec* и *kosić*: «Литературный глагол *kosić* не вытесняет диалектного *siec*, происходит только изменение объема его употребления» ³⁴. Очевидно, о сужении значения глагола *siec* можно было бы говорить только в том случае, если бы была уверенность, что в данных говорах глагол *siec* уже имел оба значения «косить сено» и «косить хлеб», когда распространилось литературное *kosić*. Однако, ввиду сказанного выше, более вероятным кажется вариант, что глагол *siec* просто сохраняет свое значение в его прежнем объеме.

Вместе с тем, подход Е. Юрковского с позиции синкретизма значений «косить сено» и «косить хлеб» в глаголе *siec* объясняется, по-видимому, соответствующим положением в польских говорах, и в этом смысле польский язык отличается от литовского. Действительно, если в говорах литовского языка глагол

³² I. Ju d y c k a, указ. соч., стр. 30.

³³ Там же.

³⁴ E. Ju r k o w s k i, указ. соч., стр. 79.

kirsti, как правило, имеет значение «косить хлеб» и только изредка — «косить траву», что почти на всей территории литовского языка выражается через *riauti*, то для польского языка, вероятно, более свойственен тот тип взаимоотношений между обеими семемами, который характеризует говоры северной части Литвы и Латвии, где оба значения лексически не противопоставлены и выражаются одной и той же основой — *riauti* (*ɤ̃ɹaut*). Колебания между дифференцированностью и недифференцированностью значений глагола *siec*, несмотря на их возможную количественную несоизмеримость (во всяком случае в пределах имеющегося в нашем распоряжении материала)³⁵, представляются очень важными для изучения глагола *siec* как в аспекте самого польского языка, так и в пределах общего ареала балтийских и славянских языков.

1. 2. Краевые ареалы глаголов *siec* и *kosić*.

1. 2. 0. Предварительные замечания. Область польского языка — одно из звеньев в цепи славянских языковых территорий, и потому некоторые его особенности (особенно окраин) могут быть четче обнаружены извне — со стороны соседних звеньев. Употребляя математический термин, можно сказать, что при общем рассмотрении отдельной языковой территории в ряду других задач исследование в значительной мере сводится к решению «краевых задач»³⁶, согласно условиям, поставленным со стороны соседних языковых ареалов.

Такая постановка вопроса тем более необходима, что из-за ограниченности имеющегося в нашем распоряжении материала можно наметить только некоторые ориентиры — краевые ареалы глаголов *siec* и *kosić*, как во внешнем, так и во внутреннем аспекте польской языковой территории.

1. 2. 1. Ареалы глагола *kosić*. Глагол *kosić* имеет два ареала: а) восточный (линия Ольштын — Варшава — Люблин) и б) центральный (четырёхугольник Быдгощ — Лодзь — Ополе — Краков).

а) Восточный ареал. В говорах Вармии и Мазур, по описанию И. Юдицкой, число пунктов с глаголом *kosić* вдвое меньше тех, где отмечено *siec* (41 : 82).

³⁵ Ср., например, в сборнике диалектных текстов К. Нитша, где представлена вся польская языковая территория, насчитывается: *siec* хлеб — шесть примеров, *siec* сено и хлеб — два, *siec* сено — ни одного (K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, wyd. 2, Warszawa, 1960, 379 стр.).

³⁶ Краевые задачи (в математике) — «задачи, в которых из заданного класса функций, определенных в некоторой области, требуется найти ту, которая удовлетворяет на границе (крае) этой области какому-либо заранее заданному условию (краевому условию)» (БСЭ, изд. 2, т. 23, стр. 196).

При этом особо важным в плане ответа на поставленный вопрос представляется замечание автора о том, что, согласно некоторым сообщениям информаторов, «употребление обоих этих терминов связано с языковым делением территории, например: *my tu muvili kosić, a od granicy to śiec* (Элк)³⁷.

К той части Мазовша и Малопольши, которая заключена между Бугом на севере и Саном на юге, относится наибольшее сгущение примеров, имеющих в Картотеке словаря польских говоров на слово *kosić*.

В нескольких пунктах *kosić* выступает наряду с глаголом *śiec* (д. Унин, пов. Гарволин, воев. Варшава; д. Кщонув и д. Конопница, пов. Люблин, воев. Люблин).

Распространенность глагола *kosić* на восточной окраине польской языковой территории (внешний краевой ареал) можно связать с самим географическим положением этого района, находящегося в непосредственном соприкосновении с восточно-славянской языковой областью, что вызвало ряд общих для обеих сторон языковых переживаний³⁸. В какой-то степени данное положение можно подтвердить тем, что название созвездия Ориона *Kosiarze* (его ареал совпадает с ареалом слова в значении «человек, который косит»), распространенное в центральной части Польши (в широтном направлении) и более новое по сравнению с другим названием *kośniki*³⁹, по мнению К. Мошинского, является заимствованным «(вместе с соответствующей формой названия для косаря-человека) от ... юго-восточных соседей»⁴⁰.

Вместе с тем к использованию географии имени для определения географии однокоренного с ним глагола (и наоборот) следует прибегать только в отдельных случаях — вспомогательный прием, которым можно пользоваться с большой предосторожностью: ср. в говорах Мазовецкого Поморья термин *koszenie* отмечен только в 3 пунктах, *ścieczenie* в 24⁴¹, тогда как *kosić* — в 41⁴².

б) Центральный ареал. Простирается от восточных говоров Велькопольши на севере до Верхней Силезии и юго-западной Малопольши — на юге. Наиболее западными пунктами этого ареала являются: Лопенно (пов. Вонгровец, воев. Познань),

³⁷ I. Judyska, указ. соч., стр. 30.

³⁸ Z d. Stieber, *Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich z wyborem tekstów gwarowych*, Warszawa, 1956, стр. 36.

³⁹ W. Kupiszewski, *Ze słownictwa ludowego w zakresie astronomii. Ludowe nazwy gwiazdozbiorów*, JP, XXXVIII, 5, 1958, стр. 235.

⁴⁰ Цитируется по статье В. Купишевского, указ. выше.

⁴¹ I. Judyska, указ. соч., стр. 31.

⁴² Там же, стр. 30.

в говоре которого известны оба глагола, но «*kosić* употребляется очень редко»⁴³ и Гура св. Анны (пов. Стшельце-Опольске, воев. Ополе), где *siec* и *kosić* отмечены, по-видимому, как равноправные слова⁴⁴. Точно так же в ряде других пунктов центрального ареала наряду с употреблением *kosić* отмечено и *siec*: Доманевек (пов. Ленчица, воев. Лодзь)⁴⁵, Мала-Весь (пов. Радомско, воев. Лодзь), Льгота-Гавронна (пов. Влощова, воев. Кельце)⁴⁶, Фацимех (пов. Краков, воев. Краков). Наконец, примеры одного только *kosić* представлены из южных пунктов: Бучковице (пов. Бельско-Бяла, воев. Катовице), Новы-Тарг и Закопане (пов. Новы-Тарг, воев. Краков).

1. 2. 2. Ареал глагола *siec*. Поскольку в восточной и центральной частях польской языковой территории локализуется употребление *kosić*, то уже по методу исключения для глагола *siec* остается запад названной территории, куда входят Поморье, Велькопольша и, частично, Силезия. Однако это область, где употребление глагола *siec* как термина сенокосения и жатвы, по-видимому, только преобладает над *kosić*, что уже имеет место в говорах Мазовецкого Поморья (см. 1. 1. 1) и, как отметил А. Томашевский, в говоре Лопенно (см. 1. 2. 1, б).

В действительности же глагол *siec* распространен на всем протяжении польского языкового ареала, включая восточную область распространения *kosić*, так что имеет смысл, вероятно, не столько противопоставление *siec* — *kosić*, сколько противопоставление их взаимного количественного соотношения, с одной стороны, в западном, а с другой — в восточном краевых ареалах коренных польских говоров. И, забегая вперед, следует отметить, что предположение о преобладании в западной части говоров глагола *siec* также поддерживается ареалом соответствующего глагола в других западнославянских языках, как употребление *kosić* в области между Бугом и Саном — восточнославянским ареалом.

1. 3. *Возможность польско-литовского семантического сопоставления.* Однако сопоставление семантики глагола *siec* на польской языковой территории и *kirsti* — на литовской (см. 1.

⁴³ A. Tomaszewski, Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce, PKJ, XVI, 1930, стр. 136.

⁴⁴ R. Olesch, Der Wortschatz der Polnischen Mundart von Sankt Anna-berg, I, Berlin, 1958, стр. 88, 322 и др.

⁴⁵ Сообщение М. Шимчака (Варшава).

⁴⁶ Этот и последующие примеры взяты из Картотеки словаря польских говоров (Краков). Подробный перечень пунктов приводится потому, что очень важно установить западную границу (внутренний краевой ареал) распространения *kosić*.

1. 1), несмотря на территориальное соседство языков, очевидно, не может быть проведено непосредственно. Дело в том, что в отличие от *kirsti* в литовском языке глагол *sies* во многих польских говорах, насколько нам известно, обозначает только «косить», тогда как значение «рубить топором» (в тех же говорах) выражается другим глаголом. Например, в д. Смигно (пов. Тарнув, воев. Краков)⁴⁷, д. Гура св. Анны (пов. Стшелец-Опольске, воев. Ополе)⁴⁸.

В связи с этим данные польского языка могут быть сопоставлены с литовскими только через общую славянскую модель «рубить (топором) — косить (косой)», которую можно построить, используя материалы ряда славянских языков.

2. Лужицкие

По данным картотеки для Регионального лужицкого диалектологического атласа, глаголы, образованные от корня **sék-* (верхнелужицкие формы преимущественно *suc*, *sucaś*, нижнелужицкие *sec*, *sekaś*), во всей Лужице, как Верхней, так и Нижней, имеют значение «косить», тогда как значение «рубить» передается глаголом *gubaś/gubaś*⁴⁹. Однако *sucaś/sekaś* имеют, кроме того, значение «zerstampfen mit dem Scharbeisen». Б. Швела в словарной статье о *sekaś* приводит ряд объяснений значения «Hauen, hacken, stampfen, wiegen (Fleisch)», указывая при этом: диал. «*mähēn*» (косить)⁵⁰. В плане связи значений «сечь» и «косить», которые в данном случае объединены в одной лексеме, интересно указать на то, что само название «секача» для картофеля (*Kartoffelstampfer*) помимо таких названий, как *sucaś*, *sekatko*, *sekadlo* и др., имеет в северо-западной части верхнелужицких говоров форму *kosak*, *kosac*⁵¹.

1—2. Лужицкие и польский

Глагол *sekaś/sucaś* заставляет возвратиться к польским говорам. Так же, как и в лужицких языках, в говорах польского языка наряду с глаголом *sies* в значении «косить» употребляется и *siekaś*. Такие примеры отмечены, в частности, на севере Польши, в Мазовецком Поморье (повяты Ольштын, Нидзица,

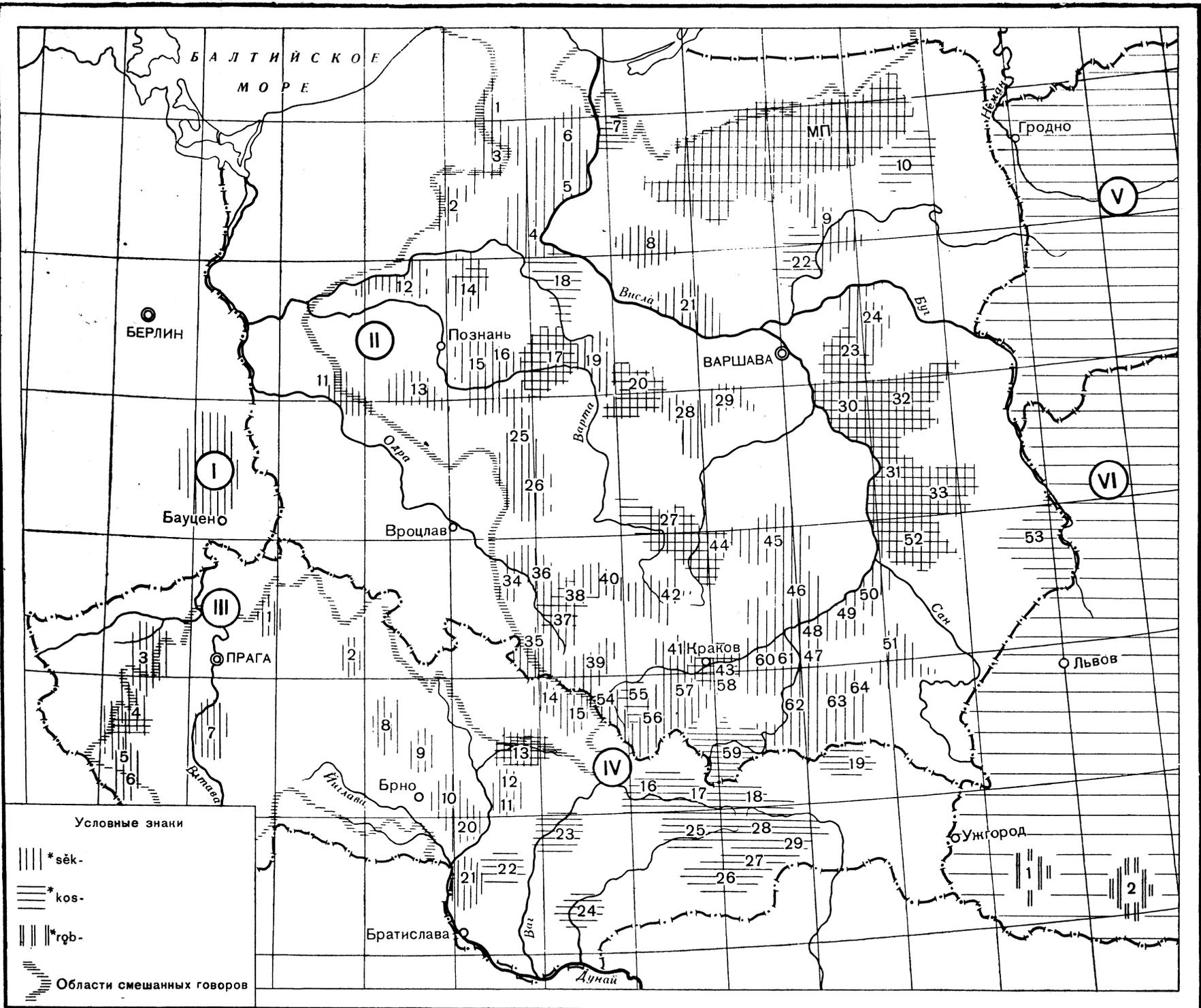
⁴⁷ K. Nitsch, *Wybór...*, стр. 136.

⁴⁸ R. Olesch, указ. соч., стр. 146 и 290.

⁴⁹ Сообщил Ф. Михалк (Бауцен).

⁵⁰ B. Śwjela, *Dolnosorbско-němски slownik*, Budyšin, 1961, стр. 364.

⁵¹ P. Wirth, *Beiträge zum Sorbischen (wendischen) Sprachatlas*, Kartenband, 1, Leipzig, 1933, N 44 *Kartoffelstampfer*.

I Лужицкие
II Польский*

(Цифры указывают соответствующий повят, дальше — населенный пункт и воеводство. Сокращенные наименования см. в конце списка)

Бельско-Бяла 55: Бучковице (Кат.)	Живец 56: (Кр.)	Люблинец 40: Ендрысек (Кат.)	Рыбник 39: Рогув, Погвиздув (Кат.)
Бжезины 28: Редзень-Стары (Л.)	Заверче 42: (Кат.)	Макув-Мазовецки 22: Хлопя-Лонка (В.)	Рыпин 8: Плонне (Быд.)
Бжеско 61: Хажевице (Кр.)	Злотув 2: Свента (Кош.)	Мальборк 7: (Гд.)	Свец 5: Гручно (Быд.)
Бохня 60: Неполомице (Кр.)	Иновроцлав 18: Хелмце (Быд.)	Мелец 49: Борки-Низинске (Ж.)	Скерневице 29: Глухув, Слупя (Л.)
Буско-Здруй 46: Оглендув (Кел.)	Кельце 45: Лончна (Кел.)	Миньск-Мазовецкий 23: Троянув, Клюки (В.)	Срода 15: Ивно, Клещево (П.)
Быдгощ 4: Трыцин (Быд.)	Козле 37: Закшув (Оп.)	Мысленице 58: Венчурка (Кр.)	Старогард 6: Скурч (Гд.)
Бытув 1: Студзенице (Кош.)	Кемпно 26: Семянице (П.)	Новы-Сонч 62: Бжезна-Литач, Свилярско (Кр.)	Стшельце-Опольске 38: Гура св. Анны (Оп.)
Вадовице 57 (Кр.)	Коло 19: Рушкув, Домбровице-Старе (П.)	Новы-Тарг 59: Закопане, Рогозник (Кр.)	Сулехув 11: Хвалим, Старе-Крамско (Зг.)
Венгров 24: Бураковске (В.)	Конни 17: Крамск, Вжезно, Слесин (П.)	Ополе 36: Стшельце, Котуж-Вельки, Вуйтова-Весь (Оп.)	Тарнобжег 50: Воля-Голего (Ж.)
Вжесня 16: Гоздово, Пальчин (П.)	Косьця 13: Кошаново, Копашево (П.)	Остроленка 9: Вах (В.)	Тарнув 47: Йодлувка-Туховска, Залясова, Смигно (Кр.)
Влошова 44: Льгота-Гавронна, Олешно (Кел.)	Краков 43: Тынец, Фацимех, Закопане (Кр.)	Остров-Велькопольски 25: Квяткув (П.)	Хойнице 3: Ольшины, Лесно, Пшытарня, Лонг (Быд.)
Вонгровец 14: Лопенно (П.)	Красник 52: Кшемень (Люб.)	Плоцк 21: Пробошевице (В.)	Хрубешув 53: (Люб.)
Гарволин 30: Жичин, Завады — Унин (В.)	Ленчица 20: Доманевек (Л.)	Пулавы 31: Сток, Голомб, Руды (Люб.)	Хшанув 41: (Кр.)
Глубчице 35: Сулькув (Оп.)	Лукув 32: Лончы, Лещанка, Жджары, Окшея (Люб.)	Радомско 27: Мала-Весь (Л.)	Щешин 54: Козаковице (Кат.)
Горлице 63: Сенкова (Ж.)	Люблин 33: Конопница, Быхавка, Лугув-Ожарув, Кщонув (Люб.)		Чарникув 12: Велень (П.)
Граево 10: (Б.)			Ясло 64: Йодлова (Ж.)
Домброва-Тарновска 48: Самочице (Кр.)			
Жешув 51: Свильча, Хыжне (Ж.)			

Сокращенные наименования

А. Воеводства:

Б. — Белостокское; Быд. — Быдгошское; В. — Варшавское; Гд. — Гданское; Ж. — Жешувское; Зг. — Зеленогорское; Кат. — Катовицкое; Кел. — Келецкое; Кр. — Краковское; Кош. — Кошалинское; Л. — Лодзинское; Люб. — Люблинское; Ол. — Ольштынское; Оп. — Опольское; П. — Познаньское.

Б. Отдельные территории:

МП — Мазовецкое Поморье.

III-IV Чешский и словацкий**

1 Мнхово-Градиште	8 Полюне	15 р. Острица	22 Прьетрж
2 Градец-Кралове	9 Босковице	16 Дольни-Кубин	23 Тренчин
3 Пласи	10 Славков	17 Лучивна	24 р. Житав
4 Пльзень	11 Угерске-Градиште	18 р. Попрад (верховье)	25 р. Брезно
5 Клатови	12 Маленовице	19 Длга-Лука	26-27 р. Римава (верховье)
6 Сушице	13 Валашске-Мезиржичи	20 Киёв	28 Погорела
7 Седльчани	14 р. Опава (низовье)	21 р. Морава (низовье)	29 р. Слана (верховье)

V Белорусский

VI Украинский

1 Долгое, 2 Рахов

* Преимущественно по материалам Картотеки словаря польских говоров (Краков).

** В связи с отсутствием в наших источниках единого принципа локализации говоров (как по населенным пунктам, так и по рекам и т. п.) и трудностями соответствующей унификации, перечень говоров приводится не по алфавиту (ср. 11), а в порядке их нумерации на карте.

Щитно, Пиш — воев. Ольштын)⁵² и на юге, в Малопольше (повяты Мысленице, Новы-Сонч, Бжеско, Домброва-Тарновска — воев. Краков)⁵³. Вместе с тем глагол *siekać* по говорам имеет также и значение «делать сечку (корм для скота)»⁵⁴. Очевидно, в случае польск. *siekać* и лужицк. *sekaś/sykać* можно говорить о совмещении одного из значений глагола «рубить» со значением «косить».

Лужицкий ареал *sec/suc* и западную часть (краевой ареал) общепольского ареала *sies* также следует рассматривать как взаимосвязанные явления. Известно, что в прошлом существовал непосредственный территориальный контакт между нижнелужицкими говорами и польскими говорами Нижней Силезии⁵⁵.

3. Полабский

Несмотря на то, что язык полабских славян является мертвым, его показания могут быть ценными для установления как самого ареала, так и древности изучаемого явления.

Так, в полабских памятниках засвидетельствованы оба интересующие нас значения — «рубить» и «косить»: *draw zetzam* «Holz hauen» и *siele zeck* «Gras mähen»⁵⁶. От этого же корня было образовано и название дятеля *sekrio* (форма род. пад. ед. числа) «*der Korn oder Gras mähet*»⁵⁷, т. е. соответствующий глагол, видимо, должен был употребляться и для обозначения жатвы хлебов. Однако непосредственных указаний на употребление глагола с основой *kos-* нет, хотя П. Рост и приводит форму **k'üösak* «*Mäher*» (*Familienname*)⁵⁸.

4—5. Чешский и словацкий

4—5. 1. Ареалы глаголов *sekati (sici)* и *kositi*. Если рассматривать территорию чешского и словацкого языков в направлении с востока на запад, то первые известные нам местонахождения глагола *sici* в значении «косить сено или хлеб»

⁵² I. Judyska, указ. соч., стр. 30.

⁵³ Картотека словаря польских говоров (Краков).

⁵⁴ Например, в пов. Срем (Велькопольша). Сообщил Т. Скулина (Познань).

⁵⁵ Z. d. Stieber, *Zarys dialektologii...*, стр. 44.

⁵⁶ R. Olesch, *Juglers lüneburgisch-wendisches Wörterbuch*, Köln, Graz, 1962, стр. 135 (нр.), 136 (нр.), 203 (нр.) («*Slavistische Forschungen*», herausgegeben von R. Olesch, 1).

⁵⁷ Там же, стр. 135 (л.).

⁵⁸ P. Rost, *Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen*, Leipzig, 1907, стр. 396.

встречаются только на северо- и юго-западной окраинах словацкой диалектной области, причем наряду с употреблением *kositi* или же по соседству с говорами, где употребляется этот глагол.

Так, на северо-западе, уже в моравско-словацких говорах, которые имеют переходный характер между словацкой и чешской языковыми областями, в одном и том же тексте находится оба глагола: «*A tozme sékli celú ňed'elu..., To zme kosívali dva hony za deň*»⁵⁹.

По-видимому, в этом примере существует различие между глаголами *sékli* и *kosívali* в отношении характера выражаемых ими значений: *kosívali* кажется более конкретным, чем *sékli*. Это напоминает соотношение значений глаголов *riauti* и *šienauti*, отмеченное в ряде литовских говоров (см. I, А, I. 3. 1. 6 и I. 3. 1—2).

К сожалению, мы не имеем возможности входить в рассмотрение этого различия. Во всяком случае оно нам не кажется настолько всеобщим, чтобы это могло воспрепятствовать ареальному сопоставлению обоих глаголов на уровне одного и того же значения.

С другой стороны, на юго-западе словацкого ареала интересующий нас глагол в форме *secit* отмечен в загорском говоре (между Моравой и Малыми Карпатами)⁶⁰, тогда как в соседствующих с ним говорах употребляется глагол *kosit*⁶¹.

Если к этому добавить с чешской стороны восточноляшские говоры, где также отмечено употребление обоих глаголов⁶², и дольские говоры на Мораве, в одном из которых записано *seču trávu*⁶³, то ориентировочная граница между восточным (*kosit*) и западным (*síci*) ареалами проходит по линии (с севера на юг) Одра — среднее течение Бечвы — Моравы, т. е. фактически совпадает с границей между словацкой и чешской языковыми областями.

К западу от этой линии уже обычно употребляется *síci*, например, в непосредственно примыкающих к Мораве ганацких говорах⁶⁴.

Такое ареальное противопоставление, обнаруживающееся на небольшом материале, согласуется с данными чешской диалектологии: «*Kosit trávu, ríci, obílí* является более редким в средней Чехии, но обычно в больших областях Моравии. *Síct trávu,*

⁵⁹ А. Kašík, *Popis a rozbor nářečí středobečevského* (Rozpr. ČAVSU, tř. III, IX, 26), 1908, стр. 133.

⁶⁰ Сообщил К. Палкович (Братислава).

⁶¹ V. Vážný, *Príspevky k štúdiu nářečí Západného Slovenska*, II, SMS, III, 3—4, 1925, стр. 135.

⁶² A. Kellner, *Východolašská nářečí*, I, (MaSN), Brno, 1946, стр. 87 и 199.

⁶³ J. Bělič, *Dolská nářečí na Moravě*, Praha, 1954, стр. 246.

⁶⁴ F. Svěrák, *Boskovické nářečí* (MaSN, 2), Brno, 1941, стр. 80—81; A. Gregor, *Slovník nářečí slavsko-bučovického*, Praha—Brno, 1959, стр. 145.

řící, obilí говорится... в восточной Чехии, на Чешско-Моравской возвышенности, в южной Моравии (sěct), на востоке Моравии и в области Тешина (sec, šic)»⁶⁵. Это же в общих чертах подтверждается схематическими картами к «Словарному вопросу II» (вопрос *kosit obilí*)⁶⁶.

Таким образом, в отличие от польской языковой территории область чешского и словацкого языков в отношении употребления глаголов *sekati* (*síci*) и *kositi* разделяется более четко: восточная часть — ареал *kositi*, западная — *sekati*, *síci*. В связи с наличием такого противопоставления (или во всяком случае однородности в этом смысле словацкой диалектной области) задача сводится к изучению семантических особенностей глаголов *sekati* и *síci* только на западной (чешской) окраине рассматриваемой территории.

4—5. 2. *Глаголы sekati/síci*. В одной из передач так называемого языкового уголка чехословацкого радио говорилось: «Ежегодно во время уборки урожая мы получаем от наших слушателей, особенно из Моравии, письма, выражающие неудовольствие в связи с тем, что в газетах пишут, а по радио почти всегда говорят только о «*sekání*» или «*posekání*» злаков или сена, тогда как у них, дескать, «*se seká*» только топором, например, дерево или мясо...»⁶⁷.

В этих словах — прямая постановка интересующего нас вопроса: в какой степени значения «косить» и «рубить» могут быть совмещены в одной лексеме?

Таким образом, дальнейшая задача исследования заключается в рассмотрении глаголов со значением «рубить» и установлении того, в какой степени они пересекаются с глаголами сенокосения и жатвы.

Если исходить из приведенного выше высказывания, то в Моравии в значении «рубить» употребляется глагол *sekati*. При этом интересно отметить, что для восточной части Моравии отмечается уже не *sekati*, а *gúbat'*⁶⁸ и ареал этого глагола продолжается и дальше на восток — в частности в восточнословацких говорах, в области средне- и восточнословацких диалектов Гемера, Спиша и Земплина⁶⁹. Такое же употребление было

⁶⁵ A. Získal, *Sekati, kositi, síci, žiti*, «Jazykový koutek československého rozhlasu», II, Praha, 1955, стр. 100—101.

⁶⁶ Сообщила Б. Зимова (Прага).

⁶⁷ A. Získal, указ. соч., стр. 100.

⁶⁸ F. Bartoš, *Dialektický slovník moravský*, II, v Praze, 1906, стр. 367.

⁶⁹ A. Kellner, *Východolašská nářečí*, II, Brno, 1949, стр. 106; G. Horák, *Nářečie Pohorelej*, Bratislava, 1955, стр. 222 и др.

известно и в прошлом: *rubati... les, drva*⁷⁰. Правда, в юго-западной части Спиша, например, наряду с глаголом *rubac* употребляется также и *sekac*⁷¹.

Напротив, моравская локализация *sekati* «рубить» подтверждается такими примерами, как «*Kopali r̄ne a sekali oklešku*»⁷², (там же *seču trávu*) и *sekal suky* (там же *sekli votavu*)⁷³.

Было бы заманчиво предположить, что в области чешского и словацкого языков существует ареальное противопоставление глаголов со значением «рубить» (*sekati* — *rubati*), которое в какой-то мере сопутствует противопоставлению глаголов сенокосения и жатвы — *sekati (síci)* — *kositi*, однако ограниченность материала не позволяет этого сделать.

По образованию *sekati* является итеративным глаголом к *síci*. Однако между этими глаголами возникло различие в значении, и в ареальном плане это нашло своё выражение в том, что *sekat* распространено в одних областях (Чехия), а *síci* (в форме — *síct*) — в других (Моравия, чешско-моравское пограничье, чешский юго-запад)⁷⁴.

Об этом разграничении, собственно, идет речь в упомянутом выше письме радиослушателей из Моравии, когда они пишут, что у них «*se seká* только топором», тогда как хлеб или сено «*se seče*»⁷⁵.

В какой степени в говорах чешского языка существует выраженное в различных лексемах противопоставление значений «рубить» и «косить», т. е., с другой стороны, насколько совпадают оба значения в одной лексеме (*sekati* или *síci*) — по нашему материалу сказать нельзя. Однако, по крайней мере в отношении лексемы *sekati*, можно утверждать, что такое совмещение известно, и, помимо прочего, здесь следует указать на пример литературного языка⁷⁶. Таким образом, в данном случае чешский язык составляет, по-видимому, одно целое с лужицкими и польскими языками (см. 1—2). Точно так же, как и в других западнославянских языках, выбор того или иного глагола для выражения значения «косить», вероятно, не зависит от объекта

⁷⁰ V. Važný, *Glossarium bohemoslavicum. Slovník k «Středověkým listům ze Slovenska» s jazykovým rozбором*, v Bratislavě, 1937, стр. 69.

⁷¹ S. Czambel, *Slovenská reč a jej miesto v rodině slovanských jazykov*, I, Turč. Martin, 1906, стр. 586.

⁷² J. Belič, указ. соч., стр. 246.

⁷³ I. Hošek, *Nářečí českomoravské, I. Podřečí polenské* (Rozpr. ČAVSU, tř. III, VIII, 1), v Praze, 1900, стр. 140 и др.

⁷⁴ Сообщила Б. Зимова (Прага).

⁷⁵ A. Získal, указ. соч., стр. 100.

⁷⁶ *Sekati...*=sekerou, kosou... s dříví, maso; s obilí=kosit (Fr. Trávníček, *Slovník jazyka českého*, IV vyd., Praha, 1952, стр. 1382).

кошения — трава (сено) или хлеб. Во всяком случае нам неизвестны попытки предметно-номинального противопоставления этих глаголов (ср. II, А, 1. 1. 2).

1—5. Некоторые выводы

В области западнославянских языков для выражения значения «косить» (сено или хлеб) употребляются глаголы с основами *sěk- и *kos-, первый из которых образует, главным образом, западный ареал всей названной области, второй — восточный. Наиболее четко это разделение обнаруживается на юге — в говорах чешского и словацкого языков.

В большинстве случаев это противопоставление остается только номинальным, т. е. речь идет лишь о различных названиях одних и тех же понятий и, следовательно, ареальное сравнение таких глаголов является вполне оправданным. Однако в некоторых говорах, где известно употребление глаголов от обеих основ *sěk- и *kos-, наблюдается предметно-номинальное различие, и тогда глагол от первой обозначает более древнее понятие — «косить косой траву», тогда как сам глагол *kosить* употребляется для обозначения более нового явления — «косить хлеб, рожь» и даже «косить хлеб машиной». Такое положение отмечено, в частности, в польских говорах. Уже одно это обстоятельство говорит в пользу большей древности (по крайней мере для польской территории) употребления *siec* (*siekać*) по сравнению с *kosić*.

Особый интерес *siec* (*siekać*) как терминов сенокосения и жатвы заключается в том, что оба эти глагола частично совмещают в себе и значение «рубить», например, дерево.

Для глагола *siec* с наибольшей четкостью это отражено в полабском языке, для *siekać* (*sekati* и т. п.) — в чешском. Значения «сечь сечку» и «косить» совмещены в лужицких и польском языках.

Весьма примечательным является то обстоятельство, что сопряженность значений «рубить» и «косить» характеризует именно тот район балтийской языковой области, который непосредственно примыкает к западнославянскому языковому ареалу — юго-западную часть Литвы. Это дает основание говорить об общем балто-западнославянском семантическом ареале, который в настоящее время представлен не в сплошном, а, если можно так выразиться, в «решетчатом» виде.

Балто-западнославянский «решетчатый» семантический ареал, т. е. ареал с разобщенными местонахождениями (совмещенных) в одной лексеме двух значений «рубить» и «косить» в ка-

кой-то своей части, возможно, был «изрешечен» в ходе исторического развития отдельных западнославянских языков и диалектов путем лексемной дифференциации значений «косить» и «рубить», вследствие чего на ряде территорий распались интересующие нас пары семем. Во всяком случае, памятники полабского языка обнаруживают полное сходство с юго-западным ареалом литовского языка, и это может говорить в пользу «изрешечения» первоначально сплошного ареала.

Но нельзя сбрасывать со счетов и другое: возможность изначально «изрешеченного» ареала, в пользу чего могут свидетельствовать другие ареально разобщенные семантические совпадения в этой же группе глаголов сенокосения и жатвы. Ср. семантическую параллель: *svalit obilí* (букв. «свалить хлеб») в чешско-моравской диалектной области⁷⁷ и *labību gāzt* (значение то же) в некоторых говорах латышского языка⁷⁸.

Б. Восточнославянские языки

1. Говоры западной окраины

Уже восточная окраина западнославянского диалектного ареала обнаруживает переход от *sies* (*síci*) к *kosić* (*kosit*), более заметный на юге (Чехословакия), менее — на севере (Польша). Поэтому вовсе не является неожиданным то, что в восточнославянской области и, во всяком случае, на ее западной окраине, смежной с западнославянскими языками, уже не отмечено глаголов, производных от **sěk-* в значении «косить». Так, в белорусском языке глагол «секчы» («сеч», «сякчы», «секці») в отношении «косить» встречается только в особом смысле: «Пойду пасьсекаю ваўчкі тыя у гарóччыку»; «Пассекаю касою, але не як звычайна косячы, а па одним каліве ссякаючы (быльнэг, палын), быццам сякераю»⁷⁹. Очевидно, что это употребление «секчы» в белорусском языке не относится к общему плану рассматриваемого нами явления (предметно-номинальное, а не номинальное противопоставление).

Напротив, употребление глагола *косить* является самым обычным. Так, на северо-западе Волынской области Украины (в непосредственном соседстве с Люблинским воеводством Польши, где отмечено употребление как *kosić*, так и *sies*, см. карту

⁷⁷ Лексикальный архив народного языка (Прага). Сообщила Б. Зимова.

⁷⁸ Салацгрива (материалы диалектологической анкеты среди студентов Латвийского университета), Нигранда (K. Mühlenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*, I, Rīga, 1923, стр. 620).

⁷⁹ Сообщил Ф. М. Янковский (Минск).

№ 4) уже употребляется только *косити*⁸⁰. Тексты, записанные при сборе материалов для атласа западных говоров украинского языка, содержат множество примеров употребления *косити* (*сікти* в этом значении не засвидетельствовано) на всем пограничье украинских говоров с польскими и словацкими⁸¹. К северу от Волыни «косить» записано, в частности, в говорах Брестской (Пружанский р-н)⁸² и Гродненской (Гродненский р-н)⁸³ областей. Такое же положение наблюдается и в тех украинских белорусских и русских говорах, которые соседят с балтийскими языками. Например, в Гродненской (Ивьевский р-н)⁸⁴ и Витебской (Поставский р-н)⁸⁵ областях БССР, в Псковской (Островский и Гдовский р-ны)⁸⁶ области РСФСР.

Таким образом, вся западная окраина восточнославянских языков характеризуется употреблением глагола *косить*, ареал которого частично переходит и в западнославянскую языковую область. Напротив, западнославянский ареал глагола *сечь* (в том же значении), по-видимому, не вклинивается в территорию восточнославянских языков.

2. Материалы памятников

Если западнославянский параллелизм *сечь/косить* на восточнославянской почве из-за отсутствия *сечь* в значении «косить» распадается, то в памятниках русского и украинского языков известен глагол *сѣчи* в необходимом нам значении и, следовательно, можно говорить о параллельном употреблении обоих глаголов.

По материалам Картотеки древнерусского языка⁸⁷ в памятниках встречается как *сѣно сѣчи*, так и *сѣно косити*. Интересно то, что оба варианта стилистически противопоставлены: а) *сѣчи*

⁸⁰ Наблюдения автора (1963). Может показаться, что такая особенность не является особенностью в подлинном смысле этого слова и встречается, по-видимому, на всей территории украинского и других восточнославянских языков. Однако в таком случае для нас тем более необходимо и достаточно обозначить только окраину этого ареала у самой границы с языковой областью западных славян.

⁸¹ Институт общественных наук при Львовском госуниверситете им. И. Я. Франко, Львов (далее — ИОН).

⁸² Хрестаматыя на беларускай дыялекталогіі, Выд-ва АН БССР, Мінск, 1962, стр. 281.

⁸³ Там же, стр. 136.

⁸⁴ Там же, стр. 133.

⁸⁵ Там же, стр. 48.

⁸⁶ Тексты к атласу северо-западных говоров русского языка.

⁸⁷ Приводимые ниже примеры с указанием источников взяты из названной картотеки (Институт русского языка АН СССР, Москва).

характеризует высокий стиль житий, бесед, слов и др. церковно-дидактической литературы, тогда как б) в приходно-расходных книгах монастырей пишется *косити*:

а) «...ини же сѣно сѣкутъ и агныцы кормятъ»⁸⁸. «Гдѣ юность? Гдѣ очи красныя и зракъ наш? Все изше, яко сѣно, и яко трава посѣчена бысть»⁸⁹.

б) «сѣна косити»⁹⁰; «сѣно косити»⁹¹.

Эта же вариантность бывает свойственной и языку отдельных памятников. Так, в «Девгениевом деянии» XII—XIII вв. по списку XVIII в. параллельно встречаются *сечь* и *косить*:

«яко добры жнецъ траву сечеть»⁹²; «яко добрыя косцы траву косити»⁹³.

Правда, необходимо указать и на случаи разговорно-обиходного употребления глагола *сѣчь* в значении «косить»: «и та де пустошь по се число не сечена»⁹⁴. Ср. «А за ростъ Геронтыю ту пустошь Лукинскую косити»⁹⁵. Аналогичный пример отмечен и в памятниках украинского языка: «А што ъмы казалъ сѣна насѣчи досыть»⁹⁶. Однако, как правило, глагол *сѣчь* в памятниках обиходного характера употребляется в других значениях, например, «рубить» (лес, дрова):

«лугъ косити и лѣсъ сѣчи» (109), «и сѣно косити и лѣсъ сѣчи» (664)⁹⁷.

Таким образом, в памятниках русского языка различие между глаголами *сѣчи* и *косити* носит стилистический характер, которое является, по-видимому, основным (церковная литература), но не единственным, и по крайней мере в двух случаях (памятники русского и украинского языков) употребление гла-

⁸⁸ Памятники древнерусской церковно-учительской литературы, III, Изд-во журнала «Странник», СПб., 1894—1897, стр. 93 (XIV в.). Такой же контекст: «Пролог мартовской половины года» XV в., л. 7 (рукопись БАН 4. 9. 31), «Измарагд», 87 (рукопись БАН XVI в., 13. 2. 7 (Яц. 7) XIV—XV вв., сп. XVI в.

⁸⁹ Аввакум, Книга бесед (РИБ, т. 39, стлб. 353).

⁹⁰ Болдин-Дорогобужский монастырь, книги расходные 1585—1589 гг. (РИБ, т. 37, стлб. 68).

⁹¹ Книги приходные Александро-Свирского монастыря, 1615—1631 гг., № 160, л. 16 (рукопись).

⁹² М. Сперанский, Девгениево деяние, Пг., 1922, стр. 147.

⁹³ Там же, стр. 150.

⁹⁴ Книги тульских и каширских заводов. Крепостная мануфактура в России, I, Л., 1930, стр. 28.

⁹⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России..., т. II, СПб., 1864, 5.

⁹⁶ В. Розов, Українські грамоти, I, К., 1928, № 18, стр. 35. Приводится по Картотеке исторического словаря украинского языка (ИОН).

⁹⁷ Писцовая книга по Пскову и его пригородам XVI в., М., 1913, т. 5, стр. 109; Грамоты Важского уезда XV—XVII вв., Сб. грамот коллегии экономии, т. II, Л., 1929, стлб. 664.

гола *сѣчи* стилистически нейтрально. Это говорит о том, что можно предполагать существование в прошлом диалектной основы такого словоупотребления и в области восточнославянских языков, тогда как использование глагола *сѣчи* в «высоком стиле» должно указывать на его южнославянское происхождение. Очевидно, этот глагол входил в различные языковые подсистемы и потому суммировать одно с другим не представляется возможным.

И все же, отвлекаясь от соотношения *сѣчи* — *косити* и сосредотачивая внимание на самом глаголе *сѣчи*, нельзя не отметить двух его весьма знаменательных особенностей:

1) в се засвидетельствованные случаи употребления *сѣчи* относятся только к сенокосу, и нет ни одного примера, где бы этот глагол обозначал «косить хлеб». Это подтверждает предположение относительно более архаического значения *kirsti* («косить сено, траву») — в литовском языке и аналогичного значения *sies* в ряде говоров польского языка.

2) Употребление в живой речи глагола *сѣчи* в значении «рубить дерево», с одной стороны, и несомненное употребление этого же глагола в значении «косить сено» — с другой, несмотря на отсутствие указаний относительно территориальной совмещенности обоих значений, позволяет поставить в один ряд древнерусское *сѣчи* и полабское **sěk-* (не говоря уже о литовском *kirsti*) и таким образом реконструировать общие размеры ныне «решетчатого» семантического ареала в области балтийских и славянских языков.

3. Буковинские и закарпатские говоры украинского языка

3. 1. Глагол *рубати* со значением «резать» в буковинских говорах. В статье о географии слов украинского разговорного языка Г. Наконечна пишет: «Буковинцев можно узнать по тому, что они хлеб *рубать* (*rubajuť*), а не *крають* (*krajuť*)... Здесь немецкое влияние оставило после себя не только лексикальные, но также семантические и синтаксические следы»⁹⁸. С таким утверждением автора нельзя согласиться, причем с точки зрения именно «географии слов», о которой пишет сама Г. Наконечна.

Действительно, в буковинских говорах украинского языка одним из значений глагола *рубати* выступает «резать»: «Това-

⁹⁸ Н. Nakonetschna, Wortgeographie der ukrainischen Umgangssprache, WdS, VIII, 2, 1963, стр. 126.

ришу продавец, *відрубайте* мен'і цей кавалок (тканини)»; «Йакус косту признали, *рубати* треба»⁹⁹. С такой же семантикой глагол *рубати* употребляется, по данным словарей Е. Желеховского и И. О. Дзензелевского, в приднестровских и карпатских говорах¹⁰⁰.

Однако ареал данного явления не ограничивается окраинной частью юго-западных диалектов украинского языка, а распространяется и на словацкую языковую территорию, в частности на тесно связанные с закарпатскими восточнословацкие говоры Земплина. Так, в с. Поздишовце записано: «Pital'i s'e ran ho, c'i bi vun ňeznal žilu rubac, žebi dal'i svojej žeňe kreč spus'c'ic, bo je bar zľa»¹⁰¹.

Ср. точное соответствие этому в одном из рукописных памятников литовского языка XVIII в.: *Gyslą kirsti*¹⁰² (буквально: «жилу рубить») «пускать кровь».

Более того, и в самом немецком языке аналогичное семантическое явление известно как диалектное: «В швейцарском и эльзасском диалекте *haen* употребляется также для «schneiden», например *ein Stück Brod, Käs abhauen*, что уже отметил Гете в одном из писем к Софи фон Лярош»¹⁰³.

Таким образом, буковинское *рубати* «резать» представляет собой не изолированное явление, где еще могла бы идти речь о заимствовании, а целый словацко-украинский ареал, и совпадение с литовским или немецким в силу отсутствия непосредственных территориальных связей является только примером семантической типологии.

3.1.1. «Рубить», «косить» в ряду других значений. Термины *рубить* и *косить* являются только частью целой семантической группы глаголов с широким набором значений типа «рубить» или «резать», в пределах которой значения «рубить топором» и «косить косой» не кажутся резко противопоставленными друг другу. Вместе с тем именно недифференцированность значений глагола *рубати* в буковинских говорах позволяет предполагать, что в этой же диалектной области возможно и значение «косить», хотя непосредственными свидетельствами такого употребления мы не располагаем.

⁹⁹ В. А. Прокопенко, Про дієслівну лексику буковинських говірок. «Праці Х республіканської діалектологічної наради», Вид-во АН УРСР, К., 1961, стр. 57.

¹⁰⁰ Там же, стр. 98.

¹⁰¹ J. Fedák, Nářečové texty zo Zemplína, SMS, 1938—1939, 1—2, стр. 136.

¹⁰² Lietuvių kalbos žodynas, V, Vilnius, 1959, стр. 855.

¹⁰³ P. Kretschmer, Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache, Göttingen, 1918, стр. 234.

В связи с изложенным выше нельзя называть значения «резать» и «стричь» в глаголе *рубати* «дополнительными»¹⁰⁴ (очевидно, по отношению к значению «рубить», которое в сравнении с украинским литературным языком считается, таким образом, основным). Как раз наличие этих, так называемых дополнительных значений и говорит об общем семантически недифференцированном и неспециализированном значении лексемы *рубати*, так что и семема «рубить» в отличие от литературного языка выражается только в результате контекстуальной конкретизации этого общего комплекса, также как и значения «резать» или «стричь», в отношении которых она не имеет никаких преимуществ. Ср. высказывание Г. Якобсона по поводу различия семем «резать» (couper) и «бить» (frapper) в балто-славянском корне *temp- «эти различия в значении содержатся не в самом глаголе, а зависят от инструмента, с помощью которого совершается действие»¹⁰⁵, и к этому необходимо добавить — от объекта, на который направлено действие.

3. 2. Глагол *рубати* со значением «косить» в закарпатских говорах. Как уже упоминалось (см. 3. 1), в закарпатских говорах украинского языка встречаются те же значения глагола *рубати*, что и в говорах Буковины («резать», «стричь»). Однако в отличие от последних в украинских говорах Закарпатья зафиксировано и значение «косить».

Глагол «рубати» в значении «косить» (траву) широко употребляется в гуцульских говорах Раховщины (села: Росошка, Косовская Поляна, Рахов, Богдан, Ясиня и др.). Например: «Ити би мало понадити косу, бо дуже йякос³ зачала т'ажшко *рубати*»; «Май файно с'а трава *рубайе* рано, з росов, а йяк с'а запече, та така йяк дріт» (Росошка). «Семантика слова *рубати* в значенні «косити траву» змінна. В деяких випадках, залежно від обставини, ... (вона) повністю збігається з поняттям «косити», а в інших має трохи емоційне забарвлення, і тоді *косити* — звичайне, а *рубати* — більш напружене, жвавіше... Якщо йде мова про спроможність коси до кошення, то слово *рубати*... є єдиним словом у говірці села...»¹⁰⁶.

3. 2. 1. Соотношение *рубати* («косить») и *косити*. Очевидно, как и в случае древнерусского *сѣчи*, глагол *рубати* в закарпатских говорах украинского языка также принадлежит к различным подсистемам языка, что уже относится к предметно-номинальному противопоставлению, которое само по себе не может быть рассмотрено в одной ареальной плоскости. Помимо стиливых различий (нейтральный — *косити*, эмоциональный — *рубати*, что параллельно древнерусскому противопоставлению *косити* — *сѣчи*), здесь следует подчеркнуть также возможность употребления глагола *рубати* в более общем значении по сравне-

¹⁰⁴ В. А. Прокопенко, указ. соч., стр. 97.

¹⁰⁵ G. Jakobsson, L'histoire d'un groupe de mots balto-slaves..., стр. 26.

¹⁰⁶ Сообщил Н. А. Грицак (Ужгород).

нию с глаголом *косити* (ср. аналогичные взаимоотношения в примере из моравско-словацких говоров. А, 4—5. 1). Однако абсолютная синонимичность обоих глаголов как терминов сенокосения и жатвы скорее возможна в различных говорах, чем в одном и том же.

Глагол *рубати*, употребляясь в значении «косить», частично сохраняет общий характер своей семантики. В пределах одного говора, разумеется, не существует ареального противопоставления, и если в других говорах употребляется только один термин, скажем, *косити*, то он содержит в себе как более абстрактное («косить вообще»), так и конкретное («косить что-либо») значения. Таким образом, если взять, например, украинские говоры Волины, с одной стороны, и Закарпатья — с другой, то на одном уровне более общего значения противопоставление между ними существует: *косити* — *рубати*, на более конкретном — нет: *косити* — *косити*.

Поскольку все же абсолютной поляризации значений глаголов *рубати* и *косити* нет и значение первого в некоторых случаях полностью совпадает с понятием «косить» (см. выше) в пределах самих закарпатских говоров, то данные этих говоров должны рассматриваться в одной ареальной проекции с говорами других славянских, а также балтийских языков. При этом следует подчеркнуть, что различие корневых морфем (**sěk-* и **rQb-*) является в данном случае не столь существенным, поскольку речь идет о сопоставлении на семантическом уровне.

1—3. Некоторые выводы

Восточнославянские языки, в частности их западные области, образуют одно целое с восточным ареалом западнославянских языков в отношении употребления глагола *косить* в значении «косить (сено или хлеб)». Что же касается основы **sěk-*, характеризующей западный ареал западнославянских языков, то в языковой области восточных славян употребление ее в значении «косить косой сено (траву)» известно только в памятниках. В них отражены те же самые значения глагола *сѣчи*, какие имел соответствующий глагол в полабском языке, что говорит в пользу древности общего западно- и восточнославянского ареала исследуемого явления, в наиболее чистом виде сохранившегося в настоящее время только в западной части западнославянских языков.

На крайнем юго-западе восточнославянской языковой территории в значении «косить» известен другой глагол — *рубати*, который в пределах нашего материала не имеет точного соот-

ветствия в западнославянских языках. Факт существования этого глагола ставит в более четком виде вопрос о типологии соотношения значений «рубить» и «косить», поскольку повторение семантических связей в другой лексеме в пределах одной и той же группы языков отодвигает на второй план само лексическое выражение: это является необходимой предпосылкой для сравнения соответствующих явлений в различных языках, в данном случае — балтийских и славянских.

В. Южнославянские языки

1. Глагол *сечь*

1. 1. *Словенский.* Глагол *сечь* в значении «косить» отмечается в окраинных районах северо-западной области словенского языка. Так, в говорах, расположенных по верхнему течению р. Тера (Торре), уже в Северо-Восточной Италии записано *e-sjěku šěpo*¹⁰⁷; ср. *sjěki s̑kiŋu*¹⁰⁸ (оба примера из с. Брезье). Такое же однолексемное выражение значений «косить» и «рубить» зафиксировано в текстах из Седиле¹⁰⁹. Выражение «сечь сено» (в соответствующей фонетической модификации) встречается также в записях из населенных пунктов: Вискорша, Карнахта, Музец, Флайпана, Мажароли¹¹⁰.

По соседству с терскими говорами в резьянском диалекте засвидетельствован тот же самый глагол (с основой **sěk-*) в значении «косить». Это относится к населенным пунктам: Била, Липовац, Раванца, Нива, Осояне¹¹¹. По сравнению с терскими текстами новым в материалах по резьянскому диалекту является то, что здесь уже есть и пример употребления **sěk-* в значении «косить» хлеб»¹¹².

Наконец, к востоку от Резьи и Тера глагол от **sěk-* употребляется в словенских говорах долины Бохинской Савы¹¹³.

¹⁰⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии, СПб., 1904, стр. 18.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же, стр. 126 и 131.

¹¹⁰ Там же, см. соответственно стр. 53, 83, 99, 114 и 165. О положении этих говоров к лету 1945 см. А. Сгоня, Contributi alla dialettologia slovena, SR, III, 3—4, 1950, стр. 322—323.

¹¹¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты, СПб., 1895, стр. 20, 33, 45, 169, 297.

¹¹² Там же, стр. 35.

¹¹³ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Бохинско-посавский говор, «Известия Казанского университета», 1877 (оттиск, стр. 129—206), стр. 142.

Надо сказать, что все три района (долины Тера, Резьи и Бохинской Савы) находятся на северо-западе словенской языковой территории, который отличается консервативными языковыми формами и множеством архаических черт¹¹⁴ — указание, которое должно быть принято во внимание при общей характеристике исследуемого явления.

1. 2. *Сербскохорватский*. На территории сербскохорватского языка употребление глагола *сећи* известно нам по двум примерам из говоров района г. Зренянина (Банат): «Са српом секу жито» (Фаркаждин) и «секли срповима» (Бока)¹¹⁵. В северо-западной Хорватии в значении «косить» употребляется также глагол *sijekati*¹¹⁶.

По поводу примера из Фаркаждина Павле Ивич, записавший его в 1948 г., сообщает: «В этом месте крестьянин, мой информатор, рассказывает о том, что он видел, странствуя... по России. В связи с этим он как необычное упоминает, что в какой-то местности «*sa srpom seku žito*». Между тем, в Банате традиционный способ жатвы — кошение косой. Разумеется, из этого примера нельзя заключать, что *сећи* является стандартным глаголом, который означает жатву ржи в Банате»¹¹⁷.

Однако для нас в данном случае имеет значение только то, что информатор употребляет само выражение «сечь» (хлеб), и, следовательно, независимо от всех прочих условий, такое словосочетание в какой-то мере известно говору. Это же подтверждается и примером из говора Боки (см. выше).

Отчасти, в пользу употребления рассматриваемого глагола как термина жатвы может свидетельствовать и сербский говор Карашовы (румынская часть Баната), в котором в качестве названия «жатвы» употребляется слово *sićeće*¹¹⁸, хотя для названия самого процесса здесь используется глагол *косить*¹¹⁹. (Ср. аналогичное положение в говорах Мазовецкого Поморья — II, А, 1. 2. 1).

Таким образом, сербские говоры Баната в отношении употребления глагола *сећи* можно рассматривать в одной ареальной плоскости с северо-западными говорами словенского языка. Единственной оговорки здесь требует то, что в обоих примерах речь идет о серпе, а не косе. Однако здесь в качестве аналогии следует сослаться на те польские говоры, где сохраняется упо-

¹¹⁴ F. Ramovš, *Dialektološka karta slovenskega jezika*, (Ljubljana), 1931, стр. 64.

¹¹⁵ М. Ивич, *Значења српскохорватског инструментала и њихов развој* (синтаксичко-семантичка студија), Београд, 1954, стр. 230.

¹¹⁶ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti), XIV, Zagreb, 1955, стр. 915.

¹¹⁷ Письменное сообщение П. Ивича (Нови-Сад).

¹¹⁸ *Atlasul lingvistic român, serie nouă, I*, 1956, карта 48, пункт № 25.

¹¹⁹ Там же, карта 124, пункт тот же.

требление *siēs* в значении резания травы серпом (см. II, А, 1. 1. 2). С другой стороны, можно указать и пример, где серпом косят, как это отмечено, например, в северо-западных говорах болгарского языка: «...се укуси нивата със сърпа»¹²⁰. Нельзя не подчеркнуть, что оба примера употребления *seći* зафиксированы в говорах Баната — окраинной области сербско-хорватской языковой территории.

В ответ на вопрос об употреблении глагола *seći* в значении «косить (косой)», например, траву, жать рожь» в говорах сербскохорватского языка П. Ивич провел анкету среди своих студентов в университете г. Нови-Сад. «Ни один из моих студентов, — пишет П. Ивич, — не подтвердил, чтобы глагол *seći* мог употребляться в значении... «косить (косой)», например, траву, жать рожь». Значительное число студентов заявило, между тем, что этот глагол употребляется в значении «*seći* кукурузу»¹²¹.

Эти примеры могут быть надежным свидетельством употребления глагола *seći* в значении «рубить». Любопытно отметить, что в трех из пяти, приведенных П. Ивичем, случаев говоры, которым свойственно употребление глагола *seći*, также занимают окраинное положение (Далмация, Меджумурье, Бачка)¹²².

Что же касается глагола *sijekati* (*sjekati*), то по значению он равен польскому *siekać*¹²³, так что его выступление в значении «косить» тождественно соответствующему явлению в лужицких и польских говорах (см. II, А, 1—2). Ср. также *sekati* «рубить» в словенском: «*Ne pustim ti sekati drv*»¹²⁴.

1. 3. *Болгарский*. Глагол от корня **sěk-* («косить») встречается в записях фольклора на территории западноболгарских говоров. Так, в с. Суходол (р-н Софии) записано: «Фала мале, леле остарела Да си идеш у росно ливад'е Да *насечеш* сека йака тревка»¹²⁵.

В фольклорных материалах из Граово встречается оборот «сече турци като коса трева»¹²⁶, тогда как в другом случае вместо *сече* употребляется *коси*¹²⁷. Ср. такой же параллелизм в аналогичном контексте в «Девгениевом деянии» (см. Б, 2).

Наконец, на крайнем юго-западе Болгарии искомый глагол найден нами и в прозаическом тексте: «Разгеле, некако ко-

¹²⁰ Ц. Тодоров, Северозападните български говори, СБНУН, ХLI, 1936, стр. 450

¹²¹ Письменное сообщение П. Ивича.

¹²² Там же.

¹²³ V. Frančić, Słownik serbochorwacko-polski, II, Warszawa, 1959, стр. 817.

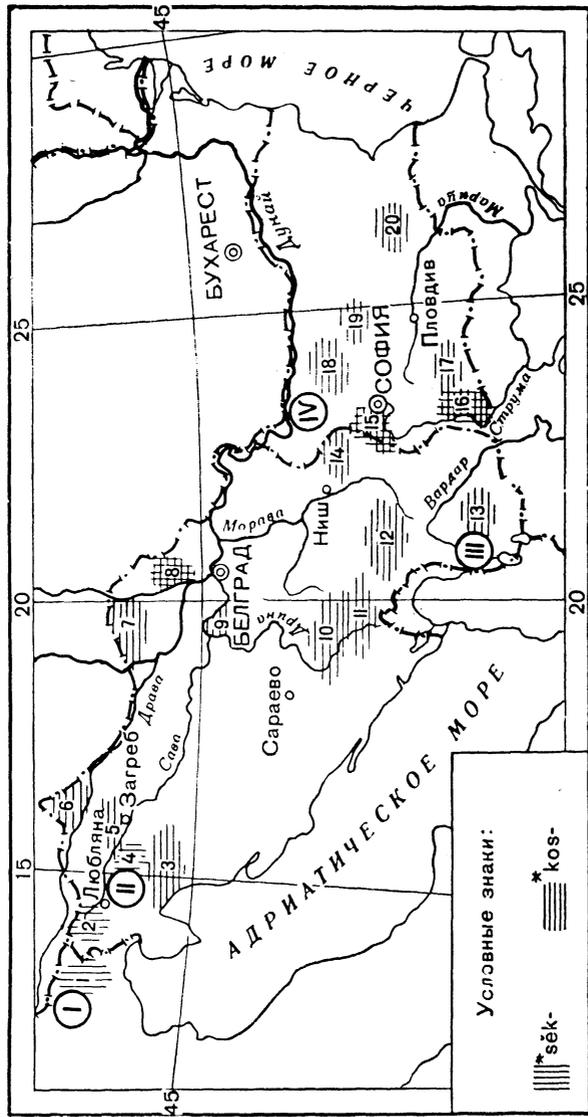
¹²⁴ А. Вайес, R. Kolarič, M. Rupel, Slovenska slovnica, Ljubljana, 1956, стр. 231.

¹²⁵ СБНУН, ХLIII, стр. 289. Сообщил М. Младенов (София).

¹²⁶ А. Мартинов, Народописни материали от Граово, СБНУН, ХLIX, 1958, стр. 65.

¹²⁷ Там же, стр. 126.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ ТИПА «СЕЧЬ КОСИТЬ» СЕНО (ХЛЕБ)» В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

- Условные знаки:
- *sëk- (vertical lines)
  - *kos- (horizontal lines)
- I Словенский, II Сербскохорватский, III Македонский, IV Болгарский
 1 рр. Рева и Тер (Торре)
 2 р. Сава (верховья)
 3 Равна-Гора (р-н Риека)
 4 Северо-западная Хорватия
 5 Крапина (р-н)
 6 Прекомурье, Мурска-Собота (р-н)
 7 Бачка
 8 Бока и Фаркажин (р-н Зре-
 нянин)
 9 Мачва
 10 Плевля (р-н)
 11 Центральная и восточная Чер-
 ногория
 12 Печ (р-н)
 13 Кичево (р-н Охрид)
 14 Сврлик (р-н Ниш)
 15 Граово
 16 Друхомир (Пиянец)
 17 Разлог
 18 Габаре (Бяла-Слатина)
 19 Тегевен
 20 Тополовград

сáчо си изгубил брусто, а косата не *секла*, та поискал брусто-вето от тое човек» (с. Друхомир)¹²⁸.

Вместе с тем глагол *сечь* в говорах болгарского языка имеет значение «рубить (топором)». Как на иллюстрацию к сказанному можно сослаться на те же материалы из Граово¹²⁹. Интересно отметить, что наряду с глаголом *сечь* в одном и том же говоре употребляется и глагол *рубить*: «Изравням *отсечен* труп»¹³⁰, «*насечи* дърва»¹³¹. Ср. «вие там *рубите* трупове»¹³².

Нельзя ли поставить в связь распространение *рубить*, с одной стороны, и *косить* — с другой? Ср. область чешского и словацкого языков (А, 4—5. 2).

Несмотря на то, что диалектологическая ценность фольклорных материалов (в особенности стихотворных) не является достаточно убедительной, сама локализация рассмотренных примеров употребления *сечь* = «*косить*» (западная окраина Болгарии) представляет собой интересную аналогию к окраинному местонахождению соответствующего явления в сербскохорватском и словенском языках.

2. Соотношение глаголов *сечь* и *косить*

В отличие от *сечь* глагол *косить* как термин сенокосения и жатвы представляет собой в области южнославянских языков массовое явление (см. карту № 5). Даже в тех случаях, когда в говорах зарегистрировано употребление глагола **sěk-*, одновременно указывается и глагол *косить*. Так, в Фаркаждине и Боке наряду с приведенными выше примерами использования глагола *seći* отмечаются также примеры «косом *се коси*» (Фаркаждин), «ни *се косило* машином» (Бока). Относительно предметно-номинального противопоставления см. выше II, В, 1. 2. Ср. в польском «косить машиной» II, А, 1. 1. 2). Точно так же вместе с *косить* употребляется глагол *сечь* и в отмеченных примерах из Западной Болгарии, и только на северо-западной окраине словенской языковой территории употребление *косить* как будто бы не отмечено (судя по текстам И. А. Бодуэна де Куртенэ) и, следовательно, только благодаря этому району можно говорить о собственно ареальном противопоставлении

¹²⁸ И. Захариев, Пянец. Земля и население, СБНУН, XLV, 1949, стр. 386.

¹²⁹ А. Мартинов, указ. соч., стр. 400.

¹³⁰ Д. и К. Молерови, Народописни материали от Разложко, СБНУН, XLVIII, 1954, стр. 519.

¹³¹ Там же, стр. 521.

¹³² Там же, стр. 519.

глаголов *sěk- и *kos- в области южнославянских языков. Очевидно, именно на территории словенского языка надо искать область, которая подобно Моравии на территории чешских и словацких диалектов была бы переходной зоной от *сечь* к *косить*: ср. в литературном словенском языке глагол *kositi* представляет собой обычное явление. В остальных случаях речь должна идти скорее об отдельных островках глагола *sěk-, расположенных в пределах ареала глагола *косить*.

Отличительной особенностью этих островков является их окраинное положение: в болгарском — запад и юго-запад, в сербскохорватском — северо-восток и северо-запад, в словенском — северо-запад. Если отвлечься от деления южнославянской языковой области на территории отдельных языков и посмотреть на нее в целом, то в какой-то мере перед нами возникнет в общих чертах та же картина, которую мы наблюдали в области западнославянских языков: крайний восток (болгарский) — *косить*, крайний запад (северо-западные говоры словенского языка) — *сечь*. В промежутке между этими полюсами — говоры Западной Болгарии и северо-восточной Сербии с их смешанным (*косить* и *сечь*) типом.

Однако это только тенденции в ориентировании обоих явлений. Что же касается их ареального соотношения (*сечь* и *косить*), то ввиду подавляющего, как нам кажется, преобладания *косить* над *сечь* область южнославянских языков напоминает скорее не западно-, а восточнославянские языки.

1—II. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В балтийских и славянских языках глагол *рубить* (*сечь*) имеет не только значение «косить», но и более широкое «резать» вообще, и только уже как специализация этого «резать» выступает значение «косить». Так, если литовское *riauti* имеет как широкое («резать» вообще), так и узкое («косить», «жать») значение, то в латышском *rīaut* значит только «косить», «жать», тогда как общее значение «резать» носит другая лексема *griezti*.

Вместо глагола *резать* (в значении «резать косой») в славянских языках, как правило, употребляется специальный односемейный термин *косить*. Односемейная специализация одной лексемы (как *rīaut* в латышском) обычно указывает и на односемейный характер другой лексемы: *cirst* в латышском, *косить*, *рубить* в восточнославянских языках. Напротив, широкое значение одной лексемы (*riauti* в литовском) предполагает и широту значения другой лексемы: литовское *kirsti* «рубить»

и «косить». Такой же «литовский» тип встречается, например, в словенском литературном языке и его говорах, где *sečь* обозначает как «рубить (топором)», так и «косить (косой)», а *rezati* значит «резать (ножом)» и «косить (косой)».

Ареал *sečь, рубить* в значении «косить» охватывает юго-запад балтийской территории, юго-западную окраину восточнославянской языковой области, западную часть западнославянских языков, западную окраину болгарского, далее на север сербские говоры Баната, северо-запад Хорватии и северо-западные говоры словенского языка. Этому ареалу соответственно противостоит другой ареал *kositi* или же в некоторых случаях *rezati* в значении «косить» и пр. Следовательно, всю область балтийских и славянских языков в общих чертах можно считать разделенной на два ареала: западный и юго-восточный. Такое деление оказывается принципиально очень важным с точки зрения положения балто-славянского языкового континента и его межконтинентальных связей. Так, ареал *sečь, «косить»* продолжается и дальше на запад, уже в области немецкого языка. С другой стороны, юго-восточный ареал с его более конкретным, образованным от названия орудия специальным термином «косить», как по своему географическому положению, так и по семантическому типу рассматриваемого явления примыкает к неиндоевропейским языкам (имеются в виду финно-угорские и тюркские), в которых, согласно К. Баку, «нет общего слова для cut, а только специальные слова, соответствующие используемому инструменту или объекту (этого действия)» (см. выше).

Данные памятников, а также положение (окраинность) и форма (разобщенность) западного ареала, по-видимому, могут служить свидетельством в пользу его большей древности¹³³ по сравнению с юго-восточным, который обнаруживает тенденцию к расширению за счет первого.

В пользу такого предположения должен говорить и семантический характер явления. Согласно мнению В. Мейер-Любке, В. Вартбурга и др., к которому присоединяется и Г. Якобсон, значение «сорег» («резать») является только специализацией

¹³³ Ср. высказывание В. Пизани относительно «норм ареалов» М. Бартоли: «Я хотел проверить реальность и приложимость отдельных норм вообще и в частности для изучения индоевропейского языка и пришел к выводу, что только свидетельство «боковых ареалов» (*aree laterali*). — я бы сказал, «ареалов, отделенных друг от друга», — может служить решающим доказательством большей древности заключенных в их границах языковых явлений, в противоположность явлениям, находящимся в пределах границ «центрального ареала» (В. Пизани, *Общее и индоевропейское языкознание*, сб. «Общее и индоевропейское языкознание», Изд-во иностр. лит., М., 1956, стр. 114).

значения «гаррег» («бить»), из которого оно развилось¹³⁴. Это же самое, внося соответствующие изменения, можно сказать и о развитии значения «косить» по отношению к «рубить».

Поскольку рассмотренное семантическое явление в какой-то степени связано с этнографией, в методологическом плане представляется весьма важным сопоставление нашего западного, более древнего ареала с соответствующими ареалами этнографических явлений. К. Мошинский в своей посмертно изданной работе о методах исследования материальной культуры праславян высказывает интересную мысль об интерпретации «западных» ареалов (которую следует привести полностью):

«Особого упоминания заслуживают случаи, когда на основе общего распространения данного явления, принадлежащего ныне материальной культуре славян, мы можем с большей или меньшей смелостью высказать предположение, что оно является у них чем-то более новым, заимствованным от соседей, а не унаследованным от праславянских предков... я хотел бы подчеркнуть, что в этой связи следует обратить пристальное внимание между прочим на те явления материальной культуры, охваты которых образуют два или три «крыла», представленные таким образом, что одно из них входит на славянский восток через север, минуя Полесье и более глубокую Белоруссию, а также не охватывая коренной Великороссии, другое — растягивается на Западную Украину либо западную и дальнейшую, а третье — если оно вообще существует — охватывает северо-запад балканских славян. Поскольку явление, выступающее на таком ареале, оказывается теперь или было раньше общеизвестным в центральной внеславянской Европе, можно быть уверенным, что оттуда оно пришло к славянам и что оно не унаследовано от их праславянских предков»¹³⁵.

Как видим, указанный К. Мошинским ареал с небольшими изменениями (вхождение «на славянский восток через север» заменяется областью литовского языка) полностью совпадает с западным балто-славянским ареалом употребления глагола *рубить* — *sech* в значении «косить». Однако, несмотря на общность этого явления с «центральной внеславянской Европой» (ср., в частности, данные немецкого языка), вряд ли можно говорить о семантическом заимствовании, точно так же, как и об относительной новизне этого явления. Речь должна идти только об ареальной семантической типологии, объяснение которой находится пока вне наших возможностей. Нельзя при этом упускать из виду, что установленный таким образом за-

¹³⁴ G. Jacobsson, указ. соч., стр. 26.

¹³⁵ K. Moszyński, O sposobach badania kultury..., стр. 26—27.

падный балто-славянский ареал является «решетчатым», ареалом со многими лакунами и, только отвлекаясь от многих частностей, можно говорить об общих тенденциях в ориентации интересующего нас явления.

Возвращаясь к идее балто-славянского лингвистического атласа, можно сказать, что выражение значения «косить (жать) сено (хлеб)» несомненно могло бы войти в его программу.

При этом связь балто-славянского семантического ареала с соответствующим явлением немецкого языка говорит о том, что в теоретической подготовке БСЛА, также как и при обсуждении проблем ОЛА, вопрос о включении небалто-славянских территорий в область атласа будет иметь немаловажное значение. И это значение тем более возрастет, чем большую типологическую направленность будет носить предполагаемый атлас.

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. БАЛТИЙСКИЕ И НЕСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

«Можно ли в романском языкознании разрешить все вопросы (не говоря уже, разумеется, о необходимости обоснования разного рода чуждых влияний), не выходя за пределы романских языков? Полагаю, что нет».

(Г. Шухардт, Заметки о языке, мышлении и общем языкознании).

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА В КОНСТРУКЦИИ ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИЯ

(Конструкция типа *кончает исчезать*)

1. Глаголы аннигиляции в составе конструкции окончания действия

(Аннигилятивная конструкция)

1. 0. *Предварительные замечания.* В различных языках по семантическому признаку можно выделить группу глаголов со значением исчезновения субъекта или уничтожения объекта действия¹. Эта общность не остается только на семантическом, но может быть реализованной и на грамматическом уровне. Так, М. М. Гухман, анализируя лексический состав готских глаголов IV класса на *-pan*, пишет: «Для семантической структуры всего IV класса показательным являлось наличие подгрупп глаголов, почти синонимов, обозначающих одни и те же или сходные процессы. Таковы глаголы, обозначающие смерть, гибель... потерю дара речи или зрения... испуг, огорчение... и т. д.»² При этом автор как параллель указывает лексический состав основ на *-ua* в древнеиндийском, к которым, помимо прочих, относились глаголы со значениями «умереть», «болеть», «разрушаться», «стареть», «распадаться», «вянуть», «гибнуть», «быть обесчещенным», «исчезать», «сохнуть»³.

Используя термин современной физики, мы будем называть глаголы, которые имеют значение исчезновения субъекта или

¹ Частично о таких глаголах уже шла речь в главе II: 1, 4, 5. 1. 1.

² М. М. Гухман, К типологии глагола древнегерманских языков, сб. «Проблемы сравнительной филологии» (к 70-летию члена-корр. АН СССР В. М. Жирмунского), изд-во «Наука», М.—Л., 1964, стр. 120.

³ Там же.

уничтожения объекта действия, «глаголами аннигиляции»⁴ или же «аннигилятивными глаголами».

1. 1. *Аннигилятивная конструкция.* Глаголы аннигиляции как семантическая группа, с одной стороны, и фазовая конструкция (окончания действия)⁵ как логико-синтаксический тип — с другой, сами по себе существуют в различных языках, должно быть, без всякого ограничения. Напротив, их пересечение, которое мы назовем аннигилятивной конструкцией, не является уже таким всеобщим, и можно с большой степенью уверенности указать языки, где в составе фазовых конструкций окончания действия не выступают глаголы аннигиляции, т. е. нет аннигилятивной конструкции.

1. 2. *Формы неспрягаемого глагола.* Если при рассмотрении фазовых конструкций в русском языке в качестве неспрягаемой формы глагола назывался только инфинитив (гл. II, 1. 1.), то в случае аннигилятивной конструкции нам придется обращаться и к таким языкам, в которых в аналогичной роли выступает деепричастие (причастие). Однако это обстоятельство не является препятствием для сравнения конструкций, так как данное различие в исторической перспективе снимается даже для одного и того же языка. Ср. перевод на современный язык древнерусских примеров: «И яко сконча зи жа (окончил строить), украси ю (церковь) иконами, Лавр <ентьевская летопись > 52, Того же лѣта кончаша церковь владычню пишуще (окончили писать), Новг <ородская летопись > I, 79»⁶.

По словам А. А. Потебни, «не перестает воюя» значит не «воюя» (аппозитивно), не перестает делать что-либо другое, а «не перестает воевать»⁷. Ср. аналогичное явление частичного синкретизма инфинитива и причастия прошедшего времени в истории германских языков⁸.

⁴ «Аннигиляция (от лат. nihil — ничто), буквально — превращение в ничто, уничтожение; в физике термин «аннигиляция» обозначает явления превращения «элементарных» частиц, имеющих собственную массу, в другие формы материи, собственная масса которых равна нулю» (БСЭ, т. 2, изд. второе, стр. 462).

⁵ Об этих терминах см. гл. II: 1. 0 и 1. 2.

⁶ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 158.

⁷ Там же.

⁸ I. Dal, Participium praeteriti mit dem syntaktischen Wert eines Infinitivs im Mittelniederländischen und Mittelhochdeutschen, сб. «Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie» (Festgabe für Th. Frings), Berlin, 1956, стр. 130—141.

2. Литовско-русские и русско-литовские соответствия

2. 1. Литовско-русские. В литовских купишкенских говорах аннигилятивная конструкция представляет собой обычное явление. Примеры ее употребления были приведены выше (гл. II, 4). Здесь же мы ограничимся только буквальным переводом некоторых из них: «Браните шила (шили), так *кончает порвать*»; «Никакое это сено и то *кончает гнить*»; «*Кончаем разбиться с этими огородами*»; «Пол в бане *кончает провалиться*».

Эти «подстрочники» очень напоминают ряд фазовых конструкций с глаголом «кончать» в русских купишкенских говорах. Ср. примеры: «Сараи *кончают валиться*»; «*Кончает развалиться* наша изба»; «*Кончаю сгореть*, один бок уже сгорел»; «Пускай лампочка скорей *кончает перегореть*»; «Иди дай в каршень: *кончает* деньги *проиграть!*»; «*Кончают порвать* книгу»⁹.

Не говоря уже о нарушениях в употреблении вида, которые сами по себе являются свидетельством влияния литовского языка, отметим чуждость для русского языкового восприятия таких словосочетаний даже в случае несовершенного вида инфинитивов.

2. 1. 1. Славянские языки. По-видимому, ни русскому, ни другим славянским литературным языкам не свойственны сочетания глагола *кончать* с инфинитивами аннигилятивных глаголов. Среди примеров этого типа конструкции, собранных в картоотеках словарей русского (Ленинград), украинского (Киев) и польского (Варшава) языков (по состоянию на 1961 год), нет ни одного, где бы инфинитив относился к интересующей нас семантической группе.

Русский: «Только что председатель *кончил говорить*, он вдруг рассмеялся» (Ф. М. Достоевский, Братья Карамазовы, XII, гл. 5); «Другой заставит позабыть /Своею песнию высокой/ Певца, который *кончил жить*, /Который жил так одиноко» (М. Ю. Лермонтов, Слава); «Когда мы *кончили пить*, дед умиленно, со старческой дрожью в голосе сказал...» (Ф. Гладков, Повесть о детстве, гл. 9. IV, 98); «*Кончив писать*, Егор встал и прочел все письмо сначала» (А. П. Чехов, На святках, I); «Кузьмичев только что *кончил считать* деньги и клал их обратно в мешок» (А. П. Чехов, Степь, III).

Украинский: «Цариця Клітемнестра з царським намісником Егістом наглядують, як раби і рабині *кінчають прикрашати* дім» (Л. Українка); «Недалеко від хижі, серед зеленої трави, кілька дереводілів *кінчали видовбувати* з колоди корсту...» (С. Скляренко, Святослав).

Польский: «W sali muzyka skończyła grać polkę...» (B. Prus, X, 117); «Maturzyści... dawno skończyli jeść i wrócili na polanę» (K. Brandys, Antygonia, 210); «Matka z Adamem skończyli kopać ziemniaki...» (A. Gruszecka, Od Karpat nad Bałtyk, 60); «—Leć, Adam, dowiedz się — rozkazał ojciec, a nie skończył jeszcze mówić, kiedy już Adam pędem biegł na dół» (там же, 51);

⁹ Более подробный перечень русских аннигилятивных конструкций, рассматриваемых с точки зрения вида, см. в гл. II, 4.

«Ach, Felku, tak marzyłam o dniu, w którym skończysz już wreszcie nad tym pracować» (J. Lutowski, *Sprawa rodzinna*, 24); «Właśnie w chwili potem, ledwie skończono śpiewać, zapadła tak niespodziewana cisza, iż Jakub zdumiał się i usiadł na łóżku...» (K. Brandys, *Samson*, 108).

Хотя приведенные примеры, конечно, не могут быть доказательством несуществования аннигилятивной конструкции в названных славянских языках, однако они являются необходимым дополнением к интуитивному восприятию русских купишкенских форм как нарушения семантической нормы славянских языков.

2. 2. *Русско-литовские соответствия.* С целью выяснения характера литовской конструкции «baigti + инфинитив» интересно установить, чему соответствует эта конструкция в исходном русском тексте, если речь идет о литовском переводе с русского языка. Так, в пятитомнике сочинений Н. В. Гоголя¹⁰ исследуемая конструкция отмечена 18 раз; приведем соответствия в русском оригинале:

Baigianti blėsti (т. II, стр. 88) — догоравшие;
 baigdamas gerti (II, 257) — допивая;
 nebaigdavo gerti (V, 346) — не допивали;
 baigė lipti (I, 290) — добрался;
 nebaik mušti (II, 144) — не добивай;
 nebaigė sakyti (I, 242) — не договорила;
 baigė siekti (III, 110) — начинал достигать;
 baigė skaityti (II, 218) — дочитывал;
 nebaigta skaityti (V, 66) — недочитанная;
 baigė valgyti (I, 218) — доедал;
 baigęs skaityti (II, 255) — окончивший чтение;
 baigė skaityti (II, 265) — кончил чтение;
 baigiančiai išnykti (V, 293—294) — исчезающие;
 baigiančiai išnykti (V, 309) — отходящие;
 nebaigtas rašyti (IV, 80) — (письмо) не готово;
 baigia sekti jėgos (I, 252) — изнемогает;
 perperbaigiau skaityti (V, 358) — не прочел.

Ср. примеры этой конструкции в переводе «Записок охотника» И. С. Тургенева (I. Turgenevas, *Medžiotojo užrašai*, Vilnius, 1957):

pabaigiau gerti (стр. 177) — допил;
 baigdamas gerti (283) — допивал;

а также в повести «Колхида» К. Паустовского (K. Paustovskis, *Kolchidė*, Kaunas, 1948):

baigiančiai žydėti (стр. 5) — отцветающие;
 baigė siųsti (77) — кончил передавать;
 baigė degti (133) — догорали.

¹⁰ N. Gogolis, *Raštai*, I—V, Vilnius (1953—1954).

В большинстве случаев конструкция с *baigti* употреблена для перевода глагольных форм с приставкой *до-*. Известно, что одним из значений этой приставки является доведение действия до конца, до его полной исчерпанности — значение, которое в литовском литературном языке ввиду относительной (по сравнению с русским) префиксальной недостаточности его глагола выражается конструкцией с глаголом *baigti*.

Интересно отметить, что в отличие от литературного языка приставка *da-* известна литовским и латышским говорам. На основании ряда соображений, среди которых не последнее место занимает преимущественно восточная локализация, установлено, что приставка *da-* в литовском и латышском языках — славянского происхождения (В. Ма ж ю л и с, Происхождение приставки *da-* в балтийских языках, «Вопросы славянского языкознания», 3, 1959, стр. 131). Ср. заимствование этой же приставки (в форме *du-*) в мегленорумынском диалекте (I. Coteanu, Elemente de dialectologie a limbii romine, București, 1961, стр. 154).

2. 1—2. *Выводы.* При исследовании конструкции «*baigti* + инфинитив» внимание языковедов было сконцентрировано на морфологических особенностях инфинитива, так как уже сама связь с глаголом *baigti* требовала несовершенного вида основного глагола.

Однако сравнение балтийских и славянских видов глагола, проходившее на морфологическом уровне, меньше касалось тех или иных конкретных типов глагольных словосочетаний, в особенности если речь шла о семантике. Сказанное полностью относится к конструкции типа «*baigti* + инфинитив», которая в балтийских языках благодаря участию в ней глаголов аннигиляции резко отличается от соответствующей славянской.

Таким образом, различие между русскими купышкенскими говорами и литературным языком возможно является выраженным в одних терминах семантическим расхождением между балтийскими и славянскими языками.

3. Балтийские языки

3. 0. *Предварительное замечание.* Для изучения вопроса о том, какое место среди фазовых конструкций с глаголом *baigti* (*beigt*) занимают аннигилятивные словосочетания, из литературных текстов литовского и латышского языков было взято по 150 примеров, основной материал по которым представлен ниже: для литовского языка — в форме семантических группировок глаголов, для латышского, главным образом, — списком.

3. 1. *Литовский*. а) Конструкции, в которых основным значением глагола является уничтожение объекта путем горения или же окончание самого процесса горения.

Blėsti: «Bet šiaipjau šitokios rūšies linksnių savaimingumas... jau daug kur yra išblėšęs arba jau baigia blėsti» (Pr. Skardžius, Prielinksnis su ir jo vartojimas, GK, 1937, N 7, стр. 100);

Degti: «Laužas baigė degti» (A. Vienuoelis, Kryžkelės, XVII);

«— O prakeikimas! O šventvagiai! Prakeikti pagonys! — subiuro prie ugniakuro kryžiuočiai, pamatę baigiančius degti kryžius» (Там же); «Sėdėdamas ant krosnies, nuo kur man buvo paranku keisti baigiančias degti skalas, mačiau moteris...» (A. Venclova, Sunki žiema); «Pasikalbėję paliko ugnelę baigt degt, o patys sulindo į palapinę...» (Pr. Mašiotas, Ir aš mažas buvau, Vilnius, 1956, стр. 114); «Diržio mostų nurodyti, tylėdami pakėlė mokytojo kūną, tylėdami atnešė prie barikados, sukrautos iš senų pabėgiu šalia baigiančio degti stoties barako, ir paguldė aukštai, lyg ant morų...» (A. Gudaitis-Guzevičius, Kalvio Ignoto teisybė, kn. II, ч. 1, гл. 3). Ср. также baigė degti (см. 2. 2).

Gesti: «Krūtinėje baigia gesti paskutiniai blikčiojantieji jausmai...» (K. Jasiukaitis, Alkani žmonės, «Raštai», Kaune, 1948, стр. 228).

Kūrenti: «Namiė nei malkų, nei žabų — tvoras baigiu kūrent» (A. Vienuoelis, Iš mano atsiminimų, Vilnius, 1957, стр. 70).

б) Конструкции типа «baigti + инфинитив» в качестве стержневого компонента содержат прежде всего сам глагол пукти (išnykti).

Nykti: «— Na, tamstos bitės? — atsiminiau paklausti. — Tai baigia jau nykti, — tik penki kelmai beliko: kur namuose vaidai, ten bitėms ne vieta» (J. Biliūnas, Ubagas). «Raštai», 146.

Išnykti: «Idomios ir vertingos medžiagos lietuvių dialektologijai duoda izoliuotos, nedidelės ir baigiančios išnykti lietuvių kalbos tarmių salelės Baltarusijos TSR teritorijoje...» (A. Vidugiris, Nauji darbai apie lietuvių kalbos tarmes, LKK, II, стр. 239). Ср. также baigiančiai išnykti (см. 2. 2).

в) Стержневой глагол обозначает разделение на части или распад субъекта или объекта действия.

Griūti: «Kaip tyčia ir namai, kuriuose gyveno, visai baigė griūti: pro lubas varvėjo vanduo, pro sienas švilpavo vėjas» (J. Biliūnas, Lazda, «Raštai», стр. 137—138).

Iškosėti: «Fabrike nuo baisių darbo sąlygų žmonės baigia iškosėti plaučius...» (J. Dovydaitis, Neramus žmogus, Vilnius, 1953, стр. 6).

Išleisti: «Paskutinės kapeikas baigiame išleisti ant cukraus, — dejavo, — paskui liksim ant areštantų sriubos, tur būt, reikės pastipti» (Žemaitė, Kalėjime, «Raštai», III, стр. 311).

Kapstyti: «Verčiau šiandien paudėk, aš pabaigsiu mėšlus kapstyti, kur vakar liko...» (Žemaitė, Dėl pirkinį, «Raštai», III, стр. 78).

Pūti: «Susiedo trobos kaip triobos, Visos naujos, visos gražios, E par mane nori griūti, Nors paspiertos, baigia pūti» (A. Strazdas, Susiedas lauką užsėjo, «Raštai», Vilnius, 1957, стр. 87).

Subyrėti: «— Statinaitė baigia subyrėti, o ji tyli... Be reikalo sugadinai daiktą — ir kolūkį, ir save nuskriaudei» (J. Dovydaitis, Neramus žmogus, Vilnius, 1953, стр. 95).

г) Инфинитив, выступающий в сочетании с *baigti*, обозначает стирание или снашивание объекта или субъекта действия.

Dilti: «Reikėtų ir geležies štabą parsivežti, nes poragai baigia dilti» (V. Mykolasaitis - Putinas, Sukilėliai, I, 1957, стр. 56); «Ji eina, eina, eina, eina... Sudyla ir viena pora čeverių, ir antra, ir trečia baigia jau dilti» (J. Japonis, Vėželis, «Raštai», t. 2, Vilnius, 1957, стр. 456).

Sunešioti: «Būdamą prie grafitės, Verutė prisiziūrėjo mandagių apsiėjimų, išmoko puošti, laikyti ir, baigdamą sunešioti grafitės sukneles, buvo gražesnė už pačią grafitę» (A. Vienuolis, Inteligentų palata, гл. IV, стр. 75).

Trinti: «Pamatęs, kad ketvirtojo skyriaus dičkis baigia pirmoko galvą trinti sniegu, pats generolas šoka gelbėti...» (P. Cvirka, Frankas Krukas, II, 346).

д) Глаголы нижеследующей группы относятся только к одушевленным именам существительным и обозначают, если можно так выразиться, исчезновение субъекта действия вследствие недостатка дыхания.

Dusinti: «Tuo metu, kai meisteris visai baigia dusinti senutę, Krizo smuikėlė ūmai tilsta» (P. Cvirka, Meisteris ir sūnus, стр. 186).

Smaugt: «Mūsų viešpatie, — puolė po kojų Vytautui abu žemaičiai — tu čia kariauji prieš mūsų brolius, o mus kryžiuočiai baigia smaugt!...» (A. Vienuolis, Kryžkelės, гл. XXIII, стр. 162).

Užsiryti: «...Ką daryti? Baigiu dūmais užsiryti!» («Lietuvos pionierius», 1961).

Užtrokšti: «Baisus man tas urvas. Ta tvanki supelėjusi smarvė užnuodijo man kraują, smegenis, plaučius, širdį, aš baigiu užtrokšti...» (K. Jasiukaitis, Alkani žmonės, «Raštai», Kaune, 1948, стр. 229, д. I, явл. 3).

е) Среди словосочетаний с глаголом *baigti* встречаются также такие, в которых инфинитив обозначает потерю физических сил.

Geibti: «Leiskit jūs tą vaiką į lauką, mat, jau baigia geibti» (A. Lyberis, Lietuvių kalbos sinonimų žodynas, Kaunas, 1961, стр. 131).

Nukamuoti: «Lažas ir kitokios prievolės dvarui jau baigia juos galutinai nukamioti» (V. Mykolasaitis - Putinas, Sukilėliai, I, Vilnius, 1957, стр. 74).

Nusivaryti: «Visos mes, visas ponių komitetas, sezonui atėjus, baigiam nuo kojų nusivaryti» (K. Binkis, Atžalynas, д. I, «Rinktinė», Vilnius, 1957, стр. 298).

Sekti: ср. *baigia sekti* (см. 2. 2).

Vargti: «...ir dūsavo taip, kaip dūsauja žmogus, vargą vargti pabaigęs...» (J. Bilibūnas, Svečiai, «Raštai», стр. 148).

К этой же группе глаголов по своему значению примыкают также следующие:

Mušti: «Svarbu baigti mušti fašistą, o paskui atsiraityti rankoves ir į darbą» (J. Dovydaitis, Neramus žmogus, стр. 109).

Sušalti: «...aš ir turėjau apsidžiaugti draugu: tas, kuris galėjo net tą naktį, beveik baigdamas sušalti, prisimint mane ir kartoti vien tik mano vardą...» (F. Dostojevskis, Jaunuolis, ч. III, разд. V, § 1, стр. 532).

Таким образом, в словосочетании с глаголом *baigti*, помимо прочих, употребляются в литовском языке глаголы с общим

значением исчезновения, распада, стирания, уничтожения, утра-ты и т. п. Приведенных примеров вполне достаточно для дока-зательства того, что в литовском языке существует аннигиля-тивная конструкция.

3. 2. Латышский. а) Конструкции с глаголом **degt**:

«Parkā beidz degt vasaras teatris, katrs koks apgaismots, katra lapīna redzama» (A. Gončars, Karognesēji, кн. I, гл. V, стр. 22); «beidza degt mūsu zenitnieku sašautā ienaidnieka lidmašīna» (там же, гл. XIV, стр. 66); «Beigdamas degt, dūmoja apdzīvotās vietas» (там же, гл. XXIII, стр. 99); «...es redzēju savā panoramā «ferdinandu». Deg? — Beidz degt» (там же, кн. II, гл. XVIII).

б) Конструкции с глаголами **cirst, izravēt**:

«Kolchoznieku brigada bija beigusi cirst krūmus...» (V. Lācis, Uz jauno krastu, часть II, разд. VII, гл. 2);

«Steidzu, beidzu rožu darzu Bez rasinas izravēt...» (B. Senkevīča, Senie Jāņi Zemgalē, Rīgā, 1940, стр. 16).

Других примеров, которые имели бы в нашей выборке аннигилятивное значение, в латышских материалах не обнаружено. В этом отчасти можно убедиться из прилагаемого ниже списка.

Список инфинитивов, отмеченных в сочетаниях с глаголом **beigt**:

aizsmakt — хрипнуть
 apbrīnot — дивиться
 apdancot — танцевать
 arčubināt — взбивать
 apkasīt — скрести
 arkopt — убирать
 arpsist — обивать
 arspriest — обсуждать
 arvīlēt — подрубать
 atstāt — оставлять
 atkārtot — повторять
 augt — расти
 aust — ткать
 aušoties — дурачиться
 bakstīt — тыкать
 bēdāties — горевать
 brīdināt — предупреждать
 brokastot — завтракать
 celt — поднимать (строить)
 cerēt — надеяться
 ciest — страдать
 cīnīties — бороться
 cirst — рубить
 čurkstēt — журчать
 darboties — трудиться
 degt — гореть

dejoj — танцевать
 dādot — ворковать
 dusmoties — сердиться
 dzert — пить
 dziedāt — петь
 dzimt — рождаться
 dzīvot — жить
 ecēt — бороновать
 elpot — дышать
 ēst — есть
 gulēt — спать, лежать
 izprašnāt — расспрашивать
 izravēt — выполоть
 kaitināt — сердить
 karot — воевать
 klaigāt — кричать, курлыкать
 kliegt — кричать
 kravāties — собирать
 kūpēt — дымиться
 ķircināt — дразнить
 lasīt — читать
 lidot — летать
 liekties — гнущься
 lielīties — хвалиться
 likt — класть, ставить
 mācīties — учиться

māžoties — дурачиться	slaukt — доить
melst — болтать	slavēt — славить
mieloties — лакомиться	smēkēt — курить
niecināt — презирать	smieties — смеяться
pobrīnīties — удивляться	sodīties — ругаться
pocēt — забороновать	spēlēt — играть
porēl — осуждать	stādīt — садить
porieciāties — обрадоваться	stāstīt — рассказывать
poskatīties — посмотреть	stavēt — стоять
pacienāt — угостить	stiprināties — укрепляться
pārbaudīt — определить	strādāt — работать
pārsiet — перевязывать	strēbt — хлебать
pārskatīt — обозревать	strīdēties — спорить
plaut — косить	strinkšķēt — звенеть
plosīt — терзать	studēt — учиться
pukoties — сердиться	sūkt — сосать, тянуть (напиток)
rakt — рыть, копать	šķendēties — ругаться
rakstīt — писать	šūt — шить
raudāt — плакать	taisīt — делать
rīkoties — распоряжаться	teikt — говорить
rikšot — рысить	tērgot — болтать
rūkt — рычать	uzskaitīt — учитывать
runāt — говорить	vakarēt — вечеровать
saukt — звать	vakariņot — ужинать
serot — скоробеть	vārīties — вариться
sēt — сеять	vērpt — прятать
sist — бить	vest — возить
skaldīt — колоть (рубить)	vēžot — ловить раков
skraidīt — бегать	vicināt — размахивать
skumt — грустить	viebties — морщиться
slaucīties — вытираться	žēloties — жаловаться

3. 1—2. *Вывод.* Сопоставление равных по объему материалов балтийских языков позволяет сделать вывод, что аннигилятивная конструкция в латышском языке не представляет собой столь характерного явления, как в литовском, и — более того — латышский язык в этом отношении выражает скорее славянский, чем балтийский (литовский) тип.

Собственно говоря, сам факт употребления аннигилятивной конструкции объясняет только то, что нет семантических ограничений на сочетания глагола окончания действия («кончать») с инфинитивами глаголов аннигиляции, т. е. семантический диапазон фазового глагола или, лучше сказать, его семантическая валентность является большей, чем в случае, когда такое ограничение существует: ср. сочетания «кончать» с инфинитивами (несовершенного вида) в купишкенских русских говорах и в литературном языке.

Очевидно, меньшую семантическую валентность (по признаку употребления аннигилятивных глаголов) обнаруживает и латышский глагол *beigt* по сравнению с литовским *baigti*.

4. Аннигилятивная конструкция в языках Волго-Камья и Азии

4.0. *Предварительное замечание.* В своем докладе о проблеме субстрата Б. А. Серебренников указал в качестве примера конвергенции одинаковое участие глагола *быть* в образовании аналитических прошедших времен как в татарском, так и в литовском языках. Несмотря на то, что в упомянутой работе не содержится указаний на другие (и более специфические) соответствия между названными языками, Б. А. Серебренников пришел к следующему выводу: «Некоторые общие черты глагольной системы языков Волго-Камья и балтийских языков заставляют предполагать наличие в глубокой древности каких-то двух смежных языковых общностей...»¹¹.

Несмотря на то, что, с одной стороны, совпадение названных аналитических образований в татарском и литовском языке не является исключительным и что, с другой стороны, Б. А. Серебренников впоследствии отказался от приведенной выше ареальной интерпретации этой общности¹², сама постановка вопроса натолкнула на мысль о поисках эквивалентов балтийской аннигилятивной конструкции прежде всего в языках Волго-Камья.

4. 1. Общий ареал.

4. 1. 1. Финно-угорские. В марийском языке *пытараиш*, что значит «оканчивать», «уничтожать», находясь в составе сложных глаголов с переходным значением, ... выражает действие, которое обычно заканчивается полным разрушением или уничтожением объекта действия, нарушением его целостности или сильным изменением качества. Вместе с тем глагол *пытараиш* может указывать на полное завершение действия над объектом, например: «Йолем чылт когартыл пытарышым» — «Все ноги спалил»¹³. «Непереходный глагол *пыташ* в составе сложных непереходных глаголов означает исчезновение действующего субъекта или существенное изменение его качества, нарушение его целостности и т. п., например: «Чыла илыше колен пытен» — «Все вымерло»; «Лум шулен пытен» — «Снег растаял»¹⁴.

При этом автор указывает, что марийские составные гла-

¹¹ Б. А. Серебренников, Проблема субстрата, ДСИЯ, IX, М., 1956, стр. 35—36 и 40.

¹² Устно, в беседе с автором.

¹³ Б. А. Серебренников, Категория вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 191.

¹⁴ Там же.

голы со вспомогательными *пыташ* и *пытараш* несомненно возникли под влиянием тюркских языков Волго-Камья — чувашского и татарского¹⁵.

4. 1. 2 а. Тюркские (северо- и юго-западные). К чувашскому и татарскому языкам с востока примыкает башкирский, которому также известно глагольное сочетание со спрягаемой формой *бөтөү* «кончаться». Компоненты словосочетаний этого вида образуют в башкирском языке иногда настолько тесную связь, что это затрагивает качество семантики основного глагола, например: *сатнап бөтөү* «растрескаться» (от *сатнау* «треснуть»); *безöлон бөтөү* «портиться», «испортиться» (от *бозоу* «нарушать», «разрушать», «портить»)¹⁶.

Таким образом, тюркские языки Волго-Камья (чувашский и татарский) вместе с башкирским, с одной стороны, а также примыкающие к ним с северо-запада финно-угорские языки — с другой (марийский), образуют единый языковой ареал, в котором для выражения особой завершенности глагольного действия употребляются словосочетания спрягаемых форм *кончатъ* с глаголами аннигиляции.

Аннигилятивная конструкция широко известна и другим представителям северо-западной подгруппы тюркских языков — казахскому, где для ее выражения употребляются глаголы *битір* «кончать», *бит* «кончаться»¹⁷, и каракалпакскому, в котором соответственно выступают глаголы *питир* и *пит*, например: *джанып пит* «догореть», *джылап пит* «залиться слезами»¹⁸.

Ареал указанной конструкции продолжается и дальше, в юго-восточном направлении, охватывая области других тюркских языков. Так, в узбекском языке глагол *битмоқ* («кончаться», «уничтожаться») употребляется как вспомогательный к форме основного глагола, в роли которого выступают и глаголы исчезновения. Например, «Қизим, даданг, энанч ҳасратингда куйиб битди» — «Доченька, твой отец и мать высохли, горюя о тебе»¹⁹.

Показательно, как переводятся сочетания с глаголом *битирмок* в «Узбекско-русском словаре»: *ёзиб битирмок* «исписать, (все)», *сотиб битирмоқ* «распродать, (все)»²⁰ (подчеркнуто на-

¹⁵ Б. А. Серебрянников, Категория вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской групп, стр. 191.

¹⁶ А. А. Юлдашев, Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке, Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 75.

¹⁷ И. Е. Мамонов, Вспомогательные глаголы в казахском языке, Изд-во АН КазССР, Алма-Ата, 1949, стр. 84.

¹⁸ Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, т. 2, Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 378.

¹⁹ «Узбекско-русский словарь», М., 1959, стр. 76.

²⁰ Там же.

ми. — А. Н.). Ср. в киргизском языке: *бутуруу* «кончать», *тырмоо* «царапать»; *тырмап бутуруу* «исцарапать»²¹.

Вместе с тем в узбекском языке наряду с глаголом *битмоқ* в интересующих нас позициях употребляется также глагол *ташламоқ* «бросать», который «выражает энергично осуществляемое действие или действие, проводимое основательно, до конца: «Қочсангиз, итлар сизни ғажиб ташлайдилар» — «Если вы побежите, собаки загрызут вас»²². Эта особенность интересна тем, что она перекликается с соответствующей чертой аналогичных глагольных словосочетаний хинди и тамильского языка (см. ниже).

4. 1. 3. Индоевропейские. В граничащем с тюркскими языками таджикском языке также употребляются аннигилятивные словосочетания, однако в отличие от тюркских здесь в роли вспомогательного выступает глагол со значением «идти», «уходить» *рафтап*; он употребляется при глаголах, обозначающих окончательность, безвозвратность совершившегося, например: «Пашо Ҳаммаш муржан рафтап» — «Комары все подошли»²³. «Тук миш карда бурафтап, бисйор ҳаво гарм» — «Я совсем сгорела, очень жаркая погода»²⁴.

Рассматриваемый тип глагольного словосочетания широко представлен как в таджикских говорах, в частности северных, так и в таджикском литературном языке²⁵.

В направлении на юго-восток от таджикского находится область индийских языков, в одном из которых — в хинди, также, как и в таджикском, глагол «идти», «уходить» *jāpā* сообщает значению главного глагола понятие полной законченности. Однако в качестве глагола, сочетающегося с семантической группой разрушения, уничтожения и т. п., выделяется не *jāpā*, а глагол *dālpā* «бросать». Последнему посвящена специальная глава в монографии П. Хаккера (P. Hacker), который указывает, что с формами *dālpā* почти регулярно сочетаются глаголы, которые обозначают «насилие» (*die Gewaltsamkeit*). Это положение иллюстрируется, в частности, такими примерами:

²¹ «Русско-киргизской словарь», М., 1957, стр. 265.

²² А. Н. Кононов, Грамматика современного узбекского литературного языка, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 266.

²³ В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1, Варзобский говор таджикского языка, Изд-во АН СССР, 1952, стр. 114.

²⁴ В. С. Расторгуева, Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 2, Северные таджикские говоры полосы Шайдан — Ашт — Чуст — Кассансай, Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 166.

²⁵ А. З. Розенфельд, Материалы к исследованию сложносочиненных глаголов в современном таджикском литературном языке, Изд-во АН Тадж. ССР, Душанбе, 1953, стр. 18.

paṣṭ kar dālnā «разорить», toṛ dālpā «сломать» («испортить»), cīr dālnā «разорвать», «растерзать». pīs dālnā «раздавить», «растереть»²⁶.

Со значением насилия П. Хаккер связывает и выражение «чрезмерности» (die Unangemessenheit), когда действие, обозначаемое глаголом, является нежелательным вмешательством, искажением действительности, нарушением обычая, а также вредным для самих действующих лиц²⁷. В конструкциях с такими глаголами также употребляются формы dālna.

4. 1. 4. Дравидийские. Наконец, еще дальше на юг аннигилятивная конструкция известна дравидийским языкам. Как и в языках двух соседних групп — иранской (таджикском) и индийской (хинди), в тамильском языке, в частности разговорном, для выражения совершенности действия употребляется глагол rō «идти», «уходить»²⁸. Вместе с тем, как и в хинди, в сочетаниях с глаголами аннигиляции выступает глагол, одним из значений которого является «бросать» rōṭu. Он употребляется для выражения большей интенсивности действия и чаще употребляется при деепричастиях глаголов, обозначающих уничтожение и разрушение²⁹.

В языке каннада в составе устойчивых глагольных словосочетаний, употребляемых для выражения завершенности действия, участвуют глаголы biḍu «оставлять», «покидать», hō «уходить» и hāku «бросать», «класть». Последний «обычно употребляется с деепричастиями глаголов, имеющих значение уничтожения, разрушения и т. п. «tōtagāranu kaḷeyannu kittu hākabeku» — «Садовник должен вырвать сорную траву»³⁰.

4. 1. 2 б. Тюркские (северо-восточные). В северо-восточной группе тюркских языков, в частности в якутском (бассейн Лены и Индигирки), шорском и хакасском (верховье Енисея), также распространена аннигилятивная конструкция. Так, в якутском языке глагол кэбис «отбрасывать» в служебной функции обозначает «окончателность или категоричность действия», выражаемого деепричастием: өлөрөн кэбис «убить» (на смерть, окончательно), быһан кэбис «отрезать», «отсечь»³¹. «Особые оттенки этой формы в русском языке часто передаются с по-

²⁶ P. Hacker, Zur Funktion einiger Hilfsverben im modernen Hindi, Mainz—Wiesbaden, 1958, § 60—61, стр. 226—227.

²⁷ Там же, § 62, стр. 228—229.

²⁸ М. С. Андронов, Тамильский язык, Изд-во вост. лит., М., 1960, стр. 58.

²⁹ Там же, стр. 59.

³⁰ Его же, Язык каннада, Изд-во вост. лит., М., 1962, стр. 57—58.

³¹ Л. Н. Харитонов, Формы глагольного вида в якутском языке. Изд-во АН СССР, М.—Л., стр. 72—73.

мощью наречий «совсем», «окончательно», «совершенно» и т. п.³²

В шорском языке глагол *пар* «уходить», «идти» может сочетаться с глаголами аннигиляции: *кэй пар* «сгореть»; *мен шулеп пардым* «я вымок»³³.

В такой же функции иногда употребляется этот глагол и в хакасском языке: *йүзіл пари(р)* «вот-вот порвется»; *тоозыл пари(р)* «вот-вот кончится»; *өл пари(р)* «вот-вот пропадет»; *йүреп пари(р)* «скоро износится (совсем)»³⁴.

Наконец, для выражения интенсивного завершения действия в хакасском языке используется также глагол *таста* «бросать»: «Чыртхан, чыртхан — чоо чыртып таста бысхан» (хакасский фольклор) — «Порол, порол — и до смерти запорол». Вспомогательный глагол для усиления значения законченности сам может принимать показатель совершенного вида, хотя и без него глагол *таста* выражает законченное действие³⁵.

4. 1. 5. Монгольские. Автор специального исследования о служебных глаголах в монгольском языке Т. Пагба особо выделяет глагол *хаях* «кинуть», «бросить», «метать», который «весьма ограничен в служебном употреблении, так как для его сочетания необходим круг глаголов с определенным значением: например, глагол типа *урах* «вырывать», *эвдэх* «ломать», *таслах* «порвать» и т. д.»³⁶ Ясно, что речь идет именно о глаголах аннигиляции. Специализация *хаях* в отношении аннигилятивных глаголов настолько сильна, что для выражения завершенности действия, например, глагола *нисэх* «летать» присоединение к нему *хаях* является уже недопустимым³⁷.

В бурятском языке для обозначения действия, которое «совершилось или должно совершиться окончательно и бесповоротно», также употребляется глагол *хаяха* «бросать», «кидать», а наряду с ним и *орхихо* «оставлять», «покидать»³⁸. Вместе с тем в аналогичной функции выступает и вспомогательный

³² Л. Н. Харитонов, указ. соч., стр. 72—73.

³³ Н. П. Дыренкова, Грамматика шорского языка, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 219.

³⁴ В. Г. Карпов, К вопросу о категории глагольного вида в хакасском языке. «Уч. зап. Хакасского н.-и. ин-та языка, литературы и истории», вып. V, Абакан, 1957, стр. 52.

³⁵ Там же, стр. 60.

³⁶ Т. Пагба, Вспомогательные, или служебные, глаголы в современном монгольском литературном языке, Изд-во Комитета наук и высшего образования, Улан-Батор, 1961, стр. 37.

³⁷ Там же, стр. 39.

³⁸ Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыденбаев, Грамматика бурятского языка. Синтаксис, Изд-во вост. лит., М., 1962, стр. 44.

глагол *ошохо* с первоначальным значением «идти», «уходить», «отправляться»: «Унаһан шаажан амһарта хяа бутаран ошо-бо» — «Фарфоровая посуда упала и разбилась вдребезги»³⁹.

4. 1. 6. Тибето-китайские. В китайском языке глагол *дяо* («терять», «утрачивать», «падать») в роли морфемы (суффикса) в составе сложного глагола «означает достижение результата, следствием которого является исчезновение, уничтожение объекта действия»⁴⁰.

При этом следует подчеркнуть то, что другая такая морфема *хао* со значением «хороший» «не может присоединяться к глаголам, которые обозначают действия, всегда имеющие дурной результат, например: *ша* «убивать», *сы* «рвать», *дю* «теряться»⁴¹. А это должно подчеркивать семантическую специализацию *дяо* в глагольных формах исследуемого типа.

Ср. в тайском языке одна из видо-результативных служебных морфем *мот* «применяется при глаголах, содержащих идею расхода, растраты, исчерпания каких-либо материальных средств»⁴². Например, «Кау тьай нген мот лэу» — «Он растратил все деньги»⁴³.

4. 1. 7. Корейский. В корейском языке выделяется глагольный подвид абсолютно завершеного действия (состояния), который образуется сочетанием деепричастия со вспомогательным глаголом *порида* «бросать»⁴⁴.

Из примеров видно, что *порида* вступает в сочетания как раз с глаголами аннигиляции: «Пйльдыр-ын хана туль курым оог-е чамгйё- брйётта» — «Звезды одна за другой потонули в облаках»⁴⁵; «Гуду-нын моле-и онтхонь чьчжё-брйётта» — «Ту Ду весь промок»; «иро-бьрида» — «потерять совсем (безвозвратно)»⁴⁶.

Хотя Е. К. Гусева непосредственно и не указывает на семантический состав деепричастий в конструкциях этого типа, однако употребление в них аннигилятивных глаголов косвенным образом отражается, по-видимому, в высказывании о том, что

³⁹ Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыденбаев, указ. соч., стр. 44.

⁴⁰ В. И. Горелов, Практическая грамматика китайского языка, Внешторгиздат, М., 1957, стр. 80.

⁴¹ С. Е. Яхонтов, Категория глагола в китайском языке, Изд-во Ленингр. ун-та, Л., 1957, стр. 86.

⁴² Ю. Я. Плам, О распределении функций приглагольных служебных морфем в тайском языке, сб. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии», Изд-во вост. лит., М., 1963, стр. 47.

⁴³ Там же, стр. 49.

⁴⁴ Е. К. Гусева, Система видов в современном корейском языке, Изд-во вост. лит., М., 1961, стр. 55.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 56.

«иногда конструкция имеет оттенок совершаемости действия вопреки воле субъекта»⁴⁷.

В плане сравнения с другими языками интересно подчеркнуть два момента в рассматриваемой работе: 1) «на русский язык эти формы переводятся глаголами совершенного вида с наречиями типа «совсем», «окончательно», «полностью», «целиком», «сразу»⁴⁸ и 2) по видовому значению они напоминают японские формы на *тэ+симау* («кончить») типа *ендэ симау* «прочту»⁴⁹.

4. 1. 8. Японский. Действительно, в японском языке для выражения перфектного значения употребляется конструкция «деепричастие + вспомогательный глагол *симау* «кончать». Как показывают примеры, среди конструкций этого типа можно выделить и такие, в которых основная глагольная форма (деепричастие) имеет аннигилятивное значение: «Сатōва мидзу-ни сугу токэтэ симау» — «Сахар в воде сразу тает»⁵⁰. «Има-дэва орэ на кокоро-но уэни нани хитоцу консэки-о нокосапайдэ кирэйни киусэтэ симаттэ иру» — «Но теперь эта ревность совсем исчезла, не оставив в моем сердце и следа»⁵¹; «Сюккэцу-ситэ симау» — «истечь кровью»⁵².

4. 2. *Ареалы основных семантических вариантов.* Аннигилятивная конструкция вызывает интерес не только с точки зрения той семантической группы глаголов, от которой она получила свое название, но и со стороны спрягаемых (служебных) глаголов окончания действия. В роли последних на территории Волго-Камья и Азии употребляются глаголы со значением «кончать», «идти», «уходить», «бросать», «падать», «терять», которые образуют три основных семантических ареала (см. карту № 6): «кончать» — на западе (юго-западные и северо-западные тюркские языки. Исключение — японский язык), «бросать» — на востоке (северо-восточные тюркские языки, монгольские и корейский), «идти», «уходить» как промежуточный ареал в наиболее чистом виде представлен таджикским и, по-видимому, шорским, однако, как правило, этот вспомогательный (служебный) глагол выступает наряду с западным «кончать» (узбек-

⁴⁷ Е. К. Гусева, указ. соч., стр. 56.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, стр. 55.

⁵⁰ М. Киэда, Грамматика японского языка, т. I, Изд-во иностр. лит., М., 1958, стр. 458.

⁵¹ Н. А. Сыромятников, Из истории длительного вида в новояпонском языке, «Японский лингвистический сборник», Изд-во вост. лит., М., 1959, стр. 138.

⁵² «Краткий русско-японский словарь», М., 1950, стр. 227.

ский язык) или с восточным «бросать» (индийские и дравидийские языки, хакасский и бурятский).

4. 1—2. *Выводы.* Таким образом, аннигилятивная конструкция распространена на территории почти всего азиатского континента, в частности, в треугольнике Каспийское море — Бенгальский залив — Японское море.

В пределах линии Каспийское море — Японское море находятся тюркские, монгольские языки, китайский (частично), корейский и японский языки. Все они, за исключением китайского, имеют то или иное отношение к обширной урало-алтайской семье языков.

Более однородными являются языки, лежащие по линии Бенгальский залив — Японское море. Принадлежность всей этой территории (исключая Корейский полуостров, вошедший в другую сторону треугольника) к одной, тибето-китайской, семье языков не вызывает сомнения в относительной лингвистической однородности данного района.

Однако наиболее лингвистически сложной является линия Каспийское море — Бенгальский залив, которая в отличие от двух предыдущих пересекает пространство не одной, более (как тибето-китайская) или менее (как урало-алтайская) однородной семьи языков, а по крайней мере трех: тюркской, индоевропейской — иранские и индийские языки — и дравидийской. Повторяемость одного и того же семантического явления на всем этом пространстве ввиду отсутствия генетических связей между названными семьями языков представляет значительный теоретический интерес. В частности, в плане разработки аннигилятивной конструкции индоевропейские (иранские и индийские) языки в их соотношении как с соседними (тюркскими и дравидийскими), так и более отдаленными (как, например, японский) языками, могут быть той моделью, на которой легче будет понять характер соответствующего литовского (балтийского) явления. В частности, в плане ареальной типологии следует подчеркнуть, что индоевропейские и тюркские языки образуют не два отдельных, а два смешанных тюркско-индоевропейских семантических типа, и если таджикский и индийские языки представляют один (хотя и разобщенный) ареал с северо-восточными тюркскими языками, то это же самое можно сказать и относительно литовского, с одной стороны, и северо- и юго-западных тюркских языков — с другой.

Очевидно то, что касается установленных таким образом ареалов семантических подвидов аннигилятивной конструкции, может быть только эскизом, поскольку грамматики, а также исследования глагольной системы различных языков, откуда взят материал, не были написаны по единой программе и с одинаковой степенью охвата интересующего нас вопроса.

Однако и на этом уровне, когда приведение всех данных к одному общему знаменателю является трудным, а иногда и просто невозможным, вряд ли следует отказываться от попыток такого рода, поскольку, как высказался Дж. Бонфанте по поводу собирания материала, «отказ поставить проблему никогда не приведет к ее разрешению»⁵³.

4. 3. Характер морфолого-синтаксического выражения аннигилятивной конструкции

4. 3. 0—1. Общая форма. Предварительное замечание. Общей морфолого-синтаксической особенностью языков Азии, в которых отмечена аннигилятивная конструкция, является наличие сложных глагольных образований, состоящих, как правило, из деепричастия основного и спрягаемой формы служебного глагола. Эти образования и составляют ту грамматическую форму, в которой находит свое выражение названная конструкция. Таким образом, попытки объяснить происхождение самой грамматической формы аннигилятивной конструкции имеют то значение, что в некоторой степени они одновременно могут быть и ответом на вопрос о появлении ее содержания как одной из семантических разновидностей обсуждаемых глагольных образований вообще.

4. 3. 2. Попытки интерпретации отдельных частей ареала. Характерной чертой исследования общей формы конструкции типа «деепричастие + спрягаемый глагол» было попарное рассмотрение соседних языков с непосредственным выводом о влиянии одного из них на другой, например, тюркских на финно-угорские (см. 4. 1. 1), узбекского на таджикский⁵⁴, дравидийских на индоарийские⁵⁵ или же сопоставление двух разобщенных языков с выводом о параллельном развитии, как в случае хинди и японского⁵⁶.

Однако от такого способа объяснения уже наметился отход в сторону как одно-, так и многоязычного ареала. Например, отрицается возможность какого-либо влияния дравидийских языков на формирование индоарийских сложных глаголов и проводится мысль о том, что они и по своему происхождению, и по своей функции и семантике представляют всецело новоин-

⁵³ Дж. Бонфанте, Позиция нелингвистики, сб. «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», Учпедгиз, М., 1956, стр. 311.

⁵⁴ См. А. З. Розенфельд, Материалы к исследованию сложносочиненных глаголов в современном таджикском литературном языке, Изд-во АН Тадж. ССР, Душанбе, 1953, стр. 7.

⁵⁵ См. С. Г. Бархударов, Об отмирании префиксации в индоарийских языках, сб. «Индийская филология», «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», XIII, М., 1958, стр. 122.

⁵⁶ А. П. Баранников, Сложновербальные глаголы хиндустан и их смысловые эквиваленты в русском языке, сб. «Язык и литература», II, вып. 1, Л., 1927, стр. 110.

дейское явление⁵⁷. С другой стороны, хотя конструкции «деепричастие + спрягаемый глагол» в таджикском языке действительно «очень распространены в тех районах, где наблюдаются тесные узбекско-таджикские языковые связи»⁵⁸, однако «тот факт, что аналогичные образования, кроме тюркских языков... широко употребительны в самых различных и типологически несходных между собой других восточных языках — урду, хинди, бенгали, китайском, японском, монгольских — не позволяет считать появление в таджикском языке подобных форм... простым заимствованием из узбекского языка»⁵⁹.

Наконец, указывая на то, что «японские сложные образования, как и сложнOVERбальные глаголы хиндустани, развились в историческое время совершенно независимо друг от друга» и что «этот факт делает особенно интересным наблюдающийся параллелизм в развитии и достижениях языкового мышления обоих народов»⁶⁰, нельзя вырывать эти два языка из общего ареала рассматриваемой конструкции, в отношении которой оба языка нельзя считать разобщенными (см., в частности, 4. 1. 6 и 4. 1. 7).

Подобно тому, как по мере накопления знания о языках, в частности сведений о соседях соседей, падает авторитет положения о влиянии того или иного языка, точно так же становится недостаточным и антитезис о параллельном развитии в случае цепочки языковых соседств, когда зависимость от соседнего языка подменяется зависимостью более высокого порядка, в которой все языки, объединяемые той или иной чертой, можно, например, рассматривать как находящиеся в одинаковом соподчинении по отношению к одному условному общему языку.

4. 3. 0—2. Выводы. Таким образом, установить причинные связи между отдельными звеньями азиатской языковой цепочки в том, что касается сложных глагольных образований, не представляется возможным. Это зависит от того, что во многих отдельно взятых языках возникновение рассматриваемого типа конструкции остается еще не выясненным, и потому нельзя получить общую картину его развития как в пространственной, так и во временной перспективе.

Сказанное о сложных глагольных образованиях в известной мере может быть отнесено и к их частному семантическому подвиду — аннигилятивной конструкции.

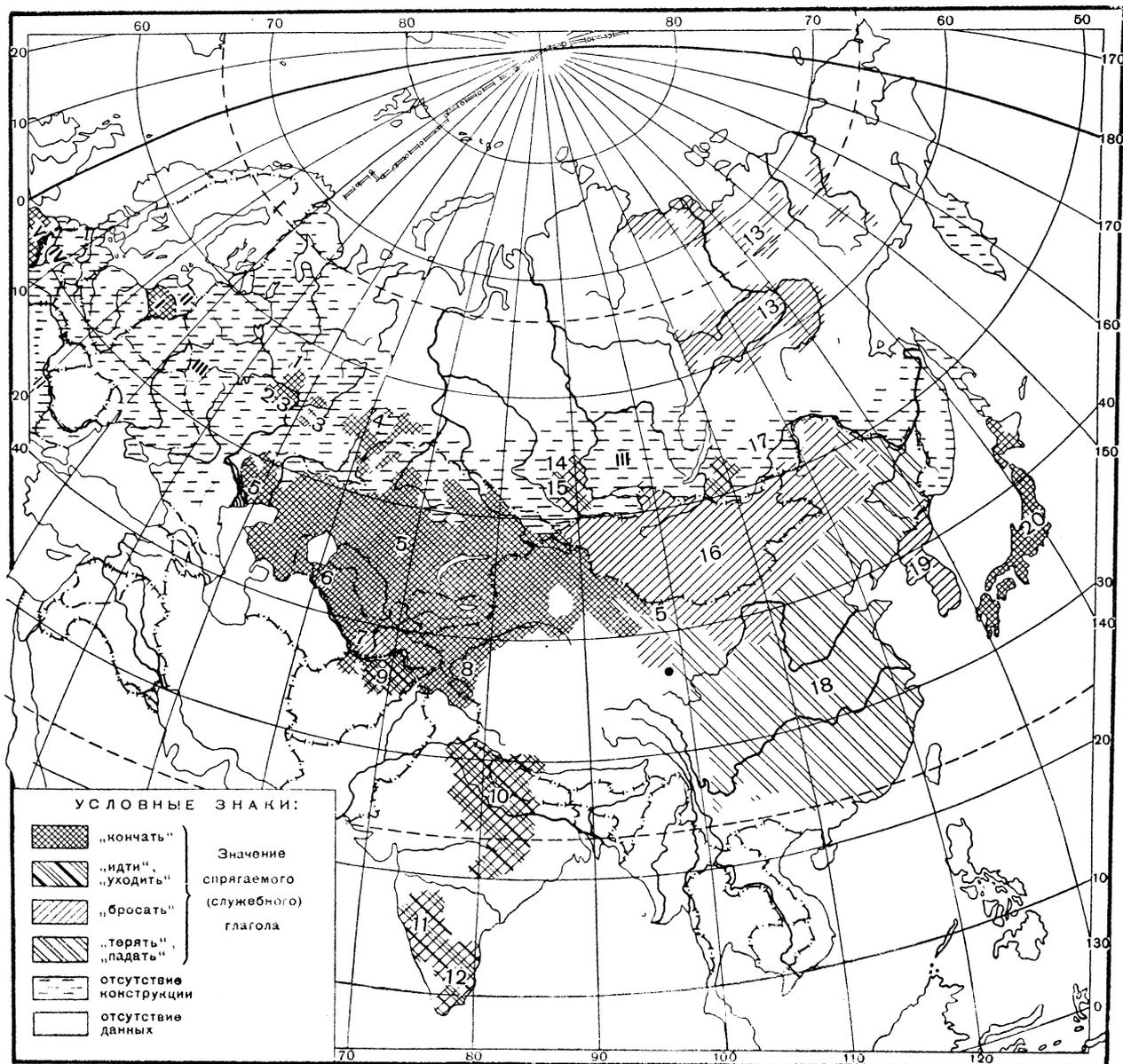
⁵⁷ См. об этом С. Г. Бархударов, указ. соч., стр. 122.

⁵⁸ А. З. Розенфельд, указ. соч., стр. 42.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ А. П. Баранников, указ. соч., там же.

АННИГИЛЯТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ЯЗЫКАХ ЕВРОПЫ И АЗИИ.

А. Индоевропейские языки Европы

I Литовский, II Латышский, III Славянские, IV Немецкий, V Французский

В. Неиндоевропейские языки Европы и языки Азии

Финно-угорские

1 Марийский

Тюркские (а)

2 Чувашский
3 Татарский
4 Башкирский
5 Казахский

6 Каракалпакский

7 Узбекский

8 Киргизский

Индоевропейские

9 Таджикский

10 Хинди

Дравидийские

11 Каннада

12 Тамильский

Тюркские (б)

13 Якутский

14 Шорский

15 Хакасский

Монгольские

16 Монгольский

17 Бурятский

Тибето-китайские

18 Китайский

19 Корейский

20 Японский

5. К вопросу об аннигилятивной конструкции в других индоевропейских языках (Европы)

5. 1. *Немецкий.* В специальной работе об инфинитиве, где рассматриваются также и сочетания его с показателями фазовости процесса, в примерах конструкций с *aufhören* встречаются следующие глаголы: *bestehen, beten, danken, essen, flattern, lachen, lieben, sein, singen, sprechen*⁶¹. Как видим, здесь выделяется группа глаголов речи, но нет ни одного инфинитива с аннигилятивным значением.

Буквальное соответствие форме русских купишкенских говоров — *изба кончает разваливаться* — *Das Haus hört auf einzustürzen* — означает совсем другое — прекращение процесса разрушения. Само же аннигилятивное значение выражается словосочетанием глаголов не с глаголами, а с наречиями типа *ganz, gar, total, vollkommen* (т. е., по-видимому, так же, как и в славянских литературных языках): *Die Kartoffeln sind vollkommen (ganz, gar) verfault. Das Kleid ist total zerrissen.*

5. 2. *Французский.* Уже сами тексты лингвистических работ на французском языке свидетельствуют об употреблении в нем конструкций аннигилятивного типа. В роли спрягаемого глагола выступают *achever* и *finir*.

abandonner: «...les seigneurs de langue germanique et leurs suites qui se sont installés en conquérants dans la Gaule romanisée et ont fini par abandonner leur langue maternelle» (M. Cohen, *Pour une sociologie du langage*, Paris, 1956, стр. 180).

s'acclimater: «...les éléments étrangers restent nettement en dehors du système de la langue indigène; toutefois il y a des cas où ils finissent par s'acclimater» («Travaux du cercle linguistique de Prague», N 4, Prague, 1931, стр. 299).

éliminer: «...il s'agisse de la Corse, de l'Irlande, de l'Angleterre, qui achève d'éliminer les dialectes celtique...» (A. Dauzat, *La géographie linguistique*, Paris, 1922, стр. 136).

restreindre: «Donc, le savant suédois, parti à la recherche d'un calcul de probabilités à appliquer au problème de la parenté linguistique, finit par restreindre l'efficacité du dit calcul à la casualité des coïncidences...» (V. Pisanì, *Saggi di linguistica storica*, Torino, 1959, стр. 31).

Из этих примеров видно, что французский язык в отношении аннигилятивной конструкции ближе к литовскому, чем языки славянские (см. 2) или немецкий (см. 5. 1).

Выяснение характера аннигилятивной конструкции во французском несомненно имело бы определенное значение для установления природы рассматриваемой конструкции и в балтийских языках.

⁶¹ G. B e c h, *Studien über das deutsche Verbum infinitum*, I, København, 1955, стр. 102, 110, 119.

В работе о структуре глагола в языках Британских островов, привлекая для сравнения большие языковые пространства, Г. Вагнер выделяет два главных типа, или два макроареала: евразийский (между Черным и Балтийским морем, с одной стороны, Рейном и Тихим океаном — с другой) и еврафриканский (североафриканско-западноевропейский)⁶². При этом в связи с евразийским характером аннигилятивной конструкции и употреблением ее во французском языке интересным кажется то, что последний как раз и не относится к Евразии, а принадлежит, по Г. Вагнеру, к еврафриканскому типу (ареалу). Это выражается, в частности, в ряде синтаксических и синтаксико-семантических явлений в области глагола, особую важность которых для поставленной цели подчеркивает и сам автор⁶³.

Как в свете положений Г. Вагнера рассматривать аннигилятивную конструкцию во французском языке? Известна ли она и другим языкам североафриканско-западноевропейской области и, таким образом, не принадлежит ли иному ареалу, чем конструкция в балтийских и восточных языках?

Несомненно одно, что типологическая связь между французским и балтийскими языками в отношении аннигилятивной конструкции существует, и данный пример в какой-то степени может иллюстрировать критическое замечание В. Н. Топорова относительно выделения североафриканско-западноевропейского языкового ареала: «Возможно, что столь широкие заключения были бы оправданы, если бы автор... не упускал из виду типологические связи кельтских языков (или германского, французского) с другими индоевропейскими»⁶⁴.

5. 1—2. *Выводы.* Таким образом, характерной чертой литовского языка, отличающей его от славянских, является употребление в нем аннигилятивной конструкции — особенность, которая типологически сближает его с рядом неиндоевропейских языков, прежде всего — тюркских. Это расхождение между балтийскими и славянскими языками, будучи выраженным в терминах одного языка, четко обнаружилось в купишкенских русских говорах Литвы и, очевидно, было бы отмечено и раньше, если бы развивалось типологическое сопоставление балтийских и неиндоевропейских (помимо прибалтийско-финских) языков.

⁶² H. Wagner, *Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln. Ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums*, Tübingen, 1959, стр. 152.

⁶³ Там же, стр. 158 и 178.

⁶⁴ В. Н. Топоров, *Исследование по географической типологии кельтского глагола: H. Wagner, Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln*, сб. «Исследования по структурной типологии», Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 270.

Аннигилятивная конструкция имеет свои семантические варианты (в зависимости от значения спрягаемого глагола), и то обстоятельство, что к литовскому языку в этом смысле ближе всего оказываются и географически ближе расположенные к нему тюркские языки (в частности, северо-западные), делает рассматриваемое явление интересным примером ареальной типологии языков.

Все это показывает, насколько может быть полезным обращение к неиндоевропейским данным для выявления и описания тех или иных особенностей индоевропейских⁶⁵, в частности, балтийских языков.

Вместе с тем, сам факт существования конструкций такого типа в литовском языке имеет не только методологическое значение. Поскольку существует мнение, что так называемые интенсивные глаголы (формы, которые показывают, что действие закончено в полной мере. — А. Н.) составляют особенность, по которой хинди (также как и другие новоиндоарийские языки) разительно отличаются (*auffällig unterscheidet*) от других индоевропейских языков⁶⁶, то наличие интенсивной по своему характеру аннигилятивной конструкции в литовском языке говорит о возможности дополнить приведенный выше тезис.

Сопоставление индоарийских сложных глаголов интенсивного типа, с одной стороны, и литовской (балтийской) аннигилятивной конструкции с другой, — интересно еще и с точки зрения соотношения синтетического (префиксации) и аналитического (словосочетания) средства выражения глагольных значений, в частности видовых. И если в индоарийских на смену префиксации появились сложные глаголы так, что хотя бы в исторической перспективе можно говорить о соотношении синтетического и аналитического способов выражения видовых значений, то в синхронном плане аналогию такого отношения можно наблюдать и между балтийскими и славянскими языками. Ср. конструкция с *baigti* в большинстве случаев встречается в тех местах перевода с русского на литовский, где в оригинале употреблены глаголы с приставкой *до-*, которой нет в литовском литературном языке. Этим же объясняется и большая распространенность самой конструкции «кончать» + инфинитив в балтийских языках, о чем можно судить уже по ее избыточному

⁶⁵ Ср. указание на параллели в индоевропейских языках Европы к семантике вспомогательных глаголов в сложных глагольных образованиях дравидийских языков в кн.: J. Bloch, *The grammatical structure of dravidian languages*, Poona, 1954, стр. 90—91.

⁶⁶ Р. Наскер, указ. соч., стр. 183.

(с точки зрения восточнославянского языкового восприятия) употреблению в русских купишкенских говорах Литвы.

Однако выражение аннигилятивного значения не осуществляется только одним путем — сочетанием спрягаемой и неспрягаемой форм глагола. Как хорошо было видно на примерах переводов аннигилятивных конструкций на русский литературный язык, в последнем таким конструкциям семантически эквивалентны сочетания аннигилятивных глаголов с наречиями «окончательно», «полностью», «совсем», «уже» и т. д.

При этом интересно отметить, что литовские конструкции *baigtī* + аннигилятивный глагол не всегда противопоставлены славянскому типу, а, напротив, могут сочетать в себе и тот, и другой, дополняя рассматриваемое сочетание двух глаголов такими наречиями, как *galutinai*, *visai*, *jau* и т. п.

Чем объяснить, что аннигилятивная конструкция, имеющая такой огромный ареал распространения, на территории Азии существует также и в литовском языке?

Как понимать это явление: разобренный литовско-тюркский ареал или же литовский и тюркский ареалы?

Известно, что с точки зрения теории волн даже в непрерывном ряду географически удаляющихся соседних языков природа одного и того же явления может быть различной, в частности, «в каком-либо из этих языков сходное явление, которое мы примем за результат действия одной волны, может оказаться спонтанно возникшим»⁶⁷.

Это положение является справедливым в отношении многоязычного ареала аннигилятивной конструкции на территории Азии — тем более следует говорить о спонтанности возникновения рассмотренного явления и самостоятельности его ареала в литовском языке, который не имеет территориальных контактов даже с ближайшими к нему тюркскими языками Волго-Камья, что в исторической перспективе в свое время предполагал Б. А. Серебренников.

Однако пока нет возможности дать надежный исторический комментарий ареально-типологической общности между литовским, с одной стороны, тюркскими и другими языками Волго-Камья и Азии — с другой. В данном случае уместно вспомнить слова Л. Д. Ландау о том, что поскольку теоретическая физика в настоящее время «почти беспомощна» в одной из своих проблем, то «по этой причине любые замечания здесь неизбежно носят характер предсказаний, и их авторы легко могут оказать-

---

⁶⁷ Б. А. Серебренников, Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции, ВЯ, 1957, 4, стр. 15.

ся в положении охотничьей собаки, лающей под пустым деревом»⁶⁸.

Очевидно, в отношении ареала аннигилятивной конструкции наиболее конструктивный вывод уже содержится в замечательных словах Г. Шухардта, сказанных им еще в начале века: «Я бы хотел, чтобы мои замечания, за догматической краткостью которых скрываются известные сомнения, побудили исследователей индоевропейских языков выйти за их пределы, чтобы рассмотреть вопрос о том, чем объясняются указанные здесь явления — «мышлением народов», первоначальным родством языков или влиянием одних языков на другие»⁶⁹.

Общевалтийский лингвистический атлас в случае реализации этой идеи обязательно должен был бы включить в свою программу вопрос об аннигилятивной конструкции с тем, чтобы установить, в какой мере данное явление распространено и в области латышского языка. Одновременно это явилось бы и фактом балто-славянского лингвистического атласа, поскольку славянская территория составит одно целое с той частью латышского ареала, в которой аннигилятивная конструкция не употребляется. Вместе с тем, нельзя не отметить, что участие русских купишкенских говоров в общевалтийском атласе (в отношении рассматриваемой конструкции) было бы не только желательным, но и необходимым, поскольку так же, как и в случае видовых особенностей фазовой конструкции окончания действия (см. гл. II, 1—5), эти говоры относятся к балтийскому типу.

⁶⁸ Л. Д. Ландау, *Фундаментальные проблемы*, сб. «Теоретическая филология 20 века», Изд-во иностр. лит., М., 1962, стр. 285.

⁶⁹ Г. Шухардт, *Об активном и пассивном характере переходного глагола*, сб. «Эргативная конструкция предложения», Изд-во иностр. лит., М., 1950, стр. 106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ареальный подход к типологически сопоставляемым явлениям представляется весьма перспективным направлением в исследовании современных отношений балтийских и славянских языков.

1. Особое место в различных аспектах этого направления занимает изучение славянских (балтийских) языковых островов в балтийском (соответственно — славянском) окружении, которые важны прежде всего со стороны своего двуязычия и выражения в терминах одного языка фактов двух языков. При этом взаимодействии языки могут выступать не столько в своих местных, диалектных разновидностях, сколько в общих панареальных типах, как это видно на примере конструкции типа *кончаает прийти* (гл. II). Очевидно, окажись на месте русских купишкенских говоров Литвы говоры любого другого славянского языка, в последних могла бы возникнуть та же самая конструкция подобно тому, как, в свою очередь, в отношении финно-угорских языков балтийские и славянские (в частности, словацкий) выступают в качестве одного типа (гл. I, разд. второй).

Таким образом, можно говорить, что в случае балто-славянского билингвизма (проявление которого, конечно, не ограничивается только островными говорами) черты обеих групп языков могут выражаться в наиболее общей, типологической форме. Сформулированные в терминах одного языка, они представляют своего рода вопросник для изучения балто-славянских языковых отношений в широком, континентальном масштабе. В частности, уже были высказаны мнения о значении данных островных славянских говоров на территории Литвы и Латвии для разработки программы предполагаемого в будущем атласа смежных балто-восточнославянских языковых территорий¹.

---

¹ См. ответы М. Ф. Семеновской и автора на вопрос: «Какво е значението на славянските диалекти в неславянските страни за историята и диалектологията на славянските езици?», «Славянска филология», т. I, Отговори на въпросите за научната анкета по езиковедие (материали за V международен конгрес на славистите), София, 1963, стр. 312—314.

2. Рассмотрение территории балтийских и славянских языков как двуединого ареала является более плодотворным, чем их анализ по частям, и в этом, методологическом смысле балто-славянское «единство больше двух» порознь взятых групп балтийских и славянских языков.

Так, в двух рассмотренных на всем балто-славянском языковом континенте явлениях на более — как социативный инструментал или менее — как словосочетание типа «сечь (косить) сено (хлеб)» — абстрактном уровне противопоставленные типы не только делили территорию одного языка между языками одной и той же группы, но и более того — ареал одного языка — литовского в обоих случаях оказался разделенным между балтийскими и славянским языковыми ареалами. Глубоко права В. Помяновска, которая писала, что «традиционное ограничение диалектологических исследований отдельными языковыми территориями следует трактовать не как методологический постулат, а скорее как результат практических трудностей проведения в международном масштабе исследований такого рода»².

В связи с тем, что деление на ареалы языков является своего рода прокрустовым ложем для ареалов явлений, «естественной границей языкового атласа должна быть самое меньшее граница группы языков»³. Очевидно, в рамки понятия «естественной границы языкового атласа», согласно такому определению, может войти и область двух близких между собой групп языков — балтийской и славянской, так что уместно ставить вопрос о балто-славянском лингвистическом атласе, не ограничивая его область только смежными территориями этих языков. Актуальность по крайней мере предварительной разработки некоторых теоретических проблем этого атласа не вызывает сомнения. И вряд ли может быть достаточно веским возражением, например, со стороны балтийских языковедов (от которых во многом зависит реализация этой идеи хотя бы в самом скромном варианте балто-славянского атласа — картографировании явлений общеславянского атласа на всей балтийской территории) указание на незавершенность национальных атласов: подготовка и реализация общеславянского лингвистического атласа началась в аналогичных условиях. Возможно, что в случае воплощения этой идеи в жизнь некоторые из рассмотренных здесь явлений континентального и межконтинентального характера

² W. Romianowska, ответ на вопрос № 27: «Как Вы относитесь к вопросу о возможности построения лингвистического атласа отдельных групп славянских языков или славянских языков в целом?...», «Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов)», Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 243—244.

³ Там же, стр. 244.

могли бы послужить эскизом к соответствующим пунктам пробного вопросника балто-славянского лингвистического атласа.

3. Когда речь идет об отношениях между балтийскими и славянскими языками и при этом не называются другие языки, то это еще не означает, что «третьего не дано». В действительности же только выход за пределы континента позволяет в ряде случаев выяснить как сходства (пересказывательное наклонение, утвердительный ответ в форме приставки и др.), так и различия (суффикс *-ininkas* в образовании названий жителей, аннигилятивная конструкция и т. д.) между балтийскими и славянскими языками. По-видимому, эти «третьи» языки представляют своего рода «внешнее поле», присутствие которого существенно сказывается на картине взаимоотношений рассматриваемых языков. Однако изоляция балтийских и славянских языков от этого «внешнего поля» возможна лишь как предварительный исследовательский прием, на котором нельзя остановиться. «Если желать, — писал А. Тромбетти, — чтобы индоевропейское языкознание действительно шло вперед, абсолютно необходимо разрушить ту стену, за которой его так хотят держать в заточении; в противном случае оно будет становиться все более и более бесплодным и утратит то исключительное положение, которое занимало до сих пор»⁴.

Эти же слова относятся и к балто-славянской языковой проблематике как части индоевропейского языкознания. Например, нельзя получить более полное представление о глагольном виде в балтийских и славянских языках, если сравнивать их только между собой (гл. II) и не выходить за пределы индоевропейских языков (гл. IV).

И не только межконтинентальные ареалы, в которых участвуют балтийские языки, важны для понимания отношения последних к славянскому языковому миру, но и наоборот, сами отношения балтийских и славянских языков, в частности их расхождения, имеют большое значение для установления различных ареально-типологических связей индоевропейских и неиндоевропейских языков, когда совпадает типологическая и ареальная близость. Ср., с одной стороны, тот факт, что специальный термин для обозначения понятия «косить» распространен в той части балто-славянского языкового континента, которая примыкает к неиндоевропейским языкам, где это считается общим признаком — с другой, из всего огромного ареала аннигилятивной конструкции на территории Волго-Камья и Азии наиболее близкий семантический тип относительно литовского языка пред-

⁴ А. Trombetti, *Elementi di glottologia*, Bologna, 1923, стр. 142.

ставляют и географически ближе расположенные к нему тюркские языки (в частности, северо-западные). Аналогичное ареально-типологическое соответствие наблюдается и в западном направлении, внутри индоевропейской семьи языков, когда западные ареалы балтийских (суффикс *-ininkas* в образовании названий жителей), а также балтийских и славянских языков («рубить», «сечь» в значении «косить сено или хлеб») оказываются связанными с ареалами типологически тождественных явлений германских языков.

4. Между тремя видами языковых ареалов — островными, континентальным и межконтинентальными — существует тесная взаимосвязь через ареалы явлений. Выделенные в том или ином языковом ареале, они уже требуют дальнейшего следования за собой, и так происходят постоянные выходы в пределы более широкого ареала: от островных — в континентальный, от континентального — в межконтинентальные⁵, и в итоге оказывается, что островные и межконтинентальные ареалы в той или иной степени входят в состав языкового континента, и наоборот, последний в большей или меньшей мере является составной частью первых. В частности, взаимосвязь островного и межконтинентального ареалов отчетливо прослеживается на примере фазовой конструкции окончания действия (гл. II) и аннигилятивной конструкции (гл. IV). Относительно другой связи — острова с континентом — следует подчеркнуть, что языковые острова на территории другого субконтинента (славянские в балтийских) или другой части того же субконтинента (славянские в инославянских) нередко составляют единый ареал со своим окружением — обстоятельство, которое необходимо учесть при разработке атласов балто-славянского языкового континента в целом или отдельных его частей.

5. Близость балтийских и славянских языков, выделяющая их среди других групп индоевропейской языковой семьи, должна быть подробно изучена в ее ареальном выражении. Именно в ареалах заключается специфичность отдельных балто-славянских явлений как по отношению к другим индоевропейским языкам, так и внутри самой области балтийских и славянских языков. Одни из этих ареалов оказываются ареалами новых явлений, которые представляют собой примеры действительно парал-

---

⁵ Ср.: в предисловии к своей монографии, в которой, в частности, рассматриваются соответствия между языками Западной Европы и Северной Африки, Г. Вагнер пишет: «Исходным пунктом данного исследования является моя многолетняя работа над разговорным ирландским языком и его диалектами» (H. Wagner, *Das Verbum in den Sprachen der Britischen Inseln. Ein Beitrag zur geographischen Typologie des Verbums*, Tübingen, 1959, стр. X).

лельного развития балтийских и славянских языков, другие же, будучи древними, сохранившимися только на окраинах балтийских и славянских языковых территорий, напротив, могут быть использованы для воссоздания балто-славянской языковой палеогеографии, через которую должен лежать путь к решению гипотезы о балто-славянском языковом единстве.

Ближайшей задачей во всей этой проблематике является исследование ареально-типологического сходства между балтийскими и славянскими языками, и только после ее выполнения станет возможным решение вопроса об исторических причинах этой общности.

СПИСОК КАРТ И ТАБЛИЦ

Карта № 1. Инструментал в балтийских и смежных с ними восточно-славянских языках (континентальные и островные говоры)	59
Карта № 2. Удвоенный предлог *sъ и беспредложный социатив в западно- и южнославянских языках	84
Карта № 3. Словосочетание типа «сечь (косить) рожь» — kirsti (piauti) tugiuis в литовском и смежных с ним говорах латышского языка	96—97
Карта № 4. Словосочетание типа «сечь (косить) сено (хлеб)» в западнославянских и смежных с ними восточнославянских языках	116—117
Карта № 5. Словосочетание типа «сечь (косить) сено (хлеб)» в южнославянских языках	128
Карта № 6. Аннигилятивная конструкция в языках Европы и Азии	152—153
Таблица 1. Общая модель отношений между балтийскими и славянскими языками	13
Таблица 2. Употребление в литовском языке глаголов сенокошения и жатвы	91

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ И СЕРИЙНЫХ ИЗДАНИЙ

- БЕ — «Български език»
БСЭ — «Большая советская энциклопедия»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
ДСИЯ — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР»
ЗНТШ — «Збірник філологічної секції наукового товариства ім. Шевченка»
КСИС — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР»
СБНУН — «Сборник за народни умотворения и народопис»
Слзб — «Српски дијалектолошки зборник»
AMMD — «Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai»
GK — «Gimtoji kalba»
JP — «Język polski»
JФ — «Јужнословенски филолог»
LiK — «Literatūra ir kalba»
LKK — «Lietuvių kalbotyros klausymai»
LP — «Lingua Posnaniensis»
MAD — «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai»
MaSN — «Moravská a slezská nářečí» (Vydává dialektologická komise při Matici moravské)
PF — «Prace Filologiczne»
PKJ — «Prace Komisji Językowej PAU»
PWTN — «Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego»
Rozpr. ČAV(S)U — «Rozpravy České Akademie pro vědy (slovesnost) a umění»
RS — «Rocznik Slawistyczny»
SMS — «Sborník Matice slovenskej»
SR — «Slavistična revija»
WdS — «Die Welt der Slaven»
ZfS — «Zeitschrift für Slawistik»
ZfslPh — «Zeitschrift für slavische Philologie»

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аванесов Р. И. 10, 11
Аристэ П. 21
Арумаа П. (Arumaa P.) 16, 66—67
Балькявичюс Й. (Balkevičius J.) 27
Баранников А. П. 151, 152
Бархударов С. Г. 151, 152
Бауэр Я. 12
Бауэрова М. 62
Белич А. (Белић А.) 83, 85
Бенвенист Э. 6
Бернштейн С. Б. 10, 11, 23, 24, 87
Блок Ж. (Bloch J.) 155
Бонк С. (Bak St.) 73, 79, 80, 82, 83
Бонфанте Дж. 151
Браунер З. (Brauner S.) 39, 41—42, 47
Брозович Д. (Brozović D.) 24
Буга К. (Būga K.) 21, 23
Будагов Р. А. 30
Бух Т. И. (Buchienė T.) 40—41
Вагнер Г. (Wagner H.) 154, 161
Вайнрайх У. (Weinreich U.) 7, 16
Вестфаль Е. 10
Видуگیرис А. (Vidugiris A.) 44
Вирт П. (Wirth P.) 112
Галнайтите Е. (Galnaitytė E.) 42, 45
Горнунг Б. В. 7
Гринберг Дж. (Greenberg J. H.) 8, 30, 31
Гухман М. М. 134
Дайен Й. (Dyen I.) 8
Дамбе В. (Dambe V.) 103
Дамбрюнас Л. (Dambriūnas L.) 41, 43
Демина Е. И. 26
Звегинцев В. А. 25
Зданевич Т. (Zdancewicz T.) 20
Зенн А. (Senn A.) 40, 46
Зискал А. (Ziskal A.) 115, 116
Иванов Вяч. Вс. 31
Ивич М. (Ивић М.) 72, 126
Ивич П. (Ивић П.) 57, 72, 75, 76, 126, 127
Иллич-Свитыч В. М. 24
Қарась М. 12
Клейн Д. 62
Клеменсевич-Байерова И. (Kle-
mensiewicz-Bajerowa I.) 77, 79
Коньт К. (Kont K.) 7
Кравчук Р. В. 101
Кребер А. (Kroeber A. L.) 15
Кречмер П. (Kretschmer P.) 29, 122
Леков И. 23—24
Лепика М. 7
Либерис А. (Lyberis A.) 29, 90
Линдквист И. (Lindquist I.) 34
Логар Т. (Logar T.) 68
Мажюлис В. (Mažiulis V.) 20, 138
Макаев Э. А. 30
Маслов Ю. С. 38, 50, 51
Мейе А. (Meillet A.) 32, 35
Младенов С. 23, 25
Мошинский К. (Moszyński K.) 106, 110, 132
Наконечна Г. (Nakonetschna H.) 29, 121
Непокупный А. П. 4, 61, 63, 158
Нитш К. (Nitsch K.) 64, 77, 78, 79, 80, 82—83, 87, 109, 112
Новгородов М. А. 60
Паулаускас Й. (Paulauskas J.) 21, 46, 47
Петерсон М. Н. 18
Петрович Э. (Petrovici E.) 9, 19
Пешковский А. М. 38
Пецо А. 75
Пизани В. (Pisani V.) 5, 131
Помяновска В. (Pomianowska W.) 11, 159
Потебня А. А. 52, 135
Прокопенко В. А. 122
Розенфельд А. З. 145, 151, 152

Именной указатель

- Роспонд С. (Rospond St.) 73
Руиг П. (Ruhig P.) 62
Сабалиускас А. (Sabaliauskas A.) 22, 63
Сабо Й. (Szabo J.) 21—22
Сандфельд К. (Sandfeld Kr.) 17
Сафаревич Я. (Safarewicz J.) 43, 45, 46, 51
Семенова М. Ф. 158
Серебренников Б. А. (Serebrennikow B. A.) 8, 143—144, 156
Скарджюс П. (Skardžius Pr.) 40
Слава М. К. 70
Славский Ф. (Sławski Fr.) 73
Станг Х. (Stang Chr.) 44
Стойков С. 24
Сухотин В. П. 38
Тамсен М. (Tamsen M.) 105
Толстой Н. И. 11—12
Томашевский А. (Tomaszewski A.) 77, 78—79, 80, 111
Топоров В. Н. 10, 22, 23, 154
Тромбетти А. (Trombetti A.) 160
Трост П. (Trost P.) 7
Трубачев О. Н. 22, 23, 24, 33
Френкель Э. (Fraenkel E.) 20, 25, 42—43, 46, 65—66, 105
Хаккер П. (Hacker P.) 145—146, 155
Хердан Дж. (Herdan G.) 14
Хмелевский Я. (Chmielewski J.) 34
Шахматов А. А. 65
Шипош И. (Sipos I.) 22
Шлейхер А. (Schleicher A.) 22
Штибер З. (Stieber Zd.) 10, 78, 110, 113
Шухардт Г. 134, 157.
Эллегард А. (Ellegård A.) 14
Эллис Дж. (Ellis J.) 27
Эмено М. (Emeneau M. B.) 7, 8
Эндзелин Я. (Endzelins J.) 32, 67, 69, 76, 102
Юрковский Е. (Jurkowski E.) 108
Яблонскис Й. (Jablonskis J.) 40
Якобсон Р. (Jakobson R.) 5, 12, 27
Якобсон Г. (Jakobsson G.) 89, 123, 131—132

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Балтийские и славянские языки указываются каждый в отдельности, другие индоевропейские — по группам, неиндоевропейские — по семьям.

А. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

I. БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Балтийские

латышский 7, 21, 24, 25, 26, 31—32, 34, 57, 68—70, 102—104, 118, 130, 138, 141—142, 157
литовский 16, 17, 18, 20, 21—22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31—33, 39—48, 52, 56, 63—64, 65—68, 70—71, 90—98, 99—102, 103—104, 105, 121, 122, 130—131, 136, 137—138, 139—141, 142, 155, 156
прусский 104—105

2. Славянские

белорусский 20—21, 28, 43—44, 52, 56—57, 62—63, 71, 88, 118, 119
болгарский 23, 24, 25, 26, 27, 28, 38, 86, 87, 127—129, 130
лужицкие 38, 83, 112—113, 116

македонский 24, 86
палабский 113, 117, 121
польский 18, 20, 25, 28, 64, 73, 77—80, 82—83, 87, 106—112, 113, 116, 117, 121, 136—137
русский 16—19, 38—39, 44, 48—51, 52, 53, 58—61, 71, 88, 119—121, 135, 136, 137—138, 142, 154, 155, 156—157
сербохорватский 24, 28, 64—65, 75—76, 83—85, 126—127, 129, 130
словацкий 21—22, 25, 28, 83, 113—116, 122
словенский 35, 68, 83—85, 125—126, 129, 130
украинский 28, 29, 85, 86—87, 118—119, 120, 121—124, 136
чешский 25, 64, 73—74, 83, 113—117, 118

II. ДРУГИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

албанский 26, 27
германские 27, 29, 33, 105, 121—122, 134, 153, 154
индо-иранские 134, 145—146, 149, 150, 151, 152, 155
романские 17, 19, 38, 138, 153—154

Б. НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

айну 34
американские 34
дравидийские 146, 149, 150, 151
корейский 148—149
монгольские 147—148, 152
тибето-китайские 148, 150, 152
тюркские 26, 27, 35, 144—145, 146—147, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 156
финно-угорские 6—7, 18, 19, 21, 22, 26, 27, 28, 35, 143—144, 151, 154
японский 149, 151, 152.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-----------------------	---

Глава I

О ТРЕХ АСПЕКТАХ В ИЗУЧЕНИИ АРЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Раздел первый.</i> К вопросу об ареальном исследовании балто- славянских языковых отношений	5
<i>Раздел второй.</i> Три аспекта ареальных отношений балтийских и славянских языков	13

Глава II

ОСТРОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. РУССКИЕ ГОВОРЫ В ЛИТОВСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Вид глагола в конструкции окончания действия (Фазовая кон- струкция типа <i>кончает прийти</i>)	37
---	----

Глава III

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ БАЛТИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Раздел первый.</i> Общие синтаксические формы творительного инструментального и социативного (Конструкции типа <i>косить с косой, косить отцом</i>)	54
I. Балтийские и смежные с ними восточнославянские языки	55
II. Западно- и южнославянские языки	72
<i>Раздел второй.</i> Общая лексико-семантическая форма понятий «косить» и «рубить» (Словосочетание типа <i>сечь/косить сено/хлеб</i>)	88
I. Балтийские языки	90
II. Славянские языки	106

Глава IV

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. БАЛТИЙСКИЕ И НЕСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Семантика глагола в конструкции окончания действия (Конст- рукция типа <i>кончает исчезать</i>)	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
Список карт и таблиц	163
Условные сокращения названий периодических и серийных изданий	164
Именной указатель	167
Указатель языков	165